

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

На правах рукописи

ШАШОК Лариса Александровна

**ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН»: ВНУТРЕННИЕ
И ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Новиков Дмитрий Павлович
кандидат политических наук

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН»	26
1.1. Детерминанты и механизмы формирования религиозно-политических движений в контексте глобальной и региональной политики	26
1.2. Факторы формирования религиозно-политического движения афганских талибов.....	44
1.3. Предпосылки укрепления политической субъектности движения «Талибан» в Афганистане.....	65
Выводы по первой главе	78
ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН» И ЕГО МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД	81
2.1. Концептуальная трансформация «Талибана» после терактов 11 сентября 2001 года.....	81
2.2. Внутриполитическая динамика в Афганистане после возвращения к власти движения «Талибан».....	110
2.3. Устойчивость режима афганских талибов в условиях нестабильной военно-политической обстановки.....	129
Выводы по второй главе	144
ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН» И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	147
3.1. Вызовы и угрозы движению «Талибан» в международном контексте ..	147

3.2. Национальные интересы России в современном Афганистане	156
3.3. Основные направления российско-афганских отношений в новых условиях международной обстановки.....	168
Выводы по третьей главе	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Афганистан на протяжении более сорока лет находился в состоянии непрекращающейся войны. В 1979 году произошел ввод советских войск на территорию Афганистана, целью которого было укрепить недавно установленный просоветский режим. Военная операция обернулась девятью годами противостояния между поддерживаемыми СССР правительственными силами и антиправительственными вооруженными формированиями моджахедов.

После вывода советских войск с территории Афганистана страну охватила гражданская война, подготовившая почву для ее захвата радикальным исламистским движением «Талибан». После четырех лет конфликта (1992–1996) между конкурирующими группами моджахедов движение получило поддержку населения в начальный постсоветский период на фоне обещаний установить стабильность и верховенство закона.

«Талибан» управлял Афганистаном с 1996 года до вторжения международной военной коалиции под руководством США в 2001 году. С того момента, на протяжении почти двух десятилетий, движение вело активную подрывную деятельность против поддерживаемого США правительства в Кабуле. В связи с изменением международной обстановки и повторным приходом талибов к власти следует уделить внимание анализу рисков, способных ослабить единство внутри движения и поставить под угрозу его целостность.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, в XXI веке угроза международного терроризма вышла на качественно новый этап развития. Использование международными террористическими организациями «Аль-Каида» (деятельность которой запрещена в РФ)¹ и «Исламское государство» (ИГИЛ, здесь и далее –

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003.

террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ)² современных информационно-коммуникационных технологий существенно усилило угрозы общественной и международной безопасности. Ограниченные боевые возможности данных группировок компенсируются активной вербовкой новых сторонников, получением транснациональной финансовой поддержки, а также целенаправленным формированием повестки дня средств массовой информации, институтов государственной власти и международных организаций³.

Экспертное сообщество, занимающееся исследованием феномена терроризма, фиксирует устойчивую тенденцию переноса противостояния между радикальными организациями и антитеррористическими структурами в виртуальное пространство, что свидетельствует о трансформации характера угроз и необходимости переосмысления подходов к их нейтрализации. В связи с этим считаем необходимым углубленное изучение генезиса и эволюции радикальных религиозно-политических движений, включая опыт становления и трансформации движения «Талибан», которое наглядно демонстрирует влияние идеологических установок, социокультурных особенностей и внешнеполитических факторов на стратегию и тактику радикальных организаций. Такой анализ позволит не только точнее прогнозировать их дальнейшее развитие в условиях новой реальности, но и формировать более адекватные меры противодействия, учитывающие как цифровую среду, так и социально-политический контекст их деятельности.

Во-вторых, потребность в изучении изменения характера террористической активности предопределяет необходимость постоянного совершенствования методов противодействия. Для развития отечественной исследовательской базы в данной сфере особое значение приобретает

² Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015.

³ Синчук Ю. В. Российская Федерация в борьбе с международным терроризмом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. №4 (845). С. 103-117.

обращение к зарубежному опыту – как положительному, так и отрицательному. Его систематизация и критический анализ позволяют более рационально распределять имеющиеся ресурсы, минимизировать издержки и вырабатывать более эффективные механизмы борьбы с терроризмом.

В-третьих, необходимо подчеркнуть значимость исследования зарубежного опыта противодействия терроризму, учитывая противоречивость его оценок. Большинство отечественных экспертов, по ряду объективных причин, вынуждены обращаться к публикациям, подготовленным преимущественно в странах Запада, в первую очередь, в государствах-членах НАТО. Такая зависимость от внешних источников чревата риском искажения представлений о результативности зарубежных практик. Кроме того, она может провоцировать недоверие к их заимствованию и, в ряде случаев, рассматриваться как один из инструментов ведения гибридной войны, направленной против национальных интересов и безопасности Российской Федерации.

В-четвертых, тема исследования характеризуется недостаточной степенью научной разработанности в отечественной академической среде, что обуславливает необходимость выработки сугубо российских аналитических подходов, свободных от западной парадигмы.

Следует подчеркнуть, что настоящее исследование не преследует цели оправдания подрывной деятельности движения «Талибан» и иных террористических организаций, упоминание которых содержится в работе. Тем не менее, невозможно отрицать значимость влияния, которое данное движение оказало на политическую динамику современного Афганистана. Умаление внутривнутриполитического веса представителей обозначенного движения, особенно после возвращения к власти в 2021 году, противоречило бы объективному научному анализу. Детальное изучение этапов эволюции движения «Талибан» необходимо для понимания внутренних процессов в движении, а также для прогнозирования его роли в будущей политической архитектуре Афганистана и в региональной системе международных

отношений. Особую значимость данное направление имеет для развития российско-афганских отношений на современном этапе в связи с признанием Российской Федерацией правительства Исламского Эмирата Афганистан⁴.

Кроме того, использование в данном диссертационном исследовании материалов организаций и лиц, впоследствии признанных в РФ иностранными агентами или включенных в перечень нежелательных организаций, осуществлялось исключительно в научных целях, в рамках обеспечения комплексного, многостороннего и беспристрастного анализа исследуемой проблематики. Все упомянутые источники применялись до момента наделения их соответствующим статусом.

Степень научной разработанности темы. Анализ научной литературы по теме диссертационного исследования позволяет объединить источники информации в несколько групп. К первой группе относятся исследования отечественных специалистов, посвященные исследованию теории международных отношений и концепции национальной безопасности. Данную группу представляют работы таких исследователей, как Бартош А. А., Богатуров А. Д., Бордачев Т. В., Дынкин А. А., Караганов С. А., КОРТУНОВ А. В., КОРТУНОВ С. В., Лукин А. В., Цыганков П. А., Шаклеина Т. А., и др.⁵

⁴ Москва официально признала Исламский эмират Афганистан // ТАСС. – 2025. – 3 июля. – URL: <https://tass.ru/politika/24426417> (дата обращения: 05.07.2025).

⁵ Бартош А. А. НАТО после Афганистана: поиски новой стратегии // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 2(23). С. 67-78; Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения, 2018. 592 с.; Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: 2007; Российско-китайское стратегическое взаимодействие в обеспечении безопасности в Афганистане после вывода войск США: доклад № 80/2022. М.: НП «Российский совет по международным делам», 2022. 48 с.; Богатуров А. Д., Дундич А. С., КОРГУН В. Г. и др. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.; Богатуров А. Д. Прикладной анализ международной политики. Ситуации и конфликты. 1992-2021 годы. М.: Аспект Пресс, 2022. 320 с.; Дынкин А. А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 8-23.; КОРТУНОВ С. В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003. 630 с.; Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция. М.: Издательство «Весь мир», 2023. 432 с.; Цыганков П. А., ДРОБОТ Г. А., ЛЕБЕДЕВА М. М.: Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: учебное пособие. М.: Альфа-М, 2013. 335 с.; Шаклеина Т. А., Байков А. А., Баталов Э. Я., Симония Н. А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. М.: Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Ко второй группе работ относятся исследования отечественных ученых, посвященных изучению истории Афганистана, комплексному анализу многообразия афганского общества, выраженного в ряде социально-религиозных аспектов, его менталитета и, собственно, предпосылок возникновения движения «Талибан», а также его последующей эволюции. В эту группу входят работы Белокреницкого В. Я., Князева А. А., Лалетина Ю. П., Мачитидзе Г. Г., Наумкина В. В., Нессара М. О., Пластуна В. Н., Сафранчука И.А. Христофорова В.С. и др. Сюда же можно отнести работы Аруновой М. Р., Коргуна В. Г., Сикоева Р. Р.⁶

К третьей группе относятся труды зарубежных исследователей, посвященные вопросам международных отношений в контексте взаимосвязи политики, социологии и религии. Данные работы освещают влияние цивилизационных различий на глобальные политические процессы, роль религии и идеологии в трансформации мирового порядка, особенности социокультурных факторов в формировании внешнеполитических стратегий государств. К этой группе относятся исследования Валлерстайна И., Вебера М., Жижека С., Тоффлера Э., Хантингтона С.⁷ и других авторов, чьи

⁶ Арунова М. Р. Афганистан: трудные поиски путей к примирению // Афганистан: проблемы войны и мира. М.: 2000. С. 211-224.; Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 216 с.; Князев А. А. К вопросу об эволюции движения талибов в Афганистане // Сравнительная политика. 2023. Т. 14. № 1-2. С. 79-96.; Коргун В. Г. Афганистан на крутых поворотах истории XX века // Мусульманские страны у границ СНГ: (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция - современное состояние, история и перспективы). М.: Крафт+, 2001. С. 23-28.; Лалетин Ю. П. Государство и племя в политической системе Афганистана // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 280-315; Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М., Н. Новгород: Медина, 2008. 768 с.; Нессар М. О. Современный Афганистан: факторы нестабильности // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2. С. 38-50; Нессар О. М. Генезис и эволюция движения «Талибан» // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 20-31.; Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М.: 2002. С. 115.; Сафранчук И.А. Россия и война в Афганистане: от поддержки международной коалиции до самостоятельной стратегии // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 6. С. 35-47.; Христофоров В.С. Военные кампании СССР и США в Афганистане: Сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с.

⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. [пер. с англ. П. М. Кудюкина}. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. 416 с.; Вебер М. Типы господства. 4. Харизматическое господство // Социс. 1988. № 5. С. 139-147; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. Москва: АСТ, 2006. 573 с.; Toffler A. The Third Wave. New York: Bantam Books, 1980. 544 p.; Žižek S. Welcome to the Desert of the Real!: Five Essays on September 11 and Related Dates. London; New York: Verso, 2002.; Žižek S. Are we in a war? Do we have an enemy? London Review of Books. Vol. 24 № 10, 23 May 2002. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v24/n10/slavoj-zizek/are-we-in-a-war-do-we-have-an-enemy> (дата обращения 23.11.2022)

концепции позволяют рассматривать международные отношения не только с позиции политико-экономических процессов, но и через призму культурных, социологических и религиозных детерминант.

К четвертой группе относятся исследования зарубежных специалистов, сфокусированных на изучении сущности движения «Талибан». Работы таких зарубежных исследователей как Джустоцци А., Кларк К., Колл С., Рубин Б., Руттиг Т., Уоткинс Э. и Фаррелл Т.⁸, наглядно иллюстрирующих концептуализацию движения «Талибан» в динамике, по мере изменения внутри- и внешнеполитической обстановки в Афганистане.

Известный британский специалист в области изучения проблем Ближнего Востока Марсден П.⁹ считает, что движение «Талибан» стало важным явлением в современных международных отношениях, сущность которых отнюдь не исчерпывается событиями в Афганистане. Благодаря своему крайнему радикализму оно приняло на себя символическую роль в противостоянии доминирующему положению США на глобальной арене. Своим принятием альтернативной системы ценностей и бескомпромиссной решимостью навязать эту систему целой стране – вместо материальных благ, которые сулит более широкий уровень взаимоотношений с международным сообществом, – талибы сделали себя практически неуязвимыми для давления

⁸ Giustozzi A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. Landinfo, August 23, 2017 [Electronic resource]. URL: www.landinfo.no/asset/3589/1/3589_1.pdf (дата обращения: 19.12.2022); Clark K. The Taleban's rise to power: As the US prepared for peace, the Taleban prepared for war. Afghan Analyst Network, 2021. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/the-talebans-rise-to-power-as-the-us-prepared-for-peace-the-taleban-prepared-for-war/> (дата обращения: 12.10.2021); Coll S. Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001. New York, NY: Penguin, 2004. 732 p.; Rubin B. R. Afghanistan in the Post-Cold War Era. Oxford: Oxford University Press, 2013. 368 p.; Ruttig T. How tribal are the Taleban? Afghanistan's largest insurgent movement between its tribal roots and Islamist ideology. Afghanistan Analyst Network, 2010. 26 p. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/downloads/2012/10/20100624TR-HowTribalAretheTaleban-FINAL.pdf> (дата обращения: 26.08.2020); Farrell F. Unbeatable: Social Resources, Military Adaptation and the Afghan Taliban // Texas National Security Review. 2018. Vol. 1. № 3, May. P. 63; Watkins A. Taliban Fragmentation. Fact, Fiction and Future. United States Institute of Peace. №160, March 2020. 24 p. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/2020-03/pw160-talibanfragmentationfactfictionandfuture-pw.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

⁹ Питер Марсден имеет ученую степень по арабскому языку и положительный опыт работы в качестве специалиста по Ближнему Востоку. Работал в афганском отделе Британской службы безопасности, предоставляя данные НКО, благотворительным организациям и СМИ о потребностях Афганистана в различных областях.

со стороны Запада. Иными словами, движение «Талибан» создало ситуацию, когда в случае военных акций третьих стран ему терять практически нечего. Исследователь отмечает, что мировое сообщество может откликнуться на деятельность движения попытками его маргинализировать как исключительно экстремистское движение. Однако стоит помнить, что враждебные акты со стороны США, действующих в одиночку или под эгидой СБ ООН, уже приводили к усугублению военно-политической обстановки вокруг Афганистана¹⁰.

Значительная часть работ по Афганистану посвящена военно-историческим аспектам деятельности ограниченного контингента советских войск. Извлеченные из этого уроки и выводы рассматриваются через призму действий советских и афганских соединений и частей против вооруженной оппозиции¹¹.

Таким образом, проблема исследования радикального движения «Талибан» в условиях современной стратегической нестабильности приобретает особое значение, поскольку обстановка в Афганистане напрямую влияет на состояние международных отношений в Центральной Азии и, как следствие, на национальную безопасность России.

Объектом диссертационного исследования выступает движение «Талибан».

Предмет диссертационного исследования – эволюция движения «Талибан» и ее влияние на внутреннюю политику Афганистана и систему безопасности в регионе.

Цель диссертационного исследования – выявить особенности трансформации политической системы движения «Талибан» и на основе полученных результатов выработать практические рекомендации по

¹⁰ Марсен П. Талибан. Война и религия в Афганистане. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с.

¹¹ Христофоров В.С. Афганистан. Военно-политическое присутствие СССР. 1979-1989 гг. Христофоров В. ; ИРИ РАН — М., 2016 — 543 с.; Баленко С. В. Спецназ ГРУ в Афганистане. М.: Яуза, 2010. 256 с.; Мухин Ю. Афганский фронт СССР. Забытая победа. Москва: Родина, 2018. 272 с.

укреплению позиции Российской Федерации в регионе, а также обеспечению ее национальной безопасности.

Предмет исследования и его цель предопределили постановку и решение следующих **исследовательских задач**:

– систематизировать внутренние и внешние предпосылки формирования движения «Талибан», их характер и генезис в контексте региональных и международных политических процессов;

– определить ключевые исторические этапы эволюции движения «Талибан», их содержание, направленность и влияние на динамику международных отношений в Южной и Центральной Азии;

– выявить угрозы национальной безопасности Российской Федерации, связанные с деятельностью радикально исламистских формирований в Афганистане и сопредельных ему государствах;

– оценить перспективы развития движения «Талибан» в современных условиях, а также их потенциальное влияние на стратегические интересы Российской Федерации.

Гипотеза исследования. Устойчивость и эволюция движения «Талибан» определяются взаимодействием внутренних факторов и процессов политико-институционального становления, тогда как внешнее давление выступало катализатором его трансформации. В результате «Талибан» эволюционировал из вооруженного исламистского движения в де-факто государственно-политического актора, что привело к изменению его отношений с международным сообществом и Россией и повлияло на конфигурацию системы региональной безопасности.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют концепции и положения науки о международных отношениях, раскрывающие закономерности функционирования субъектов международной системы, обладающих организационной и идеологической структурой.

Институциональный подход применяется для анализа структуры управления «Талибана», изучения механизмов принятия решений и эволюции политических институтов движения в условиях вооруженного конфликта и государственного строительства.

Системный и структурно-функциональный анализ позволяют рассмотреть движение «Талибан» как элемент региональной системы международных отношений, предполагая выход за рамки изучения внутренних характеристик движения и фокусируясь на его роли в системе взаимодействия государств и негосударственных акторов на пространстве Центральной и Южной Азии.

Методологический аппарат исследования опирается на комплексный подход, включающий систематизацию и синтез ключевых теоретических направлений исследования международных отношений (теория режимов, концепция «столкновения цивилизаций», теория региональных комплексов безопасности, типология политических режимов).

Теория режимов (Краснер С., Кеохейн Р. и др.)¹² помогает понять эволюцию «Талибана» как процесс адаптации к внешнему давлению и внутривнутриполитическим обстоятельствам. Военные потери, международные санкции и воздействие региональных акторов вынуждали движение проводить реструктуризацию, пересматривать подходы к управлению, сохраняя при этом легитимность в глазах местного населения. Этот процесс отражает динамику регулятивных и конститутивных компонентов режима, при которой нормативные установки могут быть трансформированы под воздействием внутренних и внешних факторов.

Согласно теории режимов, «Талибан» предстает не просто как радикальное религиозное движение, а как политический субъект, способный формировать собственные институциональные рамки и одновременно выстраивать отношения с внешней средой. Такой подход демонстрирует

¹² Krasner S. Regimes and the limits of realism: Regimes as autonomous variables // International Organization. 1982. Vol. 36. № 2. P. 497-510; Keohane R. The demand for international regimes // International Organization. 1992. Vol. 36. № 2. P. 325-355.

специфический характер взаимодействия локальных и глобальных элементов, а также позволяет оценить динамику эволюции движения и его способность к устойчивому функционированию в международной системе.

С точки зрения концепции «столкновения цивилизаций» Хантингтона С.¹³ возникновение движения «Талибан» может рассматриваться как проявление цивилизационного противостояния, в котором исламская идентичность становится ключевым фактором его консолидации. Идеология, опирающаяся на фундаменталистское понимание ислама, формирует ценностные и нормативные рамки, отличные от западной модели государственного строительства и демократических институтов.

Концепция Хантингтона С. позволяет объяснить стратегию движения «Талибан» в контексте региональной и глобальной политики: талибы стремятся не только к территориальному контролю, но и к утверждению ценностной системы, которая противопоставляется западным нормам, что негативным образом влияет на их восприятие со стороны международного сообщества. Рассмотрение движения через призму столкновения цивилизаций помогает выявить глубинные идеологические и культурные составляющие, которые формируют его стратегию, одновременно подчеркивая, что теоретическое осмысление сущности движения требует интеграции других факторов – институциональных, социокультурных и геостратегических.

С позиции теории региональных комплексов безопасности (Бузан Б., Вэвер О.¹⁴) движение «Талибан» рассматривается как стратегически значимый субъект, способный на локальном уровне формировать режимы безопасности и контролировать территорию, опираясь на собственные организационные и нормативные инструменты. Несмотря на ограниченное международное признание, движение влияет на конфигурацию угроз, создавая новые векторы противостояния и побуждая других участников системы международных отношений корректировать свои стратегии в ответ на меняющиеся условия.

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. Москва: АСТ, 2006. 573 с.

¹⁴ Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003. 564 p

Действия движения «Талибан» отражают его способность участвовать в формировании структуры безопасности, проявляя умение гибко приспосабливаться к меняющейся среде и эффективно использовать уязвимости существующих институтов.

В рамках этой теоретической модели статус движения «Талибан» определяется не только внутренними ресурсами и возможностями, но и реакцией других участников системы международных отношений, которые вынуждены учитывать его присутствие при выработке собственных управленческих подходов. Таким образом, движение выступает активным элементом комплекса угроз и безопасности, способным изменять баланс сил, создавать внутренние и внешние условия для сохранения контроля и легитимности, а также влиять на динамику региональной стабильности в целом.

Рассмотрение генезиса и эволюции движения «Талибан» через призму типологии политических режимов позволяет осмыслить феномен Исламского Эмирата как специфической формы государственного образования, находящейся на пересечении авторитарных, теократических и патримониальных моделей. В контексте классических исследований Линца Х.¹⁵ и Степана А.¹⁶, выделявших параметры авторитарных и посттоталитарных режимов, структура власти «Талибана» демонстрирует признаки персоналистского и харизматического правления, основанного на религиозной легитимации и традиционных формах общественного регулирования. С другой стороны, отсутствие институционализированных механизмов принятия решений и формализованных процедур управления свидетельствует о неустойчивости данного политического режима и его зависимости от идеологических и кланово-племенных факторов. Так, Исламский Эмират Афганистан представляет собой не классический авторитаризм, не теократическую монархию, а гибридную модель,

¹⁵ Linz J. J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2000. 343 p.

¹⁶ Linz, J.J., Stepan, A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore and London: JHU Press, 1996. 504 p.

находящуюся вне четких рамок существующих типологий, но при этом опирается на своеобразие, обусловленное религиозной доктриной и идеологическими установками движения.

Понятие «исламский эмират» остается недостаточно теоретически обоснованным в рамках современной политической науки. В отличие от устоявшихся категорий (например, «авторитаризм», «тоталитаризм», «гибридный режим» и «теократия»), данное понятие не имеет устойчивых критериев институционального анализа. Оно сочетает в себе элементы религиозной легитимации, сетевой структуры власти и идеологического монизма, что затрудняет его классификацию в рамках традиционных типологий политических режимов. Исламский эмират в интерпретации движения «Талибан» выступает не как форма государственного устройства, а как идеологическая конструкция, где религиозная норма выступает основным регулятором политико-правовых отношений. Данное обстоятельство делает целесообразным дальнейшее теоретическое осмысление феномена, выходящее за пределы существующих концепций типологии режимов и опирающееся на междисциплинарный анализ – политологический, религиоведческий и культурно-антропологический.

Источниковая (эмпирическая) база исследования включает несколько видов материалов на русском и английском языках, а также на дари и фарси, значительная их часть впервые введена в научный оборот.

1. Ключевое значение для диссертанта имели доступные нормативно-правовые акты Исламского Эмирата Афганистан и предыдущих афганских правительств, включая конституцию 1964 года¹⁷, заложившую основу демократических реформ и парламентской системы, конституцию Исламской Республики Афганистан¹⁸, проект конституции Исламского

¹⁷ Constitution of Afghanistan = Assasi Qanun (1964). – URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=afghanenglish> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁸ قانون اساسي سال 1382 [Конституция 2004 г.] – URL: https://moj.gov.af/sites/default/files/og_0818.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

Эмирата Афганистан¹⁹, законы движения «Талибан», специальные указы религиозных органов и распоряжения верховного лидера талибов²⁰. Относительная немногочисленность указанных источников объясняется спецификой ситуации в Афганистане после повторного прихода к власти в стране движения «Талибан»: при режиме талибов распространение указов происходит преимущественно в устной форме через местные органы власти или на платформах социальных сетей. Периодически происходит утечка информации в правозащитные организации и средства массовой информации. Архивирование документов практически не ведется, ввиду чего нередко возникают трудности с поиском оригинальной документации.

2. Во вторую группу источников включаются законодательные акты Российской Федерации, непосредственно связанные с исследуемой проблемой, затрагивающие в первую очередь различные аспекты национальной безопасности, терроризма и экстремизма, в том числе нормативно-правовые акты, посвященные проблеме национальной безопасности Российской Федерации, как-то: Федеральный закон «О безопасности»²¹, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.²², Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»²³, решения Верховного суда Российской Федерации²⁴ и иные юридические нормы,

¹⁹ قانون اساسی طالبان منتشر شد [Опубликован проект конституции «Талибана»] 28.07.2009. – URL: <http://www.afghanpaper.com/nbody.php?id=2356> (дата обращения: 21.03.2023). (на дари).

²⁰ فرمان خاص-عاليقدر-امير المؤمنين-در-مورد-حقوق-زنان-صادر شد. جمعه [Специальный указ Амира аль-Муминина о правах женщин] – URL: <https://moic.gov.af/dr/شد-فمان-خاص-عاليقدر-امير المؤمنين-در-مورد-حقوق-زنان-صادر-شد> (дата обращения: 26.03.2022). (на дари).

[Вступил в силу и опубликован в Официальном вестнике закон, поощряющий добродетель и порицающий пороки] – URL: <https://moj.gov.af/dr/شد-فان-امر-بالمعروف-ونهي-عن-المنكر-نافذ-و-در-جريدة-رسمی-نشر-شد. چهارشنبه> (дата обращения: 29.08.2025). (на дари).

²¹ Федеральный закон «О безопасности». – Москва : Проспект, 2019. – 16 с.

²² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 25.02.2025).

²³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 21.03.2024).

²⁴ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116 : вступило в силу 04.03.2003. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/885107001> (дата обращения: 16.09.2023).

определяющие приоритеты в сфере безопасности, обороны, возможные вызовы и угрозы стабильному функционированию государства, а также основные положения стратегии национальной безопасности²⁵ и военной доктрины Российской Федерации²⁶.

3. Третью группу источников составляют выступления и интервью официальных лиц, включая представителей правительства, внешнеполитических и оборонных ведомств России²⁷, Афганистана²⁸ и других государств²⁹.
4. Объективная оценка ситуации в Афганистане и вокруг нее невозможна без анализа документов других зарубежных государств, международных организаций (аналитические доклады Организации Объединенных Наций и ее агентств³⁰, заявления Организации Договора о Коллективной

Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С : вступило в силу 13.02.2015. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/420254782> (дата обращения: 16.09.2023).

²⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 21.03.2024).

²⁶ Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 18.10.2024).

²⁷ Кабулов, З. Афганскую проблему быстро решить невозможно // Анадолю. – 2016. – 16 ноября. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/заголовки-дня/замир-кабулов-афганскую-проблему-быстро-решить-невозможно/685810> (дата обращения: 26.04.2025).

²⁸ A Conversation with Abdullah Abdullah // Council on Foreign Relations. – 2020. – 22 September. – URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-abdullah-abdullah-0> (дата обращения: 04.02.2022).

سخنرانى مولوى امير خان متقى وزير امور خارجه افغانستان. [Выступление Маулави Амира Хана Муттаки, министра иностранных дел Исламского Эмирата Афганистан, на шестом заседании Московского консультативного формата]. 10.04.2024. – URL: <https://mfa.gov.af/fa/28695> (дата обращения: 21.06.2025). (на фарси).

²⁹ Глава Пентагона заявил, что США аннулируют соглашение с талибами, если те его нарушат // ТАСС. – 2020. – 29 февраля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7868931> (дата обращения: 04.12.2021); Sopko, J. F. The Factors Leading to the Collapse of the Afghan Government and its Security Forces : remarks before the 1st Committee of Inquiry (Afghanistan) in the 20th Electoral Term, German Bundestag / J. F. Sopko, D. H. Young. – 2023. – 2 March. – URL: https://www.sigar.mil/Portals/147/Files/News/Speeches/SIGAR_John_Sopko_David_Young_Berlin_Speech_2023-03-02.pdf (дата обращения: 24.03.2023).

³⁰ Eleventh report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2501 (2019) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace, stability and security of Afghanistan // United Nations Security Council. – 2020. – 18 May. – URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2020_415_e.pdf (дата обращения: 05.12.2021); Media Freedom in Afghanistan // United Nations Assistance Mission in Afghanistan, United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. – 2024. – November. – URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/unama_report_on_media_freedom_in_afghanistan.pdf (дата обращения: 16.12.2024); The Taliban in Afghanistan: Assessing New Threats to the Region and

Безопасности³¹, Организации исламского сотрудничества³², доклады Всемирного Банка³³ и др.), а также двусторонних и многосторонних соглашений, подписанных нынешним и предыдущими правительствами Афганистана с другими странами³⁴.

5. Обширный фактический материал, касающийся ситуации в Афганистане и его отношений с другими странами нашел отражение в материалах печатных и электронных средств массовой информации и различных зарубежных информационных агентств, таких как Associated Press³⁵,

Beyond // United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute. – 2022. – October 22. – URL: <https://unicri.org/sites/default/files/2022-10/The%20Taliban%20in%20Afghanistan%20-%20Assessing%20New%20Threats%20to%20the%20Region%20and%20Beyond.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

³¹ Совместное заявление государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о положении в Афганистане // МИД России. – 2022. – 29 февраля. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1428591/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000dca130b0b84d41f9f9340b7836f52797e70202156e079f22018480b9d7e73e8e083de8d1201430002b64398daf1df6a3fa41da3555a581cd8f5cf6171112348a35d0051778753d0a86cb4d2691d07c4ac6f819b3935c0bb0 (дата обращения 21.06.2022).

³² Final Communiqué of the Ninth Extraordinary Session of the Islamic Conference of Foreign Ministers (10 October 2001) // Organisation of Islamic Cooperation. – URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/final-communicu%C3%A9-9th-extraordinary-session-islamic-conference-foreign-ministers> (дата обращения: 15.05.2024).

³³ The Afghanistan Development Update. Unlocking Youth Potential for Resilience and Economic Recovery. April 2025 // World Bank Group. – 2025. – URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/71dd45bbb425564ee41e22e1dc2c2f57-0310012025/original/Afghanistan-Development-Update-April-2025-Final.pdf> (дата обращения: 18.02.2025).

³⁴ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. – 2020. – 29 February. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (дата обращения: 16.01.2021); Agreement on Provisional Arrangements in Afghanistan Pending the Re-establishment of Permanent Government Institutions (The Bonn Agreement) // United Nations. – URL: <https://peacemaker.un.org/en/documents/agreement-provisional-arrangements-afghanistan-pending-re-establishment-permanent> (дата обращения: 28.11.2021).

³⁵ Top Afghan Taliban leader issues decree against nepotism // Associated Press. 2023. March 20. URL: <https://apnews.com/article/taliban-afghanistan-government-decree-nepotism-9fbda80fe3f6b84afb4b349fa836788c> (дата обращения: 21.09.2024).

Reuters³⁶, BBC³⁷, Tolo News³⁸, Khaama Press News Agency³⁹, Hasht-e Subh⁴⁰, Anadolu⁴¹, The Hindustan Times⁴² и др.

6. При подготовке диссертации также были использованы национальная и международная статистика⁴³, энциклопедии и справочники⁴⁴.

Данный объем источников позволил диссертанту провести комплексное исследование и решить поставленные задачи, объективно отразив предпосылки становления движения «Талибан», его трансформацию и перспективы дальнейшего развития, а также определить возможности сотрудничества Исламского Эмирата Афганистан с Российской Федерацией с учетом ее национальных интересов.

Научная новизна работы состоит в получении автором ряда оригинальных теоретических и прикладных результатов, имеющих существенное значение для развития исследований в области международных

³⁶ Radical Indian seminary issues fatwa against terrorism // Reuters. 2008. 1 June. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSDEL275987/> (дата обращения: 18.12.2021).

³⁷ Nasar Kh. N. Afghanistan: Taliban Leaders in Bust-Up at Presidential Palace, Sources Say // BBC News. 2021. 15 September. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-58560923> (дата обращения: 11.08.2023). Примеч.: материал размещен на сайте организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

³⁸ Changes in Govt Positions Announced by Islamic Emirate // TOLONews. – 2024. – 7 July. – URL: <https://tolonews.com/afghanistan-189620> (дата обращения: 16.08.2024).

³⁹ Hidayatullah Badri Appointed as Afghanistan Central Bank Governor // The Khaama Press News Agency. 2022. 22 March. URL: <https://www.khaama.com/hidayatullah-badri-appointed-as-afghanistan-central-bank-governor/> (дата обращения: 19.09.2024).

⁴⁰ Taliban and National Participation, the Non-Pashtun Commanders Face Segregation // Hasht-e Subh. 2022. 18 October. URL: <https://8am.media/eng/taliban-and-national-participation-the-non-pashtun-commanders-face-segregation/> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴¹ Taliban to implement monarch-era Constitution in Afghanistan // Anadolu Agency. 2021. 28 September. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-to-implement-monarch-era-constitution-in-afghanistan/2377376> (дата обращения: 02.04.2023).

⁴² India Highlights threats Posed by Terror Groups from Afghanistan at UNSC // Hindustan Times. – 2022. – 31 August. – URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-highlights-threats-posed-by-terror-groups-from-afghanistan-at-unsc-101661842583798.html> (дата обращения: 24.01.2024).

⁴³ Afghanistan: Economy Shows Modest Growth After Two Years of Severe Contraction, But Recovery Remains Fragile // World Bank Press Release. – 2024. – December 4. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/04/afghanistan-economy-shows-modest-growth-after-two-years-of-severe-contraction-but-recovery-remains-fragile> (дата обращения: 18.02.2025).

⁴⁴ Pashtun: Definition, People, Culture & Religion // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Pashtun> (дата обращения: 18.12.2021).

отношений и региональной безопасности и заключается в достижении следующих результатов:

а) выявлены социальные и институциональные предпосылки формирования и эволюции движения «Талибан» на основе комплексного анализа внутренних и внешних факторов влияния;

б) сформулированы концептуальные подходы и конкретные формы деятельности движения в контексте культурно-социальной и политической динамики;

в) определены потенциальные сценарии дальнейшей эволюции движения в международной системе;

г) обозначены приоритетные направления анализа движения в современных условиях международной обстановки с учетом интересов национальной безопасности Российской Федерации.

Систематизированный в исследовании комплекс внутренних предпосылок становления движения «Талибан» обладает научной новизной, поскольку позволяет выйти за рамки традиционных исследовательских парадигм, ограничивающихся либо исключительно религиозным, либо военно-политическим вектором. Представленная в диссертации классификация факторов генезиса движения «Талибан» сочетает цивилизационный, религиозный, племенной, этнополитический и лидерский компоненты, что обеспечивает целостное понимание природы движения и раскрывает многомерность его генезиса. Такой подход расширяет понятийный аппарат исследований в области международных отношений, позволяя рассматривать движение «Талибан» не только как результат проявления внутренней социально-исторической динамики, но и как феномен, встроенный в глобальные процессы цивилизационного противостояния и трансформации политических режимов.

На защиту выносятся следующие основные положения.

1. Предпосылки, способствовавшие зарождению движения «Талибан» на территории Афганистана, имели политический, идеологический и социально-

экономический характер. Политические предпосылки включали необходимость стабилизации ситуации в стране, обострившейся в результате последствий советско-афганской войны и гражданского конфликта, что создавало угрозу региональной стабильности. Идеологические предпосылки выражались в стремлении консолидировать полиэтничное афганское общество посредством религиозно-фундаменталистских инструментов, основанных на традициях преобладающей этнической группы – пуштунов, исповедующих ханафитский мазхаб, в большинстве своем являвшихся адептами религиозного направления Деобанди и национального кодекса «Пуштунвали». Экономические предпосылки включали необходимость восстановления национальной экономики на фоне кризиса, вызванного длительными боевыми действиями, ростом коррупции и развитием теневой экономики. Проявления последнего фактора, выражающиеся в торговле оружием и незаконном обороте наркотических веществ, усиливали криминализацию общества и препятствовали эффективному государственному управлению.

2. В социально-политической динамике представляется возможным выделить следующие этапы развития движения «Талибан»:

– зарождение религиозно-политического движения, основанного воспитанниками медресе, расположенных в районах у афгано-пакистанской границы, под руководством духовного предводителя Муллы Омара (1994–1996 гг.);

– формирование правительства частично признанного государства «Исламский Эмират Афганистан» (ИЭА), фактически находившегося у власти с 1996 по 2001 год;

– признание «Талибана» террористической организацией, попадание под санкции ООН после терактов 11 сентября 2001 года и переход движения к активной подрывной деятельности против сил международной коалиции (2001–2013 гг.);

– активизация дипломатических контактов с внешним миром. Открытие политического офиса в Дохе (Катар), фактически представленного как представительство правительства талибов в изгнании (2013–2021 гг.);

– повторный приход к власти в Афганистане после выхода с территории страны международной коалиции под эгидой США. С августа 2021 г. движение «Талибан» позиционирует себя правительством государства «Исламский эмират Афганистан», для которого характерно наличие структурированного государственного аппарата. При этом сформировалось негласное разделение руководства движения на «умеренное» крыло прагматиков и «сторонников жесткой линии», действующих в интересах духовного руководства в лице нынешнего верховного лидера движения Хайбатуллы Ахундзаде.

3. Наиболее вероятными сценариями в развитии движения «Талибан» в современных условиях является приобретение движением ограниченной международной легитимности, т.е. признание правительства ИЭА другими региональными игроками, прежде всего влиятельными державами в лице Китая и Индии, а также сопредельными государствами. Такие риски, как усиливающаяся фрагментация в рядах движения, масштабная агрессия со стороны вооруженных оппозиционных формирований в среднесрочной перспективе маловероятны, несмотря на сохранение сравнительно высокого уровня террористической угрозы локального уровня.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии научного знания в области международных отношений применительно к специфике движения «Талибан» как политико-идеологического феномена, оказывающего прямое воздействие на внутривнутриполитические процессы в Афганистане и безопасность сопредельных государств. Результаты проведенного исследования позволяют углубить понимание механизмов влияния идеологии движения на формирование специфической модели государственности (исламский эмират), а также на характер взаимодействия Афганистана с внешними акторами. Полученные

выводы создают методологическую основу для дальнейших исследований роли движения «Талибан» в системе международных отношений, в том числе его влияния на баланс сил в Центральной и Южной Азии, региональную безопасность и стратегические интересы Российской Федерации.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности применения результатов исследования при разработке внешнеполитических и военно-стратегических документов РФ, а также в совершенствовании национальной системы обеспечения международной безопасности. Результаты работы могут быть использованы при разработке прогнозов развития ситуации в Афганистане и сопредельных регионах, а также при оценке рисков, связанных с радикальными движениями и их трансграничным влиянием. Работа имеет прикладное значение для государственных структур, аналитических центров, научно-исследовательских институтов, занимающихся вопросами безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам. Кроме того, материалы исследования могут найти применение в образовательных курсах по дисциплинам «Теория международных отношений», «Международная безопасность», «Глобальные и региональные конфликты» и др.

В числе ключевых рекомендаций для государственных органов безопасности по снижению рисков и реагированию на вызовы, исходящие с территории Афганистана, представляется целесообразным поддержание ограниченных и взвешенных прагматичных контактов с фактическими властями страны при участии других региональных и международных партнеров. Подобное взаимодействие может рассматриваться исключительно как инструмент предотвращения угроз региональной стабильности и обеспечения безопасности. Вместе с тем необходимо сохранять критическую оценку деятельности движения «Талибан», учитывая его радикальную природу и то, что во время противостояния силам международной коалиции руководство движения нормализовало террористические методы ведения

подрывной деятельности, такие как атаки смертников или использование автомобилей, начиненных самодельными взрывными устройствами.

Таким образом, говоря о выстраивании конструктивных отношений с нынешним афганским правительством, важно осмыслить его первоначальную природу и исторический контекст его деятельности, приведший к тому, что движение «Талибан» было признано террористическим, в том числе и в РФ. Несмотря на то, что сейчас в публичной плоскости много говорится о переосмыслении талибами своей деятельности и ошибок, допущенных во время первого периода правления, его радикальная природа не должна оставаться без внимания при принятии дальнейших решений.

Содержание диссертации, сделанные в ней выводы создают теоретическую основу для более глубокого исследования сущности, структуры, содержания деятельности радикального исламистского движения «Талибан», его состояния и динамики в условиях нестабильной международной обстановки.

Обоснованность диссертационного исследования подтверждаются его научной новизной, методологической корректностью, комплексным сравнительным анализом существующих данных, взвешенным подходом к анализу литературы и источников по заданной проблематике. **Достоверность работы** обусловлена объективным анализом широкого массива источников и работ авторитетных исследователей, а также использованием адекватных общенаучных и специальных методов, что в совокупности позволило решить поставленные задачи и подтвердить сформулированную гипотезу.

Апробация исследования. Основные положения работы прошли обсуждение на кафедре философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны РФ и в Центре центральноазиатских исследований ИКСА РАН. Результаты исследования были представлены на международных конференциях и экспертных мероприятиях, организованных Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), Московским государственным институтом международных отношений

(университетом) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО (У) МИД РФ), Институтом востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), Российским университетом дружбы народов (РУДН), а также нашли отражение в научных статьях, размещенных в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК, «Белый список», международные базы цитирования (RSCI и Scopus). Результаты диссертационного исследования опубликованы в 8 научных статьях в журналах, включенных в перечень научных изданий, рецензируемых ВАК, общим объемом 6,5 п.л. и двух монографиях.

Структура исследования определена логикой достижения цели и решения задач исследования. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН»

1.1. Детерминанты и механизмы формирования религиозно-политических движений в контексте глобальной и региональной политики

Актуальной задачей в условиях современных глобальных и региональных процессов является определение детерминант и механизмов формирования религиозно-политических движений как особых субъектов, способных мобилизовать цивилизационный потенциал и идеологические ресурсы в условиях эскалации социальных и политических противоречий. Согласно классическим и современным подходам конфликтологии, такие движения используют религиозную и цивилизационную идентичность не только как инструмент легитимации, но и в качестве механизма перераспределения власти, регулирования социальных и политических процессов. Религиозная и цивилизационная идентичность, в свою очередь, используется для легитимации, мобилизации и консолидации групповой солидарности в условиях конкуренции за ограниченные ресурсы и политическое влияние.

Исследование поведенческих моделей приверженцев различных культурных, национальных и цивилизационных идеологий предполагает применение комплексного междисциплинарного инструментария, объединяющего подходы, применяемые в психологии, социологии, политологии и культурологии. Риторика, используемая данными субъектами, ориентирована, главным образом, на вовлечение адресата через эмоциональное воздействие. Существенную роль в их аргументации занимает акцент на нарушении фундаментального экзистенциального основания

человеческого существования – свободы⁴⁵. Диалектика взаимоотношений свободы и деструктивных тенденций носит сложный, неоднозначный и контекстуально обусловленный характер. Ограничение или подавление стремления индивида к свободе закономерно формирует чувство отчужденности, что, в свою очередь, способно провоцировать разнообразные формы девиантного и деструктивного поведения. Таким образом, детерминанты широкого распространения радикальных практик, включая экстремизм и терроризм, целесообразно рассматривать в более глубинной перспективе⁴⁶, охватывающей психологическое измерение личности, ее социокультурное положение, аксиологическую структуру мировоззрения и поведенческие императивы, формируемые множеством факторов индивидуальной и коллективной жизнедеятельности.

В этой связи особый интерес представляет пример Афганистана, где пересечение цивилизационных, религиозных и социокультурных факторов приобрело наиболее острый характер. Вопрос столкновения западной и исламской цивилизаций часто поднимался после терактов 11 сентября 2001 года и последовавшей за ними антитеррористической операции сил международной коалиции под эгидой США в Афганистане⁴⁷. До событий 11 сентября Афганистан находился в состоянии гражданской войны, которая по своей сути представляла внутрицивилизационный, а не межцивилизационный конфликт. Конкурирующие этнические группы, в основном пуштуны, таджики, узбеки и хазарейцы, пытались заявить о своих правах и даже превосходстве над остальными. Хотя тезис Хантингтона С. о столкновении цивилизаций допускал возможность «внутрицивилизационного» конфликта, он исключал вероятность его глобальной эскалации. Хантингтон С. писал: «В этом новом мире локальная политика является политикой этнической, или

⁴⁵ Хитцер Ф. Короткие замыкания и переменные токи: эссе о терроризме и антитерроризме // Иностранная литература. 2003. № 9. С. 206-233.

⁴⁶ Давыдов В. О. Актуальные проблемы противодействия информационному экстремизму в России // Государственная служба. 2012. № 6(80). С. 61-63.

⁴⁷ Бартош А. А. НАТО после Афганистана: поиски новой стратегии // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 2(23). С. 67-78.

расовой, принадлежности; глобальная политика – это политика цивилизаций»⁴⁸.

Хантингтон С. полагал, что именно насильственная политика государств и сообществ, представляющих различные цивилизационные ареалы, обладает наибольшим потенциалом перерастания в глобальную эскалацию. По его мнению, подобные конфликты неизбежно вовлекают иные государства и группы, принадлежащие к тем же цивилизационным общностям, что приводит к формированию блоков взаимной поддержки. Однако данная концептуальная установка оказалась лишь частично применимой к ситуации, развернувшейся в Афганистане. Продолжительная вооруженная конфронтация на территории страны была обусловлена, прежде всего, политическими амбициями и притязаниями пуштунского этноса, значительная часть которого первоначально была вовлечена в движение моджахедов, а позднее вступила в ряды движения «Талибан» и международной террористической организации «Аль-Каида». Противоречивость ситуации усугублялась исторической внешней поддержкой, которую пуштунские формирования получали не только от стран мусульманского мира (Пакистан, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты), но и со стороны стран с преобладающей христианской культурой (США, Великобритания)⁴⁹. В этом контексте американские исследователи Лэнсфорд Т. и Коваррубиа Дж. утверждают следующее: «В своих усилиях по сдерживанию советской экспансии США выработали политическую привычку, согласно которой Вашингтон, как правило, отказывался от «клиента», когда советская угроза переставала быть актуальной. Афганистан не стал исключением. Как только интерес великих держав к стране иссяк, различные фракции моджахедов остались без

⁴⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 24.

⁴⁹ Byman D. L. Friends Like These: Counterinsurgency and the War on Terrorism // International Security. 2006. Vol. 31. № 2. P. 79-115.

лидерства, необходимого для перехода к широкомасштабному национальному правительству. Это позволило «Талибану» получить господство»⁵⁰.

Одним из детерминирующих факторов, предшествовавших событиям 11 сентября 2001 года, можно рассматривать незавершенную стратегическую манипуляцию внутрицивилизационным конфликтом, результаты которой оказались противоположны ожидаемым, что в свою очередь спровоцировало масштабную эскалацию глобальной войны с террором, поставив под сомнение положения теории Хантингтона С.

Согласно официальной позиции США и Великобритании, ответственность за террористические акты 11 сентября была возложена на организацию «Аль-Каида». Основанием тому послужило видеообращение, распространенное лидером организации Усамой бен Ладеном. Хотя его заявления имели радикальный религиозный подтекст, содержание высказываний указывало на то, что недовольство имело политический, а не религиозно-культурный или цивилизационный характер. Декларируемое им ощущение исторической несправедливости в отношении мусульманского сообщества проистекало не из догматов христианства или иудаизма как таковых, а из неприемлемого с позиции руководства упомянутой выше организации внешнеполитического курса США и их союзников.

Провокация Усамы бен Ладена была мотивирована политической целью мобилизовать мусульманское сообщество против действий американского правительства, а именно незаконной оккупации территорий, представляющих сакральное значение для мусульман, поддержки израильской позиции в ближневосточном конфликте, а также в проведении внешней политики двойных стандартов: с одной стороны, Вашингтон оказывал покровительство авторитарным режимам в Ливане, Иордании и Саудовской Аравии, а с другой

⁵⁰ Lansford T., Covarrubias J. Osama bin Laden, Radical Islam and the United States // America's War on Terror. Ashgate, 2003. P. 14.

– декларировал приверженность демократическим принципам в таких странах, как Ирак и Афганистан⁵¹.

Идея «противостояния цивилизаций» неоднократно фигурировала в риторике бывшего президента США Джорджа Буша-младшего. Выступая на заседании Конгресса 20 сентября 2001 г., он изложил свое видение войны с терроризмом, заявив: «Это борьба цивилизаций»⁵². Однако годом позже в одном из публичных выступлений американский лидер заявил следующее: «Когда речь идет об общих правах и потребностях мужчин и женщин, столкновения цивилизаций не существует»⁵³.

Хотя решение развернуть военную операцию в Афганистане было принято в контексте глобальной войны с терроризмом, действия правительства США подразумевали достижение более широких политических целей, а именно: физическую ликвидацию лидера «Аль-Каиды» и самой террористической организации, свержение режима движения «Талибан» в Афганистане и последующую поддержку правительственных структур, ориентированных на стратегическое партнерство с Вашингтоном. Заявленные цели подкреплялись скрытыми геостратегическими установками, направленными на институционализацию долгосрочного внешнеполитического влияния США на процессы государственного управления в странах Центральной и Южной Азии⁵⁴.

Примечательно, что и «Аль-Каида», и администрация президента Джорджа Буша-младшего позиционировали себя представителями соответствующих цивилизационных общностей (исламской и христианской

⁵¹ Bergen P. L. Holy War, Inc.: Inside the Secret World of Osama bin Laden. New York: Free Press, 2001. 310 p.

⁵² Address to a Joint Session of Congress and the American People. George W. Bush. September 20, 2001. The White House Archives. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html> (дата обращения 21.04.2021).

⁵³ Backgrounder: the President's Quotes on Islam. Remarks by the President George W. Bush at the 2002 Graduation Exercise of the United States Military Academy West Point, New York. June 1, 2002. The White House Archives. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/ramadan/islam.html> (дата обращения: 13.05.2021).

⁵⁴ Coyer P. Islamic Extremism in Central Asia: Witch Hunt or Genuine Threat? // Forbes. 2015. 28 February. URL: <http://www.forbes.com/sites/paulcoyer/2015/02/28/islamic-extremism-in-central-asia-witch-hunt-or-genuine-threat/> (дата обращения: 31.03.2021).

соответственно). Однако в отсутствие консенсуса и поддержки со стороны всей «цивилизации» ни один, ни другой не могли рассматриваться в качестве легитимных представителей интересов данных сообществ. Обращает на себя внимание и то, что действия «Аль-Каиды» подверглись официальному осуждению со стороны ключевых игроков мусульманского мира, включая Саудовскую Аравию, Иран, Индонезию, Малайзию и Пакистан. При этом Организация исламского сотрудничества (ОИС), выдвинувшая резолюцию с осуждением Усамы бен Ладена, воздержалась от критической оценки ответных военных мер США⁵⁵.

Большинство религиозных лидеров в исламских сообществах, будучи потрясенными как масштабом жертв среди мирного населения, так и примененными террористами методами, квалифицировали теракты 11 сентября как действия, противоречащие каноническим принципам ислама. Более того, отдельные сегменты мусульманского сообщества не ограничились декларативным осуждением, а предприняли активное участие в вооруженном противодействии террористическим формированиям. В итоге возглавляемая США военная интервенция в Афганистане получила легитимацию не только в среде государств с христианской культурной доминантой, но и в ряде мусульманских государств и диаспор, как в регионе, так и за его пределами⁵⁶.

Приверженцы ислама в том виде, в каком он практикуется в Афганистане, всегда разделялись на умеренных сторонников «мягкой линии» и сторонников «жесткой линии» (радикалов), которые связаны с различными религиозными школами, предлагающими различное толкование догм ислама. Среди наиболее многочисленных групп – сунниты ханафитского мазхаба, шииты джафаритского мазхаба, суфии тарикатов Кадирия и Накшбанди⁵⁷.

⁵⁵ Final Communiqué of the Ninth Extraordinary Session of the Islamic Conference of Foreign Ministers (10 October 2001). Organisation of Islamic Cooperation. URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/final-communicu%C3%A9-9th-extraordinary-session-islamic-conference-foreign-ministers> (дата обращения: 15.05.2024).

⁵⁶ Rashid A. Descent into Chaos: The United States and the Failure of Nation Building in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. New York: Viking, 2008. P. 32-33.

⁵⁷ Hiro D. War Without End: The Rise of Islamic Terrorism and Global Response. Routledge, 2002. P. 179-264.

Фрагментарная картина ислама в Афганистане исключает возможность какого-либо комплексного столкновения исламистов с Западом. В противостоянии друг другу связанные с различными религиозными школами афганские полевые командиры продолжали сотрудничать с коалиционными силами под руководством США, чтобы заручиться американской поддержкой в сохранении контроля над своими территориями. Следовательно, вплоть до вывода американского военного контингента из Афганистана в августе 2021 года, мусульманские военачальники и силы христианской коалиции поддерживали отношения сотрудничества, несмотря на цивилизационные различия.

Таким образом, применительно к Афганистану тезис Хантингтона С. вызывает вопросы в свете противоречивых исторических свидетельств, полученных после событий 11 сентября и их последствий. Возникло множество мнений по поводу того, насколько широко он был воспринят. Признавая важность тезиса Хантингтона С. не только для Запада, но и для мусульманского мира, исследователь Саид Амир Арджоманд отмечает, что он был весьма распространен среди исламских фундаменталистов⁵⁸. Говоря о заимствовании различных форм политического дискурса, исследователь Аста Олесен обращает внимание на следующее: «То, что определяет рецепцию политического дискурса, не может быть определено исключительно на основе содержания рассматриваемого дискурса. Обстоятельства оказывают большое влияние на восприимчивость и интерпретацию дискурса»⁵⁹. Олесен А. указывает на две детерминанты: во-первых, содержание дискурса как продукта интеллектуальной деятельности; во-вторых, обстоятельства, сопровождающие дискурс как фактор интеллектуальной структуры. Сочетание деятельности и структуры в рамках гуманистически-экзистенциальной модели восприятия может объяснить политические

⁵⁸ Arjomand S. A. Can Rational Analysis Break a Taboo? A Middle Eastern Perspective // Items: Insights from the Social Sciences. URL: <https://items.ssrc.org/after-september-11/can-rational-analysis-break-a-taboo-a-middle-eastern-perspective/> (дата обращения: 15.05.2021).

⁵⁹ Olesen A. Islam and Politics in Afghanistan. Curzon Press, 1996. P. 302.

факторы рецепции тезисов Хантингтона С. в целом и в афганской политике, в частности.

История Афганистана продемонстрировала, что любой политический дискурс психологически положительно воспринимается большинством афганцев, если он обладает двумя особенностями. Во-первых, его содержание формируется таким образом, что акцент делается на «исламе». Во-вторых, с точки зрения этнического состава афганского общества, политически выгоден дискурс, в котором преобладают традиции этнических пуштунов. Исследователь Мухаммад Аркун полагает, что любой политический дискурс может стать актуальным среди большинства людей только в том случае, если он объединяет и формулирует наиболее распространенные и общие идеологические элементы народных традиций или социальных образов, представляя историческую преемственность⁶⁰. Поскольку преобладание ислама и преобладание этнических пуштунов знаменуют собой историческую преемственность в афганской политике, они остаются решающими факторами в определении афганского политического дискурса. Историческая восприимчивость или невосприимчивость политических дискурсов, порождаемых прежними режимами, такими как Народно-Демократическая Партия Афганистана (НДПА), моджахеды и «Талибан» объясняется с точки зрения их успеха или неудачи в формировании цивилизационного портрета современного афганского общества.

Например, содержание дискурса НДПА носило, по существу, марксистский характер. Партия ставила «классовую борьбу» на первое место в своей повестке, тем самым изначально пренебрегая религиозной составляющей. Когда руководство НДПА осознало, что ему трудно мобилизовать афганцев с помощью обращения к идеи «классового сознания», оно начало апеллировать к их этнической, племенной и региональной идентичности. Олесен А. задавалась вопросом: «Было ли обращение режима

⁶⁰ Arkoun M. The Concept of Authority in Islamic Thought // Islam, State and Society. Curzon Press, 1988. P. 53-74.

НДПА в Афганистане к исламу и племенному кодексу простой риторикой и показным мероприятием или же оно представляло собой реальную попытку интегрировать исламские и племенные элементы в идеологический дискурс режима?»⁶¹. Дискурс НДПА сам по себе не получил широкой поддержки, так как доверие общества к лидерам партии как к мусульманам было слишком подорвано. В повестке партии не только отсутствовали вопросы ислама, но и не было никакого политического преимущества для структурно доминирующей группой пуштунов⁶². Глава режима НДПА Бабрак Кармаль не принадлежал к доминирующей этнической группе, поэтому его не поддерживало пуштунское большинство. Советская власть попыталась исправить эту ошибку, заменив Кармаля пуштуном Наджибуллой, однако прежде чем он смог заручиться широкой поддержкой афганского общества, НДПА была разоблачена как организация «неверных». Режим НДПА, которому удалось просуществовать 14 лет благодаря советской помощи, окончательно прекратил существование в 1992 году – через три года после вывода советских войск из Афганистана в 1989 году.

На фоне несостоятельности светских режимов альтернативная модель государства, предложенная исламистскими движениями, легко привлекла к себе всеобщее внимание в регионе. В отличие от светских, исламские государства считают требование разделения вероисповедания и политики антирелигиозным. Они пытаются вести классовую борьбу во имя религии – тенденция, которую левое крыло вовремя не приняло на вооружение⁶³. До тех пор, пока не будут минимизированы внутренние проблемы стран, которыми руководят исламисты, различные проявления их идеологии, с высокой долей вероятности, сохраняют свою привлекательность. Неудивительно, что экстремистское видение исламизма, пропагандируемое движением «Талибан» и организацией «Аль-Каида», стало чрезвычайно популярным среди афганцев, разочарованных усилиями светских модернизаторов по улучшению их

⁶¹ Olesen A. Islam and Politics in Afghanistan. P. 16.

⁶² Sinno A. H. Organizations at War in Afghanistan and Beyond. Cornell University Press, 2008. P. 166.

⁶³ Khan S. Imperialism, Religion and Class in Swat // International Socialism. 2009. № 123. P. 26.

низкого уровня жизни. Отечественный исследователь Князев А. А. отмечает: «Объективно же само возникновение «Талибана» является отражением конфликта цивилизационного и социокультурного типа. Это феномен, образовавшийся на противоречиях между традиционным и раннемодернистским укладами, в том числе – между городским урбанизированным и консервативным сельским населением. Рассмотрение в социокультурном ключе позволяет оценить движение «Талибан» как в определенной степени асимметричный ответ на изменившиеся к началу 1990-х гг. афганские реалии: после модернизационных экспериментов президента Мохаммада Дауда и реформы НДПА социалистической направленности»⁶⁴.

Факторы, объясняющие влияние политического дискурса движения «Талибан» на афганское общество, также дают ключ к пониманию популярности тезисов Хантингтона среди афганцев. Подобно дискурсу движения «Талибан» и организации «Аль-Каида», в котором Запад был объявлен врагом ислама и был призван мобилизовать мусульман всего мира для защиты благочестивых исламских земель от западного вмешательства, дискурс Хантингтона о столкновении цивилизаций отмечал обратное, представляя исламскую цивилизацию как единственную, ставящую под сомнение выживание Запада. Оба эти дискурса возникли примерно в середине 1990-х годов и в некоторой степени отражали язык религиозной войны.

Однако нельзя и не следует упускать из виду, что чувство общей цивилизационной идентичности больше служило интересам США, чем афганцев. Подчеркнутая Хантингтоном С. цивилизационная идентичность дала Вашингтону глубокое идейно-политическое преимущество, позволив ему подчинить себе ООН и создать «международную коалицию» государств, антитеррористическая политика которых остается под большим вопросом. Это также позволило США установить военно-политическое присутствие в

⁶⁴ Князев А. А. К вопросу об эволюции движения талибов в Афганистане // Сравнительная политика. 2023. Т. 14. № 1-2. С. 88.

Центральной Азии в таких масштабах, которых у них никогда прежде не было⁶⁵.

Роль религии во внешних отношениях государств на протяжении столетий определялась светской суверенной государственной системой, которая была консолидирована вокруг Вестфальского мира 1648 года⁶⁶. Будучи официальным трактатом, ознаменовавшим конец Тридцатилетней войны (1618-1648), Вестфальский мир «символизировал консолидацию долгой исторической трансформации от структуры власти средневековой Европы к современной государственной системе»⁶⁷. Секуляризированное государство повлекло за собой подчинение религии государственной власти, что резко сократило власть представителей конфессиональных кругов. Политическая секуляризация углублялась и расширялась в течение следующих трех столетий, усугубляясь такими событиями, как Французская и Американская революции.

Тем не менее, религия никогда полностью не исчезала из внешней политики государств. Например, Великобритания часто объединяла свой колониальный курс с христианской миссионерской деятельностью⁶⁸, а США использовали религию для воплощения идеи «прогрессивного империализма» за рубежом, на таких направлениях, как, например, Филиппины⁶⁹. Тем не менее, как объясняет исследователь Джеффри Хейнс, «очень немногие государства, особенно на светском Западе, последовательно воплощали организационную идеологию, включающую в себя религию»⁷⁰.

⁶⁵ Румер Ю., Сокольский Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии 3.0. Московский центр Карнеги, 2016. 42 с. «Фонд Карнеги» признан в РФ нежелательной организацией Министерством юстиции РФ на основании решения Генпрокуратуры от 1.07.2025 г., деятельность запрещена на территории РФ.

⁶⁶ Shah T., Philpott D. The Rise and Fall of Religion in International Relations: History and Theory // Religion and International Relations Theory. New York: Columbia University Press, 2011. P. 24-59.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Porter A. Religion Versus Empire? British Protestant Missionaries and Overseas Expansion, 1700-1914. Manchester: Manchester University Press, 2004. 392 p.

⁶⁹ McDougall W. Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World since 1776. New York: Mariner Books, 1998. 304 p.

⁷⁰ Haynes J. Religion and International Relations: What Do We Know and How Do We Know It? // Religions. 2021. Vol. 12. №. 328. P. 1-14.

С наступлением XX века по всему миру стало наблюдаться появление интенсивных форм светского национализма: кемалистская революция в Турции; немецкий нацизм и итальянский фашизм; националистические революции в таких странах, как Египет, Индия и Индонезия; коммунистические революции в Китае и на Кубе. Все эти события способствовали дальнейшему укреплению светской Вестфальской государственной системы и подчинению, а порой и полному устранению, религиозной власти по отношению к государству. В этот период «светские идеологии, такие как либеральная демократия, капитализм, социализм, социал-демократия и коммунизм, имели первостепенное значение»⁷¹, следовательно, религия не являлась центральной мотивирующей или мобилизующей силой глобального масштаба.

Однако ситуация начала меняться на исходе Холодной войны, когда религия стала постепенно возрождаться в качестве мощной силы на мировой арене. К концу XX века, в условиях кризиса прежних идеологических моделей и изменения структуры международных отношений, религия стала постепенно возвращать себе утраченные позиции, вновь обретая статус важного элемента мировой политики.

Советское присутствие в Афганистане привело к тому, что США стали в противовес оказывать поддержку моджахедам, воевавшим против коммунистов. Данный конфликт послужил толчком для возрождения идеи более широкого панисламского сознания. Тенденция к большему участию религии в международной политике значительно усилилась после распада СССР и окончания Холодной войны в 1991 году. В частности, начало гражданской войны в Югославии стало «одним из важнейших событий, возродивших интерес к национальным и международным отношениям, основанным на культурной, этнической и религиозной принадлежности»⁷². Вовлекая различные этнические и религиозные группы, многие из которых

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, с. 2

поддерживались внешними покровителями за рубежом, война в Югославии вскрыла конфликтогенный потенциал религии, культуры и этнической принадлежности именно в то время, когда большинство традиционных подходов к выстраиванию международных отношений были плохо приспособлены к учету этих факторов.

Затем последовали совершенные организацией «Аль-Каида» теракты 11 сентября 2001 года. Трудно переоценить колоссальное влияние тех событий на глобальные процессы, ведь они фактически послужили выдвиганию религии на передний план в международных отношениях. Исследователь Джек Снайдер объясняет, что «после 11 сентября 2001 года религия стала центральной темой в дискуссиях о международной политике»⁷³. Джордж Буш-младший, занимавший в тот период должность президента США, незамедлительно попытался использовать религиозную риторику в оправдании «войны с террором» и вторжения в Ирак в 2003 году⁷⁴.

За более чем два десятилетия значимость религии в международной политике значительно возросла. Религиозные националистические партии в Европе, Азии, Латинской Америке и других регионах получили роль влиятельных игроков на внутривнутриполитической арене. Кроме того, влиятельные государства все чаще стали обращаться к религии как к практическому инструменту, используемому в рамках внешней политики. Таким образом, международные отношения в эпоху после 11 сентября 2001 г. действительно стали свидетелем глобального возрождения религиозного влияния⁷⁵.

Как уже было отмечено выше, усилия США по религиозному взаимодействию не ограничивались Западной Европой или христианскими обществами. В ходе Холодной войны Вашингтон активно наращивал религиозную мягкую силу посредством взаимодействия с государствами на

⁷³ Snyder J. Religion and International Relations. New York: Columbia University Press, 2011. P. 1.

⁷⁴ Sandal N. Religion and Foreign Policy // Routledge Handbook of Religion and Politics. New York: Routledge, 2016. P. 284-298.

⁷⁵ Thomas S. The Global Resurgence of Religion and the Transformation of International Relations. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 315 p.

Ближнем Востоке, в Восточной и Юго-Восточной Азии. Как и в случае с европейскими государствами, данный комплекс мер включал общее признание важности религии для незападных обществ. Религия также являлась неотъемлемой составляющей стратегии, в рамках которой США склоняли других игроков встать на их сторону в Холодной войне. Так, Эббот Уошберн, эксперт по пропаганде в администрации Дуайта Эйзенхауэра, побуждал президента активно взаимодействовать с мусульманскими лидерами. Уошберн утверждал, что «ввиду глубоких убеждений президента относительно духовных основ нашей [американской] демократии... ожидаемые результаты будут заключаться в том, что мусульмане впечатлятся моральной и духовной силой Америки» и будут сопротивляться коммунистическому влиянию⁷⁶. Эйзенхауэр Д. также признавал ценность религиозной составляющей государственного управления при работе с незападными государствами. Он призывал США «подчеркивать священный аспект Холодной войны» при работе с лидерами Ближнего Востока и утверждал, что Вашингтон «должен использовать религиозные призывы с целью превзойти идеологические призывы коммунизма»⁷⁷.

Направляя усилия религиозной пропаганды на незападные общества, руководство США привлекало к этим мероприятиям американских религиозных деятелей. В частности, это делалось на Ближнем Востоке с использованием «религиозного подхода для обращения к арабским интересам»⁷⁸. Так, Эйзенхауэр Д. привлек пастора Эдварда Элсона для проведения неформальной дипломатии с Иорданией и Саудовской Аравией во время поездки на Ближний Восток.⁷⁹ В этот период Саудовская Аравия становилась все более важным союзником США с момента создания их

⁷⁶ Indoben W. C. Religion and American Foreign Policy, 1945-1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 294.

⁷⁷ Indoben W. C. Religion and American Foreign Policy, 1945-1960. P. 294.

⁷⁸ Там же, с. 295.

⁷⁹ Там же.

альянса во время Второй мировой войны. Администрация Эйзенхауэра надеялась, что саудиты смогут подорвать влияние коммунистов.

Хотя исламисты не представляли собой весомую политическую силу в 1950-х годах, американские политики пытались работать с ними в противодействии СССР. Например, руководство США возобновило связи с Пакистаном в период правления военного лидера Зии уль-Хака, исламизировавшего вооруженные силы и поддерживавшего распространение консервативного исламского образования. Разумеется, при этом Зии уль-Хака был ярким антикоммунистом. В ответ Вашингтон предоставил Пакистану значительные объемы военной и экономической помощи, что было частью более важного проекта, предполагавшего «объединение миллиарда мусульман во всем мире» для борьбы с СССР⁸⁰. Эти действия приняли осязаемую форму в период, когда США совместно с Пакистаном и Саудовской Аравией поддерживали в Афганистане моджахедов, сопротивлявшихся советскому вторжению.

Тем не менее, воздействие религиозной мягкой силы США в некоторых случаях было ограничено, а порой даже наносило урон интересам Вашингтона. Это было наиболее заметно в работе с мусульманами. Так, король Саудовской Аравии Сауд, который боролся за региональную популярность с египетским националистом Гамалем Абделем Насером и в конечном итоге был свергнут своим братом Фейсалом, в итоге не стал долгожданным «исламским папой». Уделение Эйзенхауэром повышенного внимания религиозной пропаганде, вероятно, привел к тому, что его администрация преувеличила потенциальную эффективность короля Сауда как альтернативы левым силам, предоставив СССР возможность расширить идеологическое присутствие в регионе. Более того, хотя сотрудничество США с Пакистаном действительно усугубило положение СССР в Афганистане, поддержка ими исламистских боевиков привела к отсроченному

⁸⁰ Ahmad Z. S. Political Islam, the Jamaat-e-Islami, and Pakistan's Role in the Afghan-Soviet War, 1979-1988 // Religion and the Cold War: A Global Perspective. Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. P. 276.

возникновению новых угроз в лице движения «Талибан» и организации «Аль-Каида»⁸¹.

Теракты 11 сентября и последующая война с террором, начатая администрацией Буша, привели к тому, что религия снова оказалась втянутой в более крупные геополитические процессы. Администрация Буша, находившаяся под сильным влиянием идей, разработанных в неоконсервативных интеллектуальных кругах⁸², по сути, описала развернувшийся конфликт в терминах борьбы между свободой и цивилизацией против исламистского варварства и мракобесия⁸³. С помощью такой риторики Вашингтон надеялся привлечь больше государств на свою сторону и подкрепить военную и экономическую мощь США мягкой силой.

На фоне тех событий возник неоконсервативный термин «исламофашизм»⁸⁴, который сам Буш в какой-то момент принял на вооружение⁸⁵. Американские власти планировали победить этот «феномен» путем продвижения свободы и демократии во всем мусульманском мире, при необходимости даже военным путем. Войны в Афганистане, а затем в Ираке были представлены руководством США в качестве воплощения этой стратегии.

Религиозная мягкая сила была и остается важной и постоянной частью внешней политики США, даже если ее преуменьшают в пользу военных или экономических инструментов воздействия. Тем не менее, между эпохами до и после Холодной войны наблюдаются некоторые различия.

⁸¹ Coll S. *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan and bin Ladin, from the Soviet Invasion to September 10, 2001*. 732 p.

⁸² Lynch, Timothy J. *Kristol Balls: Neoconservative Visions of Islam and the Middle East* // *International Politics*. 2008. Vol. 45. №2. P. 182-211.

⁸³ Salter M. B. *Barbarians and Civilization in International Relations*. London ; Sterling, Va. : Pluto Press, 2002. 240 p.

⁸⁴ Podhoretz N. *World War IV: The Long Struggle Against Islamofascism*. New York: Doubleday, 2007. 240 p.

⁸⁵ *Bush's Language Angers US Muslims* // *BBC News*. 2006. 12 August. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/4785065.stm> (дата обращения: 16.04.2021). Примеч.: материал размещен на сайте организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Во время Холодной войны религиозные подходы к мягкой силе были менее институционализированными, более завуалированными и, в значительной степени, направленными против одного явного противника. После Холодной войны религиозное государственное управление приняло более институционализированную форму с появлением нескольких внешнеполитических религиозных векторов. Хотя значительная часть этих усилий была направлена на борьбу с исламистским терроризмом, курс США все же выходил за рамки этой проблемы и включал более размытый набор целей, таких как содействие религиозной свободе, разрешение религиозных конфликтов, предоставление помощи в целях развития и гуманитарного содействия.

В целом, влияние религиозной политики США на глобальные процессы было неоднозначным. Хотя мягкая сила религии действительно помогла создать антисоветские объединения во время Холодной войны, не все цели Вашингтона в конечном счете были достигнуты. Порой цели также имели обратный эффект, и одним из наиболее показательных результатов как раз стало возникновение «Аль-Каиды» вследствие поддержки исламистских боевиков в Афганистане. Таким образом, используемые США инструменты религиозного воздействия доказали свою эффективность в определенных обстоятельствах, но также породили непредсказуемые разрушительные последствия.

Религия получила новое место в международной политике XXI века, поскольку преобладающий либеральный мировой порядок, в котором доминировал Запад, в частности США, несколько пошатнулся перед лицом растущих внутренних и международных проблем. Как утверждают исследователи Мандавилль П. и Хамид Ш., особенно необходимо «обращать внимание на возросшую значимость культуры, религии и идей в контексте формирующегося постлиберального мирового порядка»⁸⁶.

⁸⁶ Mandaville P., Hamid S. Islam as Statecraft: How Governments Use Religion in Foreign Policy // The New Geopolitics: Middle East. Washington, DC: The Brookings Institution, 2018. URL:

Представляется возможным согласиться с исследователем Ачарья А. в том, что современная реальность все глубже погружается в «мультиплексный мировой порядок»⁸⁷ – глобальное устройство, в котором существует множество важных международных субъектов (государства, транснациональные корпорации, транснациональные общественные движения, транснациональные террористические организации и т. д.). На фоне трансформаций среди этих важных субъектов также возрастает культурное, идеологическое и политическое многообразие.

Таким образом, изучение детерминант и механизмов формирования религиозно-политических движений в комплексе глобальной и региональной политики продемонстрировало, что в дальнейшем способность правильно концептуализировать связь между идеационными переменными (такими как религия) и международной политикой будет оставаться делом первостепенной важности для игроков на мировой арене.

Практика показала, что положения теории Хантингтона С. не в полной мере применимы по отношению к Афганистану в связи со спецификой его географического положения, этнического многообразия и социокультурного контекста. Стратегическое положение страны, полиэтнический состав населения и длительные эпизоды внешних военных вмешательств сформировали сложный социально-политический ландшафт, требующий совершенствования универсальных теоретических подходов с учетом региональных особенностей.

Вместе с тем, важную роль в формировании религиозно-политических движений, особенно в мусульманских странах, играет дискурс, на выстраивание которого оказывают влияние не только внутривнутриполитические субъекты, но и внешние игроки, воздействуя посредством мягкой силы, финансирования, пропаганды и дипломатического давления. Внутриполитические субъекты используют дискурс для формирования

<https://www.brookings.edu/research/islam-as-statecraft-how-governments-use-religion-in-foreign-policy/>
(дата обращения: 31.03.2021).

⁸⁷ Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity, 2018. 96 p.

коллективной идентичности, укрепления власти и легитимизации своих действий. Взаимодействие этих факторов создает многоуровневую систему, в которой дискурс выступает инструментом как внутреннего, так и внешнего влияния на политические процессы.

1.2. Факторы формирования религиозно-политического движения афганских талибов

Формирование движения «Талибан» в 1990-е годы представляло собой сложный многоступенчатый процесс, обусловленный сочетанием внутренних и внешних факторов влияния. Среди предпосылок внутреннего характера в первую очередь целесообразно выделить усталость афганского общества от продолжительной внутривнутриполитической нестабильности. Также нельзя оставить без внимания глубокую укорененность религиозных традиций, влияние племенной структуры, а также особенности этнополитического характера. Существенную роль в усилении позиций «Талибана» сыграл фактор харизматического лидерства, позволивший объединить разрозненные силы вокруг религиозно-идеологического движения и его непосредственного руководителя.

Наряду с внутренними обстоятельствами важное значение имели и внешние условия, способствовавшие консолидации «Талибана» как политической силы. Международный контекст, включавший последствия геополитического противостояния в период Холодной войны, вмешательство внешних сил и поддержку определенных идеологических групп, создали благоприятную среду для укрепления позиций движения на внутривнутриполитической арене. Таким образом, анализ генезиса движения «Талибан» требует комплексного подхода, учитывающего взаимодействие религиозных, племенных, этнополитических и лидерских факторов в

контексте как внутреннего развития Афганистана, так и международной политики.

Религиозный фактор. Ислам, будучи религией, сформировавшейся более тысячи лет назад, на протяжении своей истории претерпел значительные трансформации. Несмотря на теоретическое основание в идее «*уммат аль-вахида*» (Единой общины), религиозная практика в исламе всегда отличалась внутренним многообразием⁸⁸. Одним из ключевых событий ранней истории стал раскол мусульманской общины в VII веке, вызванный спором о легитимном преемнике пророка Мухаммеда. Противостояние сторонников выборности халифа и сторонников наследования по линии родства привело к формированию суннитской и шиитской ветвей ислама.

Внутри шиитского меньшинства также возникли разногласия, что привело к выделению ветвей заидитов, исмаилитов и двенадцатников (иснашаритов) – каждая из которых разработала собственную школу исламского права (*мазхаб*)⁸⁹. Среди суннитов, напротив, дифференциация была обусловлена различными подходами к интерпретации фикха – религиозно-правовых предписаний. На основе Корана, Сунны и иджтихада в VIII–IX веках оформились четыре признанные суннитские школы: ханафитская, маликитская, шафиитская и ханбалитская. После смерти пророка Мухаммеда исламское сообщество начало разрабатывать свод законов, известный как шариат. Он был основан на содержании Корана (откровениях пророка) и Сунны (мирах и деяниях пророка). Для принятия юридических решений, которые не могли быть найдены в этих источниках, пророк предписал использование иджтихада (независимого рассуждения)⁹⁰. Однако к XV веку утвердилось представление о «закрытии ворот иджтихада», что

⁸⁸ Ибрагим Т. К., Ефремова Н. В. Мусульманская религиозная философия фальсафа: учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 236 с.

⁸⁹ Кныш А. Д., Маточкина А. И. Шиитский ислам: учебное пособие. СПб. : Президентская библиотека, 2016. 183 с.

⁹⁰ Основы исламского вероучения. Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки. Махачкала, 2009. 362 с.

означало отказ от новых интерпретаций в пользу следования устоявшейся правовой доктрине, сформулированным догмам прошлых авторитетов⁹¹.

Параллельно усиливалось мистическое течение суфизма, акцентировавшее личное духовное переживание веры и роль наставника (*шейха*). Суфийские братства получили широкое распространение, в том числе на Индийском субконтиненте, где ислам начал укореняться с XI века. Именно суфийская толерантность к межконфессиональным контактам способствовала культурному взаимодействию с индуизмом⁹².

Колониальный период стал временем глубоких потрясений для адептов ислама на Индийском субконтиненте. После подавления антибританского восстания 1857 года мусульманское население Индии подверглось репрессиям и фактической маргинализации. В этих условиях оформились два направления: консервативное (*Деобанди*), выступавшее за очищение ислама от индуистских и западных влияний, и более инклюзивное (*Барелви/Бидати*), ориентированное на сохранение межконфессионального диалога⁹³. В 1866 году в городе Деобанд было основано медресе Дар уль-Улюм, ставшее идеологическим центром движения Деобанди. Его учебная программа отличалась строгим разграничением «богооткровенного» (священного) и «человеческого» (светского) знания, исключением западных дисциплин и следованием ханафитскому мазхабу с приоритетом таклида над иджтихадом – то есть, предпочтение отдается следованию устоявшимся правовым школам и решениям прошлого, а не выработке новых интерпретаций⁹⁴. Строгая приверженность принципам ханафитской догматическо-правовой школы критически важна для понимания идеологии Деобанди и, соответственно, движения «Талибан».

⁹¹ Armstrong K. Islam. New York: Modern Library Chronicles, 2000. P. 100.

⁹² Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009. 552 с.

⁹³ Metcalf B. D. Islamic Revival in British India: Deoband, 1860-1900. Princeton University Press, 2014. 402 p.

⁹⁴ Там же.

С конца XIX века британская метрополия активно использовала богословские споры между Деобанди и Барелви для снижения антиколониальной активности. Исследователь Б. Меткалф отмечает: «Так называемые «войны фетв» между учеными Деобанди и Барелви требовали колоссальных усилий для издания правовых заключений, объявлявших оппонентов находящимися за пределами ислама. Эти споры, хотя и носили вид богословских, имели глубокие социальные и политические последствия. Колониальное правительство, формально соблюдая публичный нейтралитет, тем не менее позволяло таким разделением сохраняться, что, в свою очередь, ослабляло возможность формирования единого мусульманского политического движения против британского правления»⁹⁵. Таким образом, к началу XX века словесная «война фетв» усилила консервативный характер школы Деобанда.

После раздела Британской Индии в 1947 году часть ведущих религиозных деятелей и адептов Деобанди переехала в Пакистан, где вдоль границы с Афганистаном была создана сеть медресе. Первоначально их влияние было ограниченным, но ввод советских войск в Афганистан в 1979 году и приток внешнего финансирования, в том числе из США и Саудовской Аравии, привели к стремительному росту числа последователей. Отдельно стоит отметить, что саудовское влияние усилило ваххабитские элементы в идеологии Деобанди⁹⁶. В дополнение к американскому финансированию, поддерживающему войну против СССР в Афганистане, Саудовская Аравия наполнила деобандийские медресе ваххабитской идеологией. Саудовцы нацелились на Деобанди, так как это была самая популярная исламская школа в пуштунской племенной зоне. Некоторые пакистанские ученые, такие как Акбар Заиди, утверждали, что деобандийский ислам в Пакистане и

⁹⁵ Там же, с. 258.

⁹⁶ Moj M. The Deoband Madrassah Movement: Countercultural Trends and Tendencies. Anthem Press, 2015. 262 p.

Афганистане отошел от своих корней из-за ряда факторов, одним из которых является влияние саудовского ваххабизма⁹⁷.

Хотя военная подготовка не входила в официальную программу медресе, она нередко дополняла религиозное образование в условиях антисоветского джихада. Афганцам, противостоявшим атеистическому коммунистическому режиму, казалось, что какая бы то ни было форма военной подготовки была естественным и логичным продолжением образования, полученного через систему медресе.

К середине 1990-х гг. выпускники деобандийских медресе, преимущественно пуштуны, составили кадровую основу движения «Талибан». Идеология талибов, в значительной мере опирающаяся на ханафитский мазхаб в деобандийской интерпретации, предполагает приоритет законов шариата над правами и свободами личности, что принципиально отличает ее от западных политико-правовых моделей⁹⁸.

В современном Деобанде наблюдается сокращение числа иностранных студентов вследствие визовых ограничений, введенных индийским правительством в 1990-х годах из опасений радикализации. В 2008 году Дар уль-Улюм официально осудил религиозный экстремизм и терроризм⁹⁹, однако идеологическое наследие школы продолжает оказывать влияние на радикальные движения в Южной Азии, включая пуштунскую племенную зону. Таким образом, исследование философских и богословских оснований деобандийской традиции остается важнейшей задачей в контексте анализа современного исламского радикализма.

Племенной фактор. История Афганистана на протяжении нескольких столетий тесно связана с племенной структурой общества, в особенности с

⁹⁷ Zaidi A. The Ulema, Deoband and the (Many) Talibans – Historical Scholarship Ignores the Discontinuities and Breaks That Have Taken Place in the Traditions of Pakistani Islam // Economic and Political Weekly [Mumbai]. 2009. May 9-15.

⁹⁸ Князев А. А. К истории афганского движения «Талибан» (середина – вторая половина 1990-х гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 13-21.

⁹⁹ Radical Indian seminary issues fatwa against terrorism // Reuters. 2008. 1 June. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSDEL275987/> (дата обращения: 18.12.2021).

пуштунами – крупнейшей этнической группой страны. Их социальная организация, основанная на кодексе «Пуштунвали» (پښتونوالي), оказала глубокое влияние на политические процессы, включая формирование и развитие движения «Талибан». Несмотря на формальные заявления о приверженности исключительно законам шариата, именно племенные традиции и культурные особенности пуштунов определяют значительную часть механизмов власти и регуляцию общественных отношений. Анализ племенного фактора позволяет понять внутренние противоречия современного афганского общества, где традиционные ценности сталкиваются с новыми политическими, социальными и культурными моделями, привнесенными войнами, сменой режимов, миграцией и глобализацией.

Кодекс «Пуштунвали» объединяет нормы племенного права и местные толкования шариата, определяя социальную жизнь пуштунов. Его понимание необходимо для анализа политической культуры движения «Талибан», значительная часть которого состоит из пуштунов. В августе 2021 года командир движения Вахидулла Хашими заявил, что в Афганистане не будет демократической системы, так как единственным источником права является шариат.

Пуштуны составляют около 42% населения страны, однако данные оценки условны, поскольку с 1970-х гг. в Афганистане не проводилась перепись населения¹⁰⁰. Данная этническая группа доминирует в Афганистане в политическом отношении: все правители страны, начиная с конца девятнадцатого века, были пуштунами. Исключениями является короткий срок правления Хабибуллы Калакани во время гражданской войны, в ходе которой был свергнут король-модернизатор Аманулла-хан в 1929 году, а также президентство этнического таджика Бурхануддина Раббани (1992-2001 гг.), оспариваемое параллельно правящими талибами во главе с Муллой Омаром¹⁰¹.

¹⁰⁰ Pashtun: Definition, People, Culture & Religion // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Pashtun> (дата обращения: 18.12.2021).

¹⁰¹ Barfield T. J. Afghanistan: a Cultural and Political History. Princeton University Press, 2010. 408 p.

Пуштунское население разделено более чем на 60 племенных групп, объединенных языком пушту. Данный этнос разделяет веру в свое древнее происхождение, которое в некоторых народных преданиях прослеживается до потерянных колен Израиля, но более формальная версия предполагает их происхождение от трех сыновей Кайса бин Рашида из региона Гор в Афганистане, который, согласно преданию, отправился в Аравию с целью быть обращенным в ислам либо самим Пророком Мухаммедом, либо зятем Пророка, четвертым халифом Али¹⁰².

Пуштунское общество характеризуется сильным индивидуализмом и отсутствием централизованной власти. Антропологи определяют его как «ацефальную патрилинейную сегментарную систему», где каждая семья и клан сохраняют автономию и конкурируют за влияние¹⁰³. Такая сегментация оказывает огромное давление на любую устоявшуюся структуру власти. Пуштуны редко проявляют готовность к объединению под лидерством одного человека, и они никогда не были полностью подчинены внешним силам¹⁰⁴. В результате децентрализованность препятствовала формированию сильного государства, особенно после демаркации Линии Дюранда, разделившей афганских и пакистанских пуштунов. В то же время независимая идентичность пуштунов позволила им сформировать сплоченное сопротивление внешним силам в моменты, когда их этническая группа в целом находилась под угрозой. Это было исторически отмечено в крупных поражениях, понесенных британцами во время их вторжений в Афганистан в XIX и начале XX веков¹⁰⁵, а также в стойкости пуштунского сопротивления советским войскам в ходе советско-афганской войны.

В основе кодекса «Пуштунвали» лежат следующие принципы: гостеприимство и убежище для пришедшего с миром (مېلمستيا «melmastia»), ننواټي

¹⁰² Akbar S. Ahmed, *Millennium and Charisma Among Pathans*. 1976. P. 7.

¹⁰³ Lindholm C. *Generosity and Jealousy, The Swat Pukhtun of Northern Pakistan*. 1982. P.13

¹⁰⁴ Белокреницкий В. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (Пример Пакистана). *Россия и мусульманский мир*. 2017. №6 (300). С. 83-107.

¹⁰⁵ Там же, с. 60.

«panawatai»), кровная месть и справедливость (بدل «badal»), а также защита трех главных ценностей – «женщин, золота и земли» (زن زر زمين «zan, zar, zameen»). При этом групповая идентичность большинства представителей этноса связана с концепцией «родословная» (خېل «khel») или «потомки большой семейной группы» (زی «zai») ¹⁰⁶.

Ключевым институтом традиционного пуштунского общества является джирга – собрание мужчин клана для разрешения споров и принятия решений. Джирга могла рассматривать широкий спектр вопросов – от брачных конфликтов до распределения ресурсов. Несмотря на внешнюю демократичность, реальные решения принимались наиболее авторитетными старейшинами. Эта форма управления обеспечивала баланс интересов, но одновременно отражала постоянную борьбу за власть внутри кланов ¹⁰⁷.

В период советско-афганской войны как официальные правительственные структуры, так и традиционные формы управления страдали от дезориентации и фрагментации традиционного общества, вызванной бегством миллионов афганцев из страны. Пуштунские регионы были центрами сопротивления СССР. Через их территорию проходили оружие, боеприпасы и повстанцы, и после того, как члены их семей оказались в безопасности в Пакистане, многие афганцы, невзирая на национальность, возвращались обратно в Афганистан через территорию пуштунов, чтобы взяться за оружие в составе временных военных подразделений, сформированных из клановых или деревенских союзов.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 году последовавшая гражданская война переросла во внутреннее противостояние различных групп сопротивления, которое преимущественно выстраивалось вокруг племен и кланов. Относительно небольшая и малоизвестная на тот момент группа учеников медресе, впоследствии назвавшая себя «Талибан»,

¹⁰⁶ Lindholm C. Generosity and Jealousy, The Swat Pukhtun of Northern Pakistan. P.28.

¹⁰⁷ Kakar H. K. Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir ‘Abd al-Rahman Khan. 1979. P. 20.

создала повстанческое формирование на юго-востоке Афганистана. Благодаря активному внешнему финансированию и вооружению, «Талибан» расширил влияние в большей части пуштунского региона, вытеснив местных полевых командиров. По мере продолжения гражданской войны и свержения талибами более умеренного правительства Бурхануддина Раббани в Кабуле, движение стало восприниматься многими афганцами как сравнительно некоррупцированная система, способная принести в Афганистан долгожданную стабильность.

Хотя изначально большинство афганцев воспринимали «Талибан» как мусульманских традиционалистов, на самом деле их подход существенно отличался от традиционного афганского ислама. При талибах некоторые формы племенного правления, такие как система джирги, были видоизменены или вовсе упразднены. Например, руководство движения приказало ввести другую систему формирования джирги, используя для ее обозначения арабский термин «шура» (совет) и назначая деревенского муллу главой собрания¹⁰⁸. Вместо традиционной формы джирги, в которой каждый взрослый мужчина мог свободно высказываться и голосовать за своих представителей на более крупных собраниях, талибы устранили большую часть ее демократической составляющей, запретив открытый диалог и заменив правила джирги своей собственной версией религиозных законов.

Отчасти из-за исторически ограниченной административной структуры правительства Афганистана и его относительно узкого охвата жизни граждан за пределами нескольких крупных городов, принципы сельского управления в стране претерпевали малые изменения вплоть до конца XX века.

Фактически, многое из того, что стало стандартным государственным управлением, было создано при эмире Абдур Рахман Хане, который взошел на престол в 1880 году¹⁰⁹. Система региональных губернаторств Абдур Рахман Хана была дополнена (а иногда и вытеснена) генералами, командующими

¹⁰⁸ Nojumi N. et al. Afghanistan's Systems of Justice: Formal, Traditional and Customary. 2004. P. 36. URL: <http://www.gmu.edu/departments/crdc/neamatl.pdf> (дата обращения: 23.12.2021).

¹⁰⁹ Kakar H. K. Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan. P. 20.

военнослужащими, размещенными в казармах в каждом регионе. Такая модель управления сельскими провинциями Афганистана сохранялась на протяжении почти столетия. Хотя Абдур Рахман Хан желал воплотить последовательную модель централизованного управления, региональные различия, основанные на политических отношениях между этническими группами Афганистана, сохранялись с течением времени.

Однако традиционные модели были сломлены после начала афгано-советской войны, когда прибытие молодых коммунистов в сельскую местность привело к нападениям на местное правительство. В целом последние четыре десятилетия войны способствовали милитаризации традиционной племенной организации пуштунов, вследствие чего насилие стало более распространенным средством решения внутренних проблем.

Другое часто упускаемое из виду следствие прихода к власти в Афганистане талибов наблюдалось в противостоянии сельского общества городскому. Об этом пишет исследователь Джустоцци А.: «Возможно рассматривать «Талибан» как выражение конфликта между селом и городом в Афганистане, но важно подчеркнуть, что они были выражением особой сельской культуры, культуры деревенских мулл, и часто выступали против применения племенного кодекса «Пуштунвали»¹¹⁰. При этом Джустоцци указывает на то, что «Талибан» осуществлял вербовку боевиков за пределами пуштунских племен: «Талибы были готовы принять любого, кто разделял их взгляды и принимал их правила, независимо от этнической принадлежности или племени...»¹¹¹.

Очевидно, что «Талибан» не хотел представлять себя связанным с определенным племенем или общиной во избежание трудностей при перемещении по племенным территориям, поскольку присутствие на них талибов могло спровоцировать антагонизм со стороны местных жителей. В то

¹¹⁰ Giustozzi A. Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. L.: C Hurst & Co Publishers Ltd, 2007. P. 47-48.

¹¹¹ Там же.

же время это было способом привлечь внимание к движению, стоящему выше межобщинной конкуренции¹¹².

Хотя подавляющий пуштунский характер «Талибана» неоспорим, обстоятельства создания движения в некоторой степени его размывают. Поскольку на начальном этапе практически все боевики «Талибана» были набраны из огромного числа афганских беженцев, важно понимать, что они не только были физически удалены от своей родной территории, но и от культурных основ своего общества. Из-за крайне бедственного положения единственным вариантом для беженцев было получение образования в медресе. По этой причине новоиспеченные члены движения были в основном безродными и восприимчивыми к идеологическим влияниям, которым подвергались в медресе на территории Пакистана¹¹³. Эти медресе придерживались деобандских и ваххабитских школ суннитского ислама, их финансирование в основном осуществлялось Саудовской Аравией¹¹⁴. Сохраняющееся саудовское влияние восходило корнями к антисоветскому джихаду, во время которого Саудовская Аравия сравнялась с США в объемах финансовой помощи, предоставляемой моджахедам. Эти медресе управлялись «Джамиат-е-Улема-е-Ислами» (ДУИ) – пакистанской религиозной организацией, превратившейся в политическую партию, характеризующуюся фундаменталистскими толкованиями ислама, оппозицией иджтихаду, а также оппозицией феодальным и племенным структурам»¹¹⁵.

Барфилд приписывает многие проявления религиозной политики «Талибана» плохо завуалированным пуштунским обычаям, утверждая, что зачастую интерпретации выдвигаемых талибами положений «были идиосинкразическими и имели тенденцию придавать местным обычаям облик

¹¹² Там же, с. 12-23.

¹¹³ Rasanayagam A. *Afghanistan: A Modern History*. L.: I B Tauris & Co Ltd, 2005. P. 143.

¹¹⁴ Mandaville P. *Global Political Islam*. L.: Routledge, 2007. P. 152-153.

¹¹⁵ Лалетин Ю. П. О некоторых предпосылках исламизма талибов // МГИМО. С. 3-7. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/798/79828a37b14c73571ebbc8d3d984981e.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).

религии».¹¹⁶ Затем исследователь отмечает, что наиболее радикальные проявления исламского фундаментализма, продемонстрированные движением «Талибан», не являются отражением традиционных афганских обычаев, а, напротив, указывают на влияние ваххабитских идей, впитанных молодыми пуштунами в процессе обучения в медресе. В качестве иллюстраций он приводит такие меры, как запрет на развлечения, социальная изоляция женщин, обязательное ношение бороды и применение жестких форм наказания в отношении правонарушителей. Особенно значимым отклонением от племенного кодекса пуштунов является отказ от традиционного механизма урегулирования конфликтов, при котором долг крови может быть погашен финансово, если об условиях договорится джирга. Вместо этого «Талибан» узаконил наиболее суровые наказания, включая смертную казнь¹¹⁷.

В целом вышеперечисленные факторы указывают на то, что в последние десятилетия афганское общество подверглось фундаментальным изменениям почти во всех отношениях. Иностранные вторжения, гражданская война и предшествующее ей фактическое противостояние на афганской территории сверхдержав привели к тому, что афганские моджахеды чувствовали себя весомыми игроками в новом международном порядке. Но военная мощь командиров подорвала традиционную иерархию пуштунского общества, а вместе с ней и концепцию равенства. В то же время массовая миграция привела миллионы пуштунов в социально-экономическую среду, которая была организована принципиально иначе, чем их бывшие деревенские общины. Кроме того, гражданская война изменила характер отношений между этническими группами Афганистана: в ходе нее таджикские и узбекские формирования приобрели военный и политический вес в отдельных районах

¹¹⁶ Barfield T. An Islamic State is a State Run by Good Muslims: Religion as a Way of Life and not an Ideology in Afghanistan // *Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization*. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 232.

¹¹⁷ Chayes S. *The Punishment of Virtue: Inside Afghanistan after the Taliban*. N. Y.: Penguin Books, 2007. P. 34-35.

страны, и в их глазах пуштунские племена потеряли свое традиционное исключительное положение в афганском обществе.

После 2001 года был установлен новый политический порядок и принята новая конституция при иностранной поддержке. Очевидно, эти шаги были сделаны для того, чтобы Афганистан отвечал международным ожиданиям, а не традиционным ценностям, выраженным, например, в концепции «Пуштунвали». Помимо этого, растущий уровень образования среди молодого поколения привнес новые ценности в коллективное сознание, в то время как современные средства коммуникации позволяли народу Афганистана до прихода талибов частично прикоснуться к глобализированному миру и приобщиться к его ценностям¹¹⁸.

По этой причине на вопрос о важности кодекса «Пуштунвали» в современном Афганистане невозможно ответить каким-либо обобщенным образом. Джирга утратила большую часть своего авторитета, впоследствии ее заменила менее эгалитарная шура, а внутриплеменная сплоченность ослабла. Что касается «Пуштунвали» как кодекса поведения пуштунов, исследователь Руттиг Т. считает, что многие из его положений были мистифицированы как афганцами, так и иностранными наблюдателями, и что многое из того, что о нем рассказывают, является идеализированным восприятием прошлого¹¹⁹. Отчасти с этим утверждением можно согласиться, поскольку «Пуштунвали» по своей природе является идеализированной картиной образа жизни пуштунов. Идея о том, что в прежние времена поведение субъектов пуштунского общества соответствовало требованиям «Пуштунвали», без сомнения, является идеализацией, но также нет сомнений в том, что сам кодекс представляет идеалы, которые служат ценностям, определяемым

¹¹⁸ Glatzer B. Zum Pashtunwali als ethnischen Selbstportrait // *Subjekte und Systeme: Soziologische und anthropologische Annäherungen. Festschrift für Christian Sigrist zum 65. Geburtstag.* Frankfurt : IKO Verlag, 2000. P. 89-108.

¹¹⁹ Ruttig T. How tribal are the Taleban? Afghanistan's largest insurgent movement between its tribal roots and Islamist ideology // *Afghanistan Analyst Network.* URL: <http://www.aan-afghanistan.org/uploads/20100624TR-HowTribalAretheTaleban-FINAL.pdf> (дата обращения: 26.08.2020).

потребностями населения. Идеал образа жизни пуштунов, представленный «Пуштунвали», включает в себя ценности, нормы, обычаи и привычки, которые в течение долгого времени считались священными в силу традиции и которые в силу своего императивного характера были призваны определять поведение личности и социальных групп в повседневной жизни, а также в исключительных ситуациях.

«Пуштунвали» конкурирует с другими системами ценностей, которые приобрели влияние в Афганистане за последние несколько десятилетий. Поскольку ценности, направляющие поведение отдельных лиц или групп, во многом зависят от требований конкретной ситуации, в перспективе «Пуштунвали» может приобрести комплементарный характер, однако представленные в кодексе положения по-прежнему авторитетны для этнических пуштунов.

Этнополитический фактор. Гражданская война 1990-х гг. стала одним из наиболее разрушительных и раскольных периодов в истории Афганистана, унеся десятки тысяч жизней и подорвав основы политической и социальной стабильности. В этот период боровшиеся за контроль над страной повстанческие группировки формировались на основе этнической, племенной и политической идентичности, однако неоднородность афганского населения и конкуренция между этническими и племенными сообществами препятствовали их легитимизации и консолидации на общенациональном уровне¹²⁰.

В 1994 году на фоне затянувшегося противостояния возникло движение «Талибан», представившее план создания единого исламского правительства и заявившее о цели восстановления справедливости путем внедрения в Афганистане принципов исламского права (законов шариата). Идеология движения апеллировала к преодолению этнических и племенных различий за счет объединяющего «афганского духа», а харизматическое лидерство муллы

¹²⁰ Shultz Jr. R. H., Dew A. J. *Insurgents, Terrorists, and Militias: The Warriors of Contemporary Combat*. N. Y.: Columbia University Press, 2006. P. 180.

Омара позволило мобилизовать население и объединить племена, ранее находившиеся в состоянии конфронтации. Таким образом, религиозная легитимация, использование родственных связей и адаптация к меняющимся условиям позволили талибам разработать стратегию, определившую усиление позиций их движения с 1994 по 1996 гг.

Этнополитический контекст гражданской войны был тесно связан с особенностями социальной и племенной структуры страны. Афганистан отличается высокой степенью этнокультурной фрагментации, его население делится на многочисленные этнические группы, племена и племенные объединения, каждое из которых сохраняет собственные консервативные традиции¹²¹.

Пуштуны, составляющие практически половину афганского населения, в основном проживают в южных и восточных регионах страны¹²². Их социальная структура включает два основных племенных объединения – гильзаи и дуррани. Племена дуррани населяют территорию всего южного Афганистана, гильзаи преимущественно проживают в юго-восточном Афганистане. В совокупности оба племенных объединения составляют две трети населения пуштунов в Афганистане. При этом каждое племенное объединение пуштунов делится на несколько меньших племен, а затем распадается на многочисленные кланы. На протяжении столетий племена гильзаев и дуррани конкурировали за политическую власть над пуштунской общиной¹²³.

Таджики, узбеки, хазарейцы, туркмены и некоторые другие этнические группы населяют в основном северные и центральные районы Афганистана¹²⁴. Их представители говорят на разных языках и диалектах, придерживаются

¹²¹ Williams B. G. *Afghanistan Declassified: A Guide to America's Longest War*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 15.

¹²² Carberry S. *Afghans Confront Sensitive Issue Of Ethnicity* // NPR. 2013. 8 May. URL: <https://www.npr.org/2013/05/08/179079930/afghans-confront-sensitive-issue-of-ethnicity> (дата обращения: 26.08.2020).

¹²³ Шашок Л. А. Этнорелигиозная идентичность в идеологии движения "Талибан" в 1994-1996 гг // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020. № 12(150). С. 79-89.

¹²⁴ Marsden P. *The Taliban: War and Religion in Afghanistan*. N. Y.: Zed Books, 2002. P. 9-11.

разных племенных традиций и практикуют отличные друг от друга религиозные обычаи¹²⁵. Несмотря на то, что в географическом смысле каждая из перечисленных этнических групп относится к афганцам, с этнолингвистической точки зрения они прежде всего позиционируют себя узбеками, таджиками и т. д.¹²⁶. Исторически, межэтническая консолидация в Афганистане возникала только при внешнем вторжении, тогда как после ухода с территории страны иностранных войск общество вновь возвращалось к этнополитическому соперничеству¹²⁷.

Немаловажное влияние на ход конфликтов оказывал географический ландшафт Афганистана: горный массив Гиндукуш разделяет страну на несколько регионов, образуя труднодоступные высокогорья, плодородные долины и засушливые равнины. Указанные территории обеспечивали повстанческим группировкам возможность создавать опорные пункты в удаленной местности и контролировать ключевые транспортные артерии, затрудняя централизованное управление страной.

После падения просоветского правительства Мохаммеда Наджибуллы в 1992 году международное сообщество и афганские политические группы подписали Пешаварские соглашения, направленные на обеспечение плавной передачи власти и формирование временного правительства с мандатом на шесть месяцев¹²⁸. Первым президентом переходного периода стал этнический пуштун Себгатулла Моджаддеди, занимавший пост на протяжении двух месяцев. Вторым президентом стал этнический таджик Бурхануддин Раббани и, хотя в Соглашениях для него предусматривался четырехмесячный президентский срок, решением Верховного суда полномочия Раббани были

¹²⁵ Nojumi N. *The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Region*. N. Y.: Palgrave, 2002. P. 1-3.

¹²⁶ Лалетин Ю.П. Государство и племя в политической системе Афганистана // *Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: науч.-метод. комплекс*. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 280-315.

¹²⁷ Shultz Jr. R. H., Dew A. J. *Insurgents, Terrorists, and Militias: The Warriors of Contemporary Combat*. P. 180.

¹²⁸ Matinuddin K. *The Taliban Phenomenon: Afghanistan 1994–1997*. N. Y.: Oxford University Press, 1999. P. 22.

продлены, и он продолжил занимать пост президента в течение еще четырех лет.

Назначение Раббани вызвало резко негативную реакцию со стороны лидера «Хезб-и-Ислами» (Исламская партия Афганистана) Гульбедин Хекматияра, охарактеризовавшего президентство этнического таджика как нарушение многовековой традиции политического господства пуштунов: на протяжении 300 лет до прихода к власти Раббани в 1992 году глава правительства Афганистана имел пуштунское происхождение. Отказ Хекматияра признать соглашения привел к срыву мирного процесса и новой волне вооруженных столкновений на почве этнических разногласий¹²⁹.

Раббани признавал растущую угрозу со стороны «Хезб-и-Ислами» и в попытках стабилизировать ситуацию назначил на пост министра обороны Ахмада Шаха Масуда – этнического таджика, получившего известность в качестве борца за свободу в «антисоветском джихаде». Признавая авторитет Масуда и его влияние в северных районах Афганистана, Раббани надеялся, что его назначение поможет нейтрализовать нарастающую агрессию со стороны пуштунской оппозиции. Однако назначение Масуда воспринималось пуштунами как попытки усиления непуштунского влияния, из-за чего внутриполитическая напряженность, напротив, нарастала¹³⁰. Одновременно Хекматияр и его ополчение продолжали наносить удары по Кабулу, что привело к гибели более тысячи мирных жителей и разрушению инфраструктуры.

Финансирование, необходимое для восстановления городов и поддержки афганского населения, не доходило до Кабула, поскольку в результате массовой коррупции средства присваивались местными полевыми командирами, из-за чего легитимность Раббани ослабевала еще сильнее.

¹²⁹ Barnett R. *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System*. 2nd ed. New Haven, CT : Yale University, 2002. 271 p. Примеч.: Йельский университет признан в РФ нежелательной организацией решением Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 08.07.2025.

¹³⁰ Rubin B. R. *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System*. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2002. P. 272-273.

Продление его полномочий лишь усиливало недовольство среди противоборствующих этнических групп. Однако, несмотря на утрату авторитета, президентский срок Раббани был продлен из-за неспособности переходного правительства объединиться во время интенсивных боевых действий в Кабуле. Несмотря на переизбрание, его президентство было признано нелегитимным большинством представителей оппозиционных сил.

Гражданская война в Афганистане сопровождалась возникновением новых союзов, их слиянием и поглощением, борьбой за территории и потерей контроля над ними, а также торговлей оружием и получением иностранной поддержки.

Масуд пытался заручиться поддержкой генерала Абдула Рашида Дустума, этнического узбека, создавшего партию «Джумбеш-е Милли-е Исломи-е Афганистон» (Национально-исламское движение Афганистана, НИДА), контролировавшего несколько крупных городов на севере страны. Дустум также обладал значительными военными ресурсами, унаследованными в период войны против СССР¹³¹. Его союз с Масудом, заключенный в 1992 г., укрепил позиции правительства, но оказался недолговечным: в 1994 году Дустум перешел на сторону Хекматияра, а спустя несколько месяцев разорвал отношения и с ним. Такая политическая нестабильность только усугубляла этническую фрагментацию и подрывали эффективность центрального правительства.

Согласно усредненным оценкам, в ходе гражданской войны в Афганистане в период с 1992 по 1994 гг. погибло более 25 000 человек¹³². Основной причиной затянувшегося внутривнутриполитического конфликта была неспособность враждующих этнических группировок признать необходимость формирования наднациональной идеи, способной объединить население Афганистана, уставшее от десятилетий войны¹³³.

¹³¹ Williams B. G. Afghanistan Declassified: A Guide to America's Longest War. P. 33.

¹³² Shultz Jr. R. H., Dew A. J. Insurgents, Terrorists, and Militias: The Warriors of Contemporary Combat. 328 p.

¹³³ Williams B. G. Afghanistan Declassified: A Guide to America's Longest War. P. 134.

Движение «Талибан» восполнило этот вакуум, объединяя пуштунов всех племенных объединений и одновременно поощряя участие в деятельности движения афганцев непуштунского происхождения. Исследователи Джонсон Т. и Мейсон М.К. отмечают, что талибы изначально представляли племенное движение, связанное с наследием их лидера муллы Омара, который происходил из племени хотак, состоящего в более крупном племенном объединении гильзаи. По их мнению, чтобы по-настоящему понять талибов, мы должны взглянуть на то, что кроется за маской исламизма (противники талибов в Северном альянсе также были консервативными мусульманами) и рассматривать это движение как феномен племени¹³⁴.

При ближайшем рассмотрении «Талибан» – это не просто пуштунское и даже не гильзайское движение, хотя его главный очаг влияния исторически расположен на землях гильзаев. Большая часть высшего руководства «Талибана», за несколькими исключениями в лице представителей племен какар из объединения Гургушт, близких к мулле Омару, происходила именно из собственного племени хотаки муллы Омара¹³⁵.

Джонсон и Мейсон справедливо подчеркивают родственные связи организации в ее зачаточном состоянии. На момент исследования проведенный ими анализ достоверно отражал афганскую реальность, однако некоторое время спустя талибы осознали необходимость расширения движения и начали привлекать в свои ряды сторонников из всех слоев общества, включая представителей других племен и этнических групп, что свидетельствовало об адаптивном характере их стратегии.

В регионах, где наблюдалась поддержка родственных племен, акцент делался на этнической солидарности; в районах, населенных этническими меньшинствами – на исламской идеологии и стремлении прекратить междоусобицу. «Талибан» консолидировал власть в провинциях, где пользовались сильной поддержкой гильзаи, особенно в регионах, населенных

¹³⁴ Johnson T. H., Mason C. Understanding the Taliban and Insurgency in Afghanistan // ORBIS. 2007. Vol. 51. №1. P. 74–78.

¹³⁵ Там же.

племенем хотаки, где Омар был хорошо известен¹³⁶. На землях дуррани талибы разрешали племенным лидерам управлять провинциями при условии следования их директивам.

На раннем этапе политика талибов предполагала привлечение в ряды движения всех афганцев, независимо от их этнической принадлежности, поскольку приоритетом движения было восстановление порядка, стабилизация страны после продолжительной войны и повсеместное внедрение норм шариата. Такой подход позволил его руководству обрести широкую легитимность, которой не обладали оппозиционные политические фракции, боровшиеся в тот момент за власть в Кабуле¹³⁷.

Фактор харизматического лидерства. Концепция харизматического лидерства была разработана М. Вебером¹³⁸. Согласно ей, харизматический лидер – это политический и религиозный руководитель, чья власть и авторитет основываются на харизме. Такой субъект обладает неординарными способностями привлекать последователей и руководить ими. Харизматическое лидерство предполагает веру сторонников в миссию и необычное призвание своего предводителя.

Поддерживать изобретательность стратегий вербовки талибов удавалось благодаря харизматическому руководству муллы Омара. Современники описывали Омара как тихого и застенчивого человека, который провел большую часть зрелой жизни за изучением ислама в медресе, оставляя учебу только ради борьбы против Советского Союза и создания движения «Талибан»¹³⁹. Преданную позицию Омара уважали многие афганцы, но, несмотря на свой авторитет, по оценкам современников, он оставался

¹³⁶ Mili H., Townsend J. Tribal Dynamics of the Afghanistan and Pakistan Insurgencies // CTC Sentinel. 2009. Vol. 2. №8. P. 1-2. URL: <https://ctc.usma.edu/app/uploads/2010/06/Vol2Iss8-Art3.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

¹³⁷ Strick van Linschoten A., Kuehn F. An Enemy We Created: The Myth of the Taliban-Al Qaeda Merger in Afghanistan. N. Y.: Oxford University Press, 2012. P. 117-119.

¹³⁸ Вебер М. Типы господства. 4. Харизматическое господство. Воспроизведено: Социс. №5. 1988. С. 139-147.

¹³⁹ Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. New Haven: Yale University Press, 2001. 274 p.

сдержанным в принятии решений в качестве руководителя повстанческого движения. Омар оставлял принятие решений религиозного характера на усмотрение исламских ученых улемов, позволял своему совету проводить важные собрания и вмешивался только когда видел в этом необходимость. Джонсон и Мейсон отмечают, что харизматическое лидерство Омара сыграло чрезвычайно важную роль в расширении влияния «Талибана» в Афганистане. По мнению исследователей, движение не существовало бы без его руководства¹⁴⁰. Однако то, что Джонсон и Мейсон приписывают исключительно харизме, на самом деле является лишь одним аспектом более широкой стратегической силы объединенной организации талибов.

Таким образом, важную роль в исследовании генезиса движения «Талибан» является анализ идеологических основ деобандийской религиозной традиции. При этом значимым является и племенной фактор, через который проявляются противоречия афганского общества: традиционные ценности сталкиваются с политическими, социальными и культурными моделями, сформированными продолжительными войнами, сменой режимов и миграцией населения.

Кодекс «Пуштунвали» конкурирует с другими системами ценностей, однако его нормы сохраняют незыблемый авторитет среди этнических пуштунов. Несмотря на то, что в перспективе они могут приобрести комплементарный характер, конкурируя с иными ценностными моделями, в настоящем они продолжают играть определяющую роль в социальном взаимодействии представителей титульной нации.

В этих условиях особое влияние приобретает харизматическое лидерство, способное объединить разные афганские общности и интегрировать их ценностные установки в единый процесс национального строительства.

¹⁴⁰ Johnson T. H., Mason C. Understanding the Taliban and Insurgency in Afghanistan // ORBIS. 2007. Vol. 51. №1. P. 79-80.

1.3. Предпосылки укрепления политической субъектности движения «Талибан» в Афганистане

В 1994 году движение «Талибан» объявило о намерении взять под контроль оставшуюся часть Афганистана, включая Кабул. Первую победу талибы одержали в октябре 1994 года, заняв город Спин Болдак у афгано-пакистанской границы, ранее контролируемый войсками Хекматияра. При поддержке пакистанских сил боевикам движения удалось захватить оружие, предназначавшееся сторонникам Хекматияра¹⁴¹. До этого момента финансирование и поддержка движения поступали исключительно из Афганистана, однако после успеха талибов в Спин Болдаке пакистанское правительство обратило внимание на растущее влияние движения¹⁴².

В начале ноября 1994 года талибы были привлечены для освобождения пакистанского конвоя, захваченного и удерживаемого с целью выкупа полевыми командирами в районе Кандагара¹⁴³. Захватчики были задержаны и публично казнены, что было преподнесено как акт правосудия. Продолжив движение вглубь провинции и свергнув на своем пути ополчение численностью около 2500 боевиков, талибы взяли под контроль город Кандагар¹⁴⁴. Взятие Кандагара стало первой крупной победой их движения.

Будучи оплотом советских войск в период их присутствия на территории Афганистана, Кандагар существенным образом дополнил боевой потенциал движения «Талибан». Захват города обеспечил боевикам движения доступ к бывшей советской авиабазе, на которой были обнаружены несколько истребителей и вертолетов, новейшее стрелковое вооружение, бронетехника и боеприпасы. Не имея опыта в эксплуатации современного вооружения,

¹⁴¹ Strick van Linschoten A., Kuehn F. An Enemy We Created: The Myth of the Taliban-Al Qaeda Merger in Afghanistan. P. 116.

¹⁴² Там же, с. 120.

¹⁴³ Nojumi N. The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Region. P. 104-105.

¹⁴⁴ Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. P. 28.

талибы обратились к боевикам, дезертировавшим из афганских вооруженных сил после падения правительства Наджибуллы. Они обеспечили необходимое обучение в сфере авиации, артиллерийской и пехотной подготовки.

В Кандагаре талибы наладили патрулирование дорог в целях обеспечения безопасности и ввели строгое толкование законов шариата, требуя от населения их неукоснительного соблюдения. Город стал первым примером того, как впоследствии будет выглядеть контролируемый талибами Афганистан. Захват второго по величине города страны привлек внимание конкурирующих формирований, местного населения, воспитанников пакистанских медресе, а также правительств Пакистана и Саудовской Аравии¹⁴⁵. Воспитанники медресе устремились в Афганистан, и именно в это время мулла Омар провозгласил «Талибан» официальной политической организацией.

В марте 1995 года формирования движения «Талибан» предприняли попытку наступления на Герат, расположенный на западе Афганистана, однако встретили серьезное сопротивление со стороны контролировавшего город Исмаила Хана. Получив подкрепление из Кабула, войска Хана сумели удержать город, нанеся талибам значительные потери за счет превосходства авиации и личного состава. Однако его встречная попытка атаковать Кандагар в октябре 1995 года ослабила оборону Герата, что позволило талибам в сентябре 1995 года при поддержке генерала Дустума, на тот момент разорвавшего союз с Хекматияром, взять город под свой контроль¹⁴⁶. В распоряжении Дустума находилось несколько единиц советской военной авиации, оказавших «Талибану» критическую поддержку в штурме Герата.

В течение нескольких месяцев талибы пытались пробиться к Кабулу, однако сталкивались с ожесточенным сопротивлением со стороны оппозиционных сил в столице. Считалось, что слабой стороной талибов по сравнению с проправительственными силами в Кабуле было

¹⁴⁵ Nojumi N. *The Rise and Fall of the Taliban // The Taliban and the Crisis of Afghanistan*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. P. 104-105.

¹⁴⁶ Sinno A. H. *Organizations at War in Afghanistan and Beyond*. P. 228.

нескоординированное руководство, отсутствие упорядоченной организационно-штатной структуры и должного боевого опыта у членов движения¹⁴⁷. Тем не менее в августе 1996 года они заняли Джелалабад, а вскоре и ряд провинций вокруг столицы. В сентябре был захвачен Сароби, и талибы оказались в непосредственной близости от Кабула¹⁴⁸.

Признавая необходимость консолидации и укрепления своего авторитета, прежде чем напасть на Кабул мулла Омар дал указание усилить официальную риторику «Талибана» в Афганистане. В 1996 году страна была переименована в «Исламский эмират Афганистан», что, по мнению его сторонников, должно было свидетельствовать о восстановлении исламской чистоты Афганистана. Демонстрация плаща пророка Мухаммеда в Кандагаре закрепила образ Омара как «Повелителя правоверных» (أمير المؤمنین , амир аль-муминин), усилив его харизматический авторитет¹⁴⁹. Данный титул считается традиционным для выдающихся духовно-политических лидеров в исламе.

Параллельно руководство «Талибана» проводило меры по внедрению строгого толкования законов шариата на подконтрольных территориях. Для этого было учреждено Главное управление по поощрению добродетели и предотвращения порока, осуществлявшее надзор за соблюдением религиозных предписаний¹⁵⁰. Нарушения карались публичными казнями и телесными наказаниями. Мужчины были обязаны носить бороды, женщины полностью исключались из общественной жизни и обязывались носить традиционную паранджу. С целью ограничения внешнего влияния талибы массово изымали у населения телевизоры, видеомагнитофоны, нерелигиозную литературу, фильмы и кассеты, демонстративно уничтожая их на центральных площадях городов.

¹⁴⁷ Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. P. 47.

¹⁴⁸ Там же, с. 48.

¹⁴⁹ Sinno A. H. 2008 Organizations at War in Afghanistan and Beyond. P. 230.

¹⁵⁰ امر-قانون/امر-بالمعروف و نهی عن المنکر نافذ و در جریده رسمی نشر شد. چهارشنبه -امر-قانون/امر-بالمعروف و نهی عن المنکر -نافذ-المنکر -عن-نهی-و-بالمعروف (дата обращения: 29.08.2025)

Когда талибы подошли к Кабулу вплотную, Ахмад Шах Масуд приказал эвакуировать город и призвал к возрождению Объединенного исламского фронта – коалиции, созданной еще в 1992 году для свержения просоветского режима. В дальнейшем объединение получило известность как «Северный альянс», в его состав входили этнические таджики, узбеки и хазарейцы. Однако, несмотря на попытки Масуда сплотить силы, объединение оказалось недостаточно мощным для противостояния «Талибану»¹⁵¹.

Талибы вошли в Кабул 26 сентября 1996 года, спустя всего несколько дней после захвата Сароби. Их войска были встречены с минимальным сопротивлением¹⁵². К концу 1996 года под контролем движения находилось примерно три четверти территории Афганистана. Его руководство сумело эффективно использовать этнический фактор, привлекая сторонников из различных групп. Укрепить позиции талибам также помогло наращивание боевого потенциала благодаря трофейному советскому вооружению. Немаловажную роль сыграло и эффективное идеологическое воздействие.

Таким образом, «Талибан» стремился построить систему управления, с помощью которой было бы возможным эффективно контролировать все территории, захваченные движением в период с 1994 по 1996 год. Однако насильственное внедрение законов шариата на уровне провинций начало постепенно приводить к недовольству среди населения. Жители покидали города из-за навязываемых ограничений, жестокости местных властей и страха суровых наказаний. Кроме того, продолжающаяся конфронтация с «Северным альянсом» приводила к разрушению оставшейся инфраструктуры, которую талибы были не в состоянии восстановить без внешней поддержки. Следовательно, объединяющая движение этнорелигиозная идентичность уже не в достаточной степени отвечала его долгосрочным политическим целям, что вынудило руководство разрабатывать новые стратегии и искать международных покровителей для реализации политических амбиций.

¹⁵¹ Shultz Jr. R. H., Dew A. J. *Insurgents, Terrorists, and Militias: The Warriors of Contemporary Combat*. P. 41.

¹⁵² Rashid A. *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. P. 48.

Стремительно расширяя свое влияние в Афганистане в период с 1994 по 1996 год, движение «Талибан» к 1996 году установило контроль над почти 80% территории страны. Это привело к тому, что перед руководством движения встала проблема ответственности за послевоенную реконструкцию Афганистана¹⁵³. Восстановление инфраструктуры, пострадавшей от многолетнего конфликта, необходимость увеличения доходов, а также потребность предоставлять медицинские и другие услуги означали, что талибы нуждались в ресурсах, которые они не могли приобрести самостоятельно. Кроме того, внимание, уделяемое талибами их строгой идеологической практике, оттолкнуло движение от потенциальных источников международной помощи.

Столкнувшись с необходимостью укрепления позиций нового режима, мулла Омар активизировал поиск новых союзов и начал углублять партнерские отношения с теми, кто был готов принести необходимые ресурсы в Афганистан. Хотя эти партнерства какое-то время были выгодны Омару и его сторонникам, в новом тысячелетии решения Омара привели к негативным последствиям для движения «Талибан».

В целом режим талибов с момента своего зарождения был изолирован от мирового сообщества. Новое правительство было признано только Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Пакистаном.

В то же время множество фактов указывают на тесное взаимодействие «Талибана» с чеченскими сепаратистами в середине и конце 1990-х годов. В январе 2000 года представитель «Талибана» в Пакистане объявил о признании независимости Ичкерии (запрещена в РФ)¹⁵⁴ и установлении дипломатических отношений с правительством Аслана Масхадова¹⁵⁵. Руководители движения

¹⁵³ Margolis E. S. War at the Top of the World: The Struggle for Afghanistan and Asia. Toronto: Key Porter, 2007. P. 65.

¹⁵⁴ «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» признан террористической организацией решением Верхового Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, решение вступило в силу 04.03.2003.

¹⁵⁵ Талибы объявили России священную войну // Лента.ру. 2000. 15 февраля. URL: <https://lenta.ru/news/2000/02/15/taliban/> (дата обращения: 08.02.2021).

15 февраля 2000 года обратились ко всему мусульманскому миру с призывом объявить священную войну Российской Федерации, чтобы вынудить руководство государства прекратить антитеррористическую операцию в Чечне. Позднее секретарь Совета безопасности Сергей Иванов заявил, что не исключал возможности принятия военных мер в отношении движения «Талибан», если организация продолжит оказывать давление на союзников РФ, в частности на Таджикистан и Киргизию¹⁵⁶.

В двух резолюциях Совета Безопасности ООН, принятых в 1998 году, содержится призыв к талибам прекратить жестокое обращение с женщинами. Движение «Талибан» подверглось дальнейшему остракизму после разрушения двух гигантских статуй Будды в афганской провинции Бамиан в марте 2001 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН призвала талибов защищать культурное наследие страны.

Роль Усамы бен Ладена и террористической организации «Аль-Каида» в эволюции движения «Талибан». В то время как мулла Омар пытался найти новые ресурсы для поддержки своего режима и боролся с административными трудностями, боевики «Талибана» продолжали вести войну с вооруженными силами «Северного альянса». Тем не менее, «Северному альянсу» удавалось выдерживать постоянные атаки со стороны талибов. В 1996 году мулла Омар встретился с Усамой бен Ладеном, лидером организации «Аль-Каида», с которым талибы начали развивать ограниченное партнерство для достижения более амбициозных военных и политических целей.

Усама бен Ладен являлся сыном состоятельного йеменского предпринимателя, который владел и управлял одним из крупнейших строительных конгломератов в Саудовской Аравии – Saudi Binladin Group. Его семейный бизнес отвечал за поддержание мечетей в Мекке и Медине¹⁵⁷. В

¹⁵⁶Косырев Д. К удару готовы // Независимая газета. 2000. 25 мая. URL: http://www.ng.ru/events/2000-05-25/2_ready.html?print=Y (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁵⁷ Coll S. The Bin Ladens: An Arabian Family in the American Century. N. Y.: Penguin Press, 2008. P. 12-15.

1980-е годы бен Ладен, обладавший религиозным образованием, прибыл в Афганистан и примкнул к силам моджахедов, участвовавшим в «антисоветском джихаде». Используя связи и богатство своей семьи, бен Ладен осуществлял поставки оружия и предоставлял афганским моджахедам материальную помощь. Опыт, полученный в Афганистане, оказал влияние на бен Ладена: вернувшись в Саудовскую Аравию, он продолжил поддерживать исламистские движения и идеи джихада за пределами региона.

Когда правительство Саудовской Аравии позволило войскам США войти на территорию королевства после иракского вторжения в Кувейт, бен Ладен публично осудил королевскую семью, тем самым подорвав отношения с большей ее частью. В 1992 году бен Ладен переехал в Судан, и, в конечном итоге, был лишен саудовского гражданства в 1994 году. Поскольку бен Ладен продолжал выступать против отношений Саудовской Аравии с США, королевская семья оказывала давление на Судан, чтобы власти выслали его из страны. Правительство Судана выполнило данное требование в 1996 году¹⁵⁸.

После изгнания из Судана бен Ладен обосновался в Джелалабаде, воссоединившись с единомышленниками, которых он встретил во время вооруженного восстания против СССР. Именно в Джелалабаде впервые пересеклись пути муллы Омара и бен Ладена. Это произошло во время установления талибами контроля над городом в сентябре 1996 года¹⁵⁹. После того, как талибы установили контроль над Кабулом, бен Ладен объявил «байат» (заклучение договора), тем самым продемонстрировав поддержку муллы Омара и его сообщников в войне с «Северным альянсом».

Несмотря на наличие множественных связей и финансов, бен Ладен заработал отрицательную репутацию из-за крупных политических скандалов. Негативное международное внимание, которое он приковал к себе из-за угроз

¹⁵⁸ Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. P. 133.

¹⁵⁹ Strick van Linschoten A., Kuehn F. Separating the Taliban from al-Qaeda: The Core of Success in Afghanistan. N. Y.: Center on International Cooperation, 2011. URL: https://cic.es.its.nyu.edu/sites/default/files/gregg_sep_tal_alqaeda.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

и резких высказываний в адрес саудовской монархии, было главной причиной, по которой он в первую очередь искал убежище в Афганистане.

Используя традиции кодекса «Пуштунвали» племени Омара, бен Ладен запросил убежище в Афганистане. Известно, что Омар с осторожностью относился к посторонним, однако он позволил бен Ладену остаться в стране, призывая его проявлять сдержанность и не привлекать чрезмерного внимания к Афганистану. В 1997 году мулла Омар потребовал переместить бен Ладена в оперативный штаб талибов в Кандагаре¹⁶⁰. В то время как Омар был сосредоточен на консолидации власти «Талибана», бен Ладен начал подготовку масштабных транснациональных операций «Аль-Каиды», не ставя в известность Омара.

Первые признаки роста транснациональной террористической организации бен Ладена появились, когда им были изданы экстремистские фетвы против США и Саудовской Аравии¹⁶¹. Фетвы были опубликованы в ответ на присутствие американских войск на территории Саудовской Аравии, против чего бен Ладен категорически негативно высказывался. Разумеется, они привлекли внимание саудовской монархии и чиновников в правительстве США, против чего Омар особо предостерегал бен Ладена, напрямую игнорировавшего его просьбы проявлять сдержанность¹⁶².

В попытке сохранить отношения с Омаром бен Ладен начал поддерживать повстанческую деятельность талибов несколькими способами. В Кандагаре бен Ладен согласился финансировать строительство двух мечетей, что апеллировало к религиозной идеологии талибов. Кроме того, бен Ладен связал Омара с другими состоятельными саудитами, которые были

¹⁶⁰ The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. Washington, D.C. : National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States, 2004. URL: <https://www.9-11commission.gov/report/> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁶¹ Strick van Linschoten A., Kuehn F. Separating the Taliban from al-Qaeda: The Core of Success in Afghanistan. URL: https://cic.es.its.nyu.edu/sites/default/files/gregg_sep_tal_alqaeda.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

¹⁶² Там же.

готовы поддержать талибов как в финансовом, так и в материально-техническом отношении¹⁶³.

Непростые отношения между лидерами двух организаций продолжались на протяжении второй половины 1990-х гг., однако при этом Омар продолжал предоставлять убежище бен Ладену, поскольку их сотрудничество постепенно приобрело форму прагматического военного партнерства.

Одним из наиболее наглядных примеров взаимодействия между «Аль-Каидой» и «Талибаном» стала Бригада 055, ставшая одним из ключевых факторов укрепления боевого потенциала «Талибана». Данное подразделение проходило подготовку в тренировочных лагерях «Аль-Каиды» и было включено в ряды боевиков «Талибана» для разгрома «Северного альянса». Бригада состояла из наиболее опытных боевиков двух организаций. Также стоит отметить, что Бригада 055 была скомпонована из двух пересекающихся поколений афганских ветеранов: первого, воевавшего на стороне антисоветского джихада, и второго – получившего боевой опыт в Кашмире, Таджикистане, Нагорном Карабахе, но проходившего подготовку в Афганистане¹⁶⁴.

Бригада 055 вскоре заработала репутацию одной из самых лояльных и жестоких группировок боевиков в рядах талибов и «Аль-Каиды», а также составной частью боевых сил «Талибана», что позволило ей в конце 1990-х гг. укрепить связь между двумя организациями¹⁶⁵.

В июне 1998 года саудовский принц Турки ибн Фейсал Аль Сауд вылетел в Кандагар на встречу с муллой Омаром, чтобы обсудить растущую связь между талибами и бен Ладеном. В раннее изданных бен Ладеном фетвах утверждалось, что королевская семья Саудовской Аравии незаконно занимает

¹⁶³ Coll S. Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001. P. 342.

¹⁶⁴ Gunaratna R. Inside Al Qaeda: Global Network of Terror. N. Y.: Columbia University Press, 2002. P. 58-60.

¹⁶⁵ Coll S. Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001. P. 397-402.

правлящую позицию. По этой причине принц Турки секретно связался с Омаром, чтобы потребовать передачи бен Ладена для уголовного преследования в Саудовской Аравии. Согласно Турки, Омар согласился передать бен Ладена при условии, что Саудовская Аравия представит план исламского разбирательства, с которым столкнется бен Ладен, находясь под стражей. Переговоры между талибами и правительством Саудовской Аравии продолжались до июля 1998 года¹⁶⁶. Между тем руководство «Аль-Каиды» сосредоточилось на планах, которые позволили бы привлечь внимание международного сообщества к новому уровню джихада и, как следствие, сформировать более негативное отношение к движению «Талибан».

В августе 1998 года «Аль-Каида» совершила два одновременных нападения на посольства США в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания). В результате терактов погибли 224 человека, двенадцать из которых были гражданами США, несколько тысяч получили ранения¹⁶⁷. Бен Ладен находился под наблюдением спецслужб США еще до нападений, но в результате этих терактов началась всемирная кампания по привлечению его к ответственности. Зная, что «Талибан» предоставляет убежище бен Ладену, международное сообщество сосредоточило свое внимание на Афганистане, требуя выдачу бен Ладена для последующего ареста. Мулла Омар по-прежнему отказывался передавать его местоположение саудовским и американским властям без надлежащего судебного разбирательства в соответствии с исламской юрисдикцией.

Усиление международного давления на «Талибан». Через неделю после взрывов в посольствах США в Африке Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1189, которая призывала к скоординированному реагированию с целью предотвращения роста международного терроризма¹⁶⁸. Теракты «Аль-

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ 20th Anniversary of the U.S. Embassy Bombings in East Africa // CIA. 2018. 2 April. URL: <https://www.cia.gov/news-information/featured-story-archive/2018-featured-story-archive/anniversary-of-us-embassy-bombings-in-east-africa.html> (дата обращения: 26.02.2021).

¹⁶⁸ Резолюция 1189 Совета Безопасности ООН (1998) // Официальный сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/en/S/RES/1189\(1998\)](https://docs.un.org/en/S/RES/1189(1998)) (дата обращения: 12.02.2021).

Каиды» в Африке послужили для многих стран серьезным показателем того, что рост международного терроризма становится серьезной угрозой для международной безопасности. Мероприятия международного сообщества, направленные на борьбу с терроризмом, привели к усилению давления на талибов с целью выдачи бен Ладена для привлечения его к ответственности за действия в Африке. Талибы потребовали от США доказательства, на основе которых можно было выдвинуть обвинения против бен Ладена в исламском суде. Тем не менее, США отклонили запрос талибов и держали в секрете подробности расследования. В результате талибы заявили, что не могут привлечь бен Ладена к ответственности, объявив его невиновным согласно афганским законам¹⁶⁹.

Спустя несколько недель после принятия Резолюции 1189 Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1193, уже конкретно посвященную экстремистской политике талибов в Афганистане. В резолюции содержался призыв к немедленному прекращению огня между воюющими группировками и прекращению любого иностранного вмешательства, которое не увеличивало шансы на перемирие. В течение оставшихся месяцев 1998 года, а также весь 1999 год Совет Безопасности ООН продолжал принимать резолюции, осуждающие действия талибов в Афганистане.

В то время как в ООН занимались разработкой проектов резолюций против «Талибана» и «Аль-Каиды», боевики первой организации сосредоточились на территориальных завоеваниях на севере Афганистана. Талибы зашли в тупик в конфронтации с войсками «Северного альянса»: обе стороны конфликта понесли большие потери, добившись незначительного прогресса. В свете этого талибы переключили внимание на город Мазари-Шариф, который находился под контролем перебежчика генерала Дустума и его узбекского ополчения на протяжении большей части гражданской войны. Несмотря на гибель сотен боевиков, успех талибов в Мазари-Шарифе привлек

¹⁶⁹ Weiner T. Taliban Proclaim Bin Laden Innocent in Embassy Attacks // The New York Times. 1998. 21 November. URL: <https://www.nytimes.com/1998/11/21/world/taliban-proclaim-bin-laden-innocent-in-embassy-attacks.html> (дата обращения: 26.02.2021).

внимание Пакистана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов: все три страны объявили правительство талибов законной властью в Афганистане¹⁷⁰. Вопреки давлению со стороны западных государств в вопросе выдачи Усамы бен Ладена, в конце 1990-х гг. и начале 2000 года мулла Омар действительно стремился установить цивилизованные отношения с США и западным миром. Его стремление поддержать «Талибан» оставалось сосредоточенным в афганском контексте – он не пытался расширить экспансию движения за пределы страны, в отличие от Усамы бен Ладена. Кроме того, в попытке обратиться к международному сообществу и получить официальное признание ООН, летом 2000 года «Талибан» уничтожил значительную часть маковых плантаций на территории Афганистана.

Производство опиума поддерживало многих афганских крестьян и способствовало торговле наркотиками на территории страны и за ее пределами. Мулла Омар и руководство движения «Талибан» приказали уничтожить маковые поля по всей стране, поскольку производство опиума нарушало исламские основы их идеологии. Обратный эффект от решения талибов не заставил себя ждать, поскольку в результате их действий многие крестьяне потеряли основной источник дохода. Однако международное сообщество приветствовало усилия талибов по сокращению незаконного оборота наркотиков¹⁷¹.

Кроме того, признание правительства талибов Пакистаном, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами побудило Омара добиться более широкого признания со стороны международного сообщества. Омар полагал, что признание его правительства поможет принести столь необходимую помощь Афганистану, которую он мог бы использовать для послевоенного восстановления страны. Руководствуясь данными намерениями, лидер «Талибана» направил несколько приглашений официальным представителям США для обсуждения будущего отношений

¹⁷⁰ Strick van Linschoten A., Kuehn F. An Enemy We Created: The Myth of the Taliban-Al Qaeda Merger in Afghanistan. P. 154.

¹⁷¹ Margolis E. S. War at the Top of the World: The Struggle for Afghanistan and Asia. P. 68-69.

между двумя странами. Представители США согласились встретиться с руководством талибов, чтобы обсудить взаимные условия для достижения прогресса в двухсторонних отношениях. После переговоров «Талибан» обнародовал ключевые приоритеты своей деятельности, многие из которых напрямую соотносились с высказанными ранее опасениями со стороны США и других западных стран. В число этих приоритетов вошли такие вопросы, как справедливое обращение с женщинами и осуждение государственного терроризма. Однако США сочли подобную политику неубедительной, поскольку талибы рассматривали данные вопросы с точки зрения ислама, что не отвечало западным стандартам¹⁷². Не сумев наладить отношения с международным сообществом, талибы продолжали сталкиваться с давлением со стороны западных стран.

В октябре 1999 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1267, которая наложила санкции на тех, кто был связан с бен Ладеном и «Аль-Каидой», включая руководство талибов, которое предоставило ему убежище. Данные меры нанесли удар по и без того страдающей афганской экономике. Санкции также усилили негативные настроения в отношении западных правительств, которые, по мнению муллы Омара, открыто противились созданию исламского правительства талибов¹⁷³. Санкции стали критической точкой в попытках «Талибана» добиться международной легитимности и подтолкнули движение ближе к сторонникам исламизма, с которыми они ранее пытались держать дистанцию (в основном с бен Ладеном и «Аль-Каидой»). В то время как Омар и талибы сосредоточились на обращении к правительствам иностранных государств, бен Ладен разрабатывал план по двум крупным нападениям на американские объекты. Первый удар был нанесен по ракетному эсминцу «Коул», осуществлявшему заправку в порту города Аден (Йемен) в октябре 2000 года. Три боевика «Аль-Каиды» начинили небольшую лодку взрывчаткой С-4 и подорвали ее, врезавшись в корабль на

¹⁷² Strick van Linschoten A., Kuehn F. An Enemy We Created: The Myth of the Taliban-Al Qaeda Merger in Afghanistan. P. 160-161.

¹⁷³ Там же, с.174-175.

большой скорости. В результате взрыва погибли семнадцать военнослужащих ВМС США и еще тридцать получили ранения¹⁷⁴. Данный теракт активизировал контртеррористические мероприятия США против «Аль-Каиды», которая взяла на себя ответственность за нападение. Однако над политическим вниманием США в ноябре 2000 года доминировали президентские выборы, что позволило бен Ладену спланировать и осуществить гораздо более масштабный теракт, который обозначил качественное изменение в глобальной системе безопасности и стал отправной точкой новой эпохи международных отношений.

Выводы по первой главе

В результате проведенного анализа предпосылок становления и формирования движения «Талибан» представляется обоснованным сделать следующие выводы.

1. В ходе исследования выявлен комплекс внутренних факторов, способствовавших появлению на территории Афганистана религиозно-политического объединения, известного как радикальное исламистское движение «Талибан». К ним относятся: цивилизационный, религиозный, племенной, этнополитический факторы, а также фактор харизматического лидерства. Перечисленные элементы играли ключевую роль в процессе консолидации афганского общества, ослабленного длительными боевыми действиями и утратой внутренней стабильности.

Вместе с тем важно отметить, что начальный этап эволюции движения талибов не ограничивается исключительно внутренними предпосылками. Значительное влияние на процесс его становления оказывали внешние игроки, как на региональном, так и на глобальном уровне. Промежуточные результаты

¹⁷⁴ Coll S. Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001. P. 537.

исследования продемонстрировали необходимость проведения более углубленного анализа динамики эволюции движения «Талибан» и его последующей трансформации из религиозно-политического объединения в радикальное военизированное формирование на фоне событий, развернувшихся после терактов 11 сентября 2001 г.

2. В период с 1994 по 1997 год движение под руководством муллы Омара сумело перейти от стадии формирования к укреплению позиций с помощью сочетания военных ресурсов, стратегического планирования и апелляции к религиозным ценностям для установления территориального контроля и приобретения политической легитимности. Однако уже к 1997 году расширение и удержание новых территорий поставило руководство движения «Талибан» перед необходимостью поиска дополнительных источников поддержки. Установление тесных связей с Усамой бен Ладеном стало переломным моментом, определившим как усиление экстремистских установок внутри движения, так и специфику его внешнеполитического восприятия. Попытки наладить конструктивные контакты с международным сообществом на фоне радикализации курса бен Ладена привели к росту внешнего давления на «Талибан» и заложили основу для дальнейшей эскалации конфликта.

3. Эволюция движения «Талибан» может быть охарактеризована как многоэтапный процесс трансформации. Первый этап связан с возникновением в середине 1990-х гг. идеологического движения, нацеленного на прекращение гражданской войны и объединение разрозненных афганских этносов на основе фундаменталистской интерпретации ислама. Вторым этапом является тесное взаимодействие с «Аль-Каидой» и поиском внешних источников финансирования, что способствовало радикализации движения и предопределило его глобальное восприятие в качестве террористической организации. После начала военной операции в Афганистане под эгидой ВС США и сил международной коалиции в 2001 году движение «Талибан» пройдет несколько этапов реструктуризации и будет преобразован в сложную

военизированную организацию, которой, несмотря на изгнание, по-прежнему удастся заручиться легитимностью большей части населения Афганистана и сохранить роль влиятельного субъекта афганской политики.

Таким образом, промежуточные итоги исследования позволяют заключить, что генезис движения «Талибан» является результатом взаимодействия цивилизационных, социальных, религиозных и этнополитических факторов, усиленных внешним воздействием со стороны региональных и глобальных игроков. Эволюция движения демонстрирует устойчивую тенденцию к трансформации в ответ на меняющиеся условия внутренней и внешней среды, что обуславливает необходимость дальнейшего анализа динамики его развития в рамках политологического дискурса.

ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН» И ЕГО МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД

2.1. Концептуальная трансформация «Талибана» после терактов 11 сентября 2001 года

11 сентября 2001 года боевики «Аль-Каиды» совершили крупнейший террористический акт в мировой истории. В результате угона самолетов террористами-смертниками погибли почти 3000 человек, еще несколько тысяч получили ранения в Нью-Йорке, Вашингтоне, и в Шенксвилле (штат Пенсильвания). Реакция на нападения объединила все мировое сообщество целью привлечь бен Ладена и его террористическую сеть к ответственности. Погоня за бен Ладеном привела к сильному международному давлению на Афганистан, где талибы продолжали укрывать ответственного за нападения лидера «Аль-Каиды».

Избранный незадолго до этого президент Дж. Буш призвал муллу Омара передать бен Ладена США, чтобы тот предстал перед судом за совершенные против страны преступления. Омар отказался следовать требованиям американских властей; единственное, что он предложил – это экстрадировать бен Ладена в мусульманскую страну, где ему будут предъявлены обвинения в исламском суде¹⁷⁵. Буш отклонил предложение Омара и менее, чем через месяц, 7 октября 2001 года началась операция «Несокрушимая свобода» – вторжение на территорию Афганистана военного контингента США при значительном содействии союзников, в частности Великобритании, Канады, Франции, Германии и других стран. Несмотря на то, что мулла Омар признавал возможные последствия связей с «Аль-Каидой» после 11 сентября, он отказался выдать бен Ладена без конкретных доказательств того, что за нападениями стоял он. По мнению Омара США подобных доказательств не имели¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Margolis, Eric S. War at the Top of the World: The Struggle for Afghanistan and Asia. P. 76.

¹⁷⁶ Camp D. Boots on the Ground: The Fight to Liberate Afghanistan from Al-Qaeda and the Taliban, 2001–2002. Minneapolis: Zenith Press, 2011. P. 99.

Кроме того, американские власти выработали концепцию, согласно которой лица, не поддерживавшие усилия по привлечению бен Ладена к ответственности, считались врагами США. Поэтому неспособность Омара передать бен Ладена, отчасти из-за обычаев, прописанных в племенном кодексе «Пуштунвали», привела к тому, что США сосредоточили свою войну против террора не только на «Аль-Каиде», но и на «Талибанах»¹⁷⁷.

«Северный альянс», руководство которого в тот период углубляло связи с ЦРУ, стал участником операции США против «Аль-Каиды» и «Талибана». Подписанное президентом Бушем сразу после 11 сентября распоряжение позволило скрытно разместить на территории Афганистана сотрудников Центра специальных операций ЦРУ (Special Activities Division, SAD) спустя несколько дней после теракта. Военизированные формирования SAD начали действовать на территории Афганистана 26 сентября 2001 года. ЦРУ использовало боевой опыт «Северного альянса» для налаживания контактов с авторитетными вождями племен в северном Афганистане и для сбора информации с целью подготовки более крупного американского вторжения, которое произошло в октябре 2001 года.

Первоначально авиаудары США были сосредоточены на ликвидации стратегического штаба талибов и сокращении военных ресурсов боевиков. В книге «Ботинки на земле» (Boots on the Ground) Дик Кэмп описывает первые предпринятые США шаги следующим образом: «Бомбардировка была сосредоточена главным образом на «системе ПВО «Талибана», а также объектах, физически и символически связанных с муллой Омаром и Усамой бен Ладеном, равно как на тренировочных лагерях «Аль-Каиды». Сообщалось о забастовках в столице страны Кабуле (где было отключено электричество), в аэропорту, а также в Кандагаре (откуда родом верховный лидер талибов мулла Омар) и тренировочных лагерях в Джелалабаде»¹⁷⁸.

Усилиями ВС США и их союзников по коалиции ячейки талибов в основном подавлялись в сельской местности. Хотя боевики «Талибана» и «Аль-Каиды»

¹⁷⁷ Margolis, Eric S. War at the Top of the World: The Struggle for Afghanistan and Asia. P. 77.

¹⁷⁸ Camp D. Boots on the Ground: The Fight to Liberate Afghanistan from Al-Qaeda and the Taliban, 2001–2002. P. 99-101.

могли маневрировать на афганской территории лучше, чем любые другие силы, они не могли избежать точных авиаударов США, наносимых по аэродромам, тренировочным лагерям, высшему руководству талибов и другим важным целям по всему Афганистану¹⁷⁹.

К декабрю 2001 года возглавляемая США коалиция против «Талибана» и «Аль-Каиды» фактически свергла правительство талибов в Афганистане и подтолкнула их оставшиеся силы к укрытию в пещерах Тора-Бора вдоль пакистанской границы. Пещерные сети в горах Тора-Бора предоставили бен Ладену и мулле Омару тактическое преимущество в попытках скрыться от тяжелых столкновений. Специалисты ЦРУ, планировавшие боевые действия в Тора-Бора, заявили Дж. Бушу, что ни одна армия в мире не сможет полностью окружить горный хребет, чтобы предотвратить побег талибов и «Аль-Каиды»¹⁸⁰.

Через несколько месяцев американские военные чиновники признали, что для эффективного предотвращения побега бен Ладена и Омара потребовалось бы выделить еще несколько тысяч военнослужащих. Осознавая, что террористы были ослаблены и, по-видимому, загнанными в угол, ЦРУ обратилось к американскому военному командованию с просьбой направить больше войск и военно-воздушных сил для окончательного уничтожения оставшихся боевиков в Тора-Бора. Тем не менее, военные США отклонили запросы ЦРУ, опасаясь спровоцировать протесты со стороны афганского населения масштабными боевыми действиями, тем самым дав Омару и бен Ладену возможность бежать через границу в Пакистан¹⁸¹.

Таким образом, неудачные попытки талибов содействовать заключению соглашений и альянсов с международным сообществом и усиливающиеся антагонистические действия бен Ладена в Афганистане привели к возрастанию международного давления, достигшего беспрецедентного уровня после терактов, совершенных «Аль-Каидой» 11 сентября 2001 года. Вследствие отказа муллы

¹⁷⁹ Христофоров В.С. Военные кампании СССР и США в Афганистане: Сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с.

¹⁸⁰ Coll S. Directorate S: The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan. N. Y.: Penguin Press, 2018. P. 103.

¹⁸¹ Там же, с. 105.

Омара передать властям США бен Ладена режим талибов был фактически свергнут в ходе операции «Несокрушимая свобода». Однако уроки, извлеченные муллой Омаром и остальным руководством «Талибана» в этот период, повлияли на формирование новой стратегии и идеологии движения, поскольку впоследствии организация перегруппировалась и была готова вернуться в Афганистан.

После терактов 11 сентября 2001 года и военного вторжения в Афганистан в ходе операции «Несокрушимая свобода» подрывная деятельность талибов стала носить теневой характер. Мулла Омар исчез в горах Пакистана с ядром руководства «Талибана». Во время операции возглавляемая США коалиция потеряла только двенадцать военнослужащих, при этом освободив все территории, которые ранее находились под контролем талибов и заодно уничтожив силы, средства и каналы материально-технического снабжения, на создание которых движение «Талибан» потратило восемь лет¹⁸².

После поражения талибов военно-политическое руководство США сосредоточилось на создании прозападного афганского правительства и развитии инфраструктуры, которая бы обеспечила стабильность в стране. В 2003 году министр обороны США Дональд Рамсфелд объявил о прекращении масштабной военной операции в Афганистане. Фактически Д. Рамсфелд инициировал разработку плана вторжения в Ирак еще в ноябре 2001 года, пока продолжались боевые действия в пещерах Тора-Бора¹⁸³. Отступление «Талибана» в Пакистан позволило США начать переброску ресурсов и усилий с афганского направления на другие очаги террористической активности.

Военное поражение и утрата контроля над территорией Афганистана подорвали организационно-политическую структуру «Талибана», однако даже несмотря на изгнание его руководства, она не была ликвидирована полностью, что позволило Омару осуществить реорганизацию и постепенное восстановление движения.

¹⁸² Coll S. Directorate S: The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan. P. 110.

¹⁸³ Там же, с. 102.

Одновременно свержение режима талибов в Афганистане привело к необходимости создания нового руководящего органа в Кабуле. В декабре 2001 года под эгидой ООН, в ожидании восстановления постоянных правительственных учреждений, было подписано Боннское соглашение, также известное как Соглашение о временных договоренностях в Афганистане¹⁸⁴. Конференция по случаю его подписания состоялась в г. Бонн (Германия), ее целью было назначить временное правительство, усилиями которого в конечном итоге будет сформировано долгосрочное, демократически избранное правительство Афганистана. В соглашении говорилось об участии представителей многочисленных этнических групп, проживающих на территории Афганистана. Такая мера была принята с целью создать инклюзивное правительство, которое защитило бы Афганистан от начала новой гражданской войны.

В тот же период, в декабре 2001 года, по итогам Боннской конференции были учреждены Международные силы содействия безопасности (МССБ). Они действовали на основании мандата ООН и перешли под руководство НАТО 11 августа 2003 года. Их основными задачами являлись содействие укреплению афганского государства в сфере обеспечения безопасности, формирование национальных силовых структур и предотвращение использования территории Афганистана в качестве плацдарма для террористических организаций.

С 2011 года начался поэтапный процесс передачи ответственности Афганским национальным силам безопасности (АНСБ), завершившийся к концу 2014 года, когда миссия МССБ официально прекратила деятельность. С 1 января 2015 года ее сменила миссия НАТО «Решительная поддержка», сосредоточенная на обучении, консультировании, институциональном сопровождении афганских силовых структур и не предполагающая непосредственного участия в боевых действиях¹⁸⁵.

¹⁸⁴ Agreement on Provisional Arrangements in Afghanistan Pending the Re-establishment of Permanent Government Institutions (The Bonn Agreement) // United Nations. URL: <https://peacemaker.un.org/en/documents/agreement-provisional-arrangements-afghanistan-pending-re-establishment-permanent> (дата обращения: 28.11.2021).

¹⁸⁵ ISAF's mission in Afghanistan (2001-2014) // NATO. 2022. 30 May. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69366.htm (дата обращения: 28.11.2021).

На протяжении своего мандата МССБ внесли существенный вклад в поддержку операций АНСБ и в ограничении боевых возможностей вооруженной оппозиции. Эволюция миссии отражала постепенное смещение акцентов от прямого участия в боевых действиях к формированию более устойчивой структуры национальных сил безопасности.

Временное правительство под руководством Хамида Карзая (пуштун) назначалось на шестимесячный срок. Далее, в соответствии с процедурой, традиционный совет старейшин «Лоя джирга» подлежал созыву с целью формирования переходного правительства¹⁸⁶. На тот момент Х. Карзай уже не был новым лицом в политической жизни Афганистана: до ввода на территорию страны советских войск его отец был членом парламента, а сам Карзай в то время позиционировал себя политическим аналитиком. Когда «Талибан» впервые появился на политической арене Афганистана в середине 1990-х гг., Карзай поддержал деятельность движения и даже обеспечил ему материальную и финансовую помощь. Однако, по мере того как курс талибов начал принимать более жесткую и репрессивную форму, отец Карзая стал высказываться против их политики. В 1999 году боевики «Талибана» убили отца Х. Карзая из-за его негативных публичных высказываний в адрес политики движения. По мере того, как страна под руководством талибов продолжала погружаться в террор, Карзай стал потенциальным лидером движения сопротивления под руководством пуштунов¹⁸⁷. Известно, что в начале 2000-х гг. ЦРУ активно поддерживало отношения с Карзаем, и, к моменту подписания Боннского соглашения, будущий президент Афганистана уже был подготовлен сотрудниками американской разведки, чтобы возглавить процесс реконструкции Афганистана после изгнания из страны движения «Талибан».

Вернувшись в Афганистан после подписания соглашения, Х. Карзай начал активную внутривластную реконструкцию. Одно из его решений включало

¹⁸⁶ Johnson T. H. The Prospects for Post-Conflict Afghanistan: A Call of the Sirens to the Country's Troubled Past // Strategic Insights. 2006. Vol. 5. №2. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a485125.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).

¹⁸⁷ Coll S. Directorate S: The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan. P. 94-96.

распределение правительственных обязанностей по всей стране среди руководства регионов. Теоретически план Карзая был направлен на сведение к минимуму разногласий между этническими и племенными группами Афганистана путем расширения прав и возможностей местного руководства. Однако складывающаяся обстановка была очень похожа на ситуацию после вывода советских войск в конце 1980-х гг. По сути, полевые командиры, которые были вытеснены из власти талибами в 1990-х гг., вернулись в нее в качестве местных губернаторов и начальников полиции. В регионах начали процветать коррупция и недовольство среди населения, что в свою очередь обеспечило благоприятную почву для постепенного возвращения талибов в южный и восточный Афганистан, начиная с 2004 года.

Попытки придания легитимности региональному руководству при администрации Карзая фактически способствовали возрождению практик постсоветского периода беззакония в сельских районах Афганистана, что в 1990-е гг. стало одной из ключевых предпосылок прихода талибов к власти. Коррупцированные лидеры распределяли ключевые должности в региональных администрациях среди своих соратников, что существенно подорвало институциональную эффективность и правовую состоятельность нового афганского правительства.

Правительство Карзая приступило к восстановлению городской инфраструктуры, сильно поврежденной за время правления талибов, которые проводили курс на отказ от современных технологий¹⁸⁸. Тем не менее, системная коррупция новой администрации ограничивала развитие и создавала в Афганистане политическую обстановку, благоприятную для возвращения «Талибана». Усилия США после изгнания талибов из страны были направлены на оказание помощи Карзаю в ее восстановлении, в то время как талибы тайно возвращались через границу.

Несмотря на многочисленные боевые потери, в 2002 году талибы продолжили разрабатывать стратегию свержения нового афганского

¹⁸⁸ Coll S. Directorate S: The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan. P. 115.

правительства. Большинство источников говорит о том, что участники первоначального состава организации неохотно воспринимали перспективу новой войны. Некоторые боевики бежали через границу во время операции «Несокрушимая свобода», а другие скрылись, реинтегрировавшись в афганское общество, в результате чего талибы были вынуждены вербовать в свои ряды новобранцев, сформировав то, что исследователь Антонио Джустоцци назвал «неоталибаном»¹⁸⁹.

Руководство движения развернуло вербовку добровольцев в лагерях беженцев, мечетях и пуштунских деревнях Афганистана, а также в медресе на пакистанской Федерально Управляемой Территории Племен (ФУТП)¹⁹⁰. Когда «Талибан» собрал достаточное количество боевиков, его руководство постепенно развернуло комплекс мероприятий по восстановлению влияния среди афганского населения. В книге «Дирекция S: ЦРУ и секретные войны Америки в Афганистане и Пакистане» Стив Колл описывает возвращение талибов в Афганистан следующим образом: «Первые «Шабнама» (شېبنامه) талибов, или «ночные письма» – как правило, рукописные угрозы смерти, отправленные в мечети или подложенные под двери – начали появляться к востоку от Кандагара в конце 2002 года, недалеко от пакистанской границы. В них фигурировали ссылки на историю афганского сопротивления иностранным захватчикам, а также на великих героев прошлого и положения исламского богословия. Они угрожали смертью любому, кто сотрудничал с США или правительством в Кабуле. Талибы прикрепляли их к стенам мечетей или дверям частных домов или требовали, чтобы местные авторитетные личности зачитывали их вслух»¹⁹¹.

Выбор талибами данной тактики являлся обдуманном решением, которое соответствовало историческим и племенным традициям афганского народа, особенно в сельских районах, откуда происходила большая часть членов движения. Согласно американскому исследователю Томасу Х. Джонсону, письма «шабнама» были наиболее эффективным средством взаимодействия с неграмотным

¹⁸⁹ Giustozzi A. Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. P. 37

¹⁹⁰ Там же, с. 37-38

¹⁹¹ Coll S. Directorate S: The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan. P. 144.

населением сельских общин, которое владело только устной коммуникацией. Кроме того, рассказы об афганских героях и отсыл к «антисоветскому джихаду» позволяли успешно формировать антиамериканские настроения в афганском обществе¹⁹². Понимание талибами афганского народа и его культуры, о чем свидетельствует издание ночных писем, объясняет скорое возвращение движения в Афганистан и отчасти его успех в борьбе против правительства, не учитывавшего культурные аспекты жизни афганского общества. Тем не менее, потерпев катастрофические потери в борьбе против ВС США в 2001 году, руководство движения «Талибан» осознало необходимость использования партизанской тактики для противодействия их боевой мощи.

Несмотря на то, что талибы нашли новые способы расположить к себе сельское население Афганистана, им не хватало ресурсов, необходимых для эффективного противодействия войскам США в вооруженных столкновениях. В отличие от единства, царившего в рядах движения в середине 1990-х гг., «неоталибан» представлял собой конгломерат децентрализованных формирований. Для них было характерно неизбирательное применение насилия, которое использовалось как инструмент сплочения¹⁹³. В совокупности с их малочисленностью, данные факторы снижали боевую эффективность движения, когда его члены пытались восстановить контроль на юге Афганистана.

Стремясь повысить результативность, талибы создали в сельской местности Афганистана обширные разведсети и, используя правовой вакуум, созданный политикой Карзая, стали применять против местных племен отработанные еще в борьбе с моджахедами методы вербовки и установления влияния. Джустоцци объясняет важность разведывательных сетей «Талибана» следующим образом: «Будучи неспособными убедить большинство бывших членов движения вновь мобилизоваться для ведения войны, талибы смогли получить от них ценную

¹⁹²Johnson T. H. Taliban Narratives: The Use and Power of Stories in the Afghanistan Conflict. N. Y.: Oxford University Press, 2017. P. 53-57.

¹⁹³ Giustozzi A. The Taliban's Adaptation 2002–2011: A Case of Evolution? // Cliodynamics. 2012. Vol. 3. №1. P. 109.

информацию о политической ситуации, разногласиях между противниками и недовольстве среди населения, которые они намеревались использовать».¹⁹⁴

Разведывательные сети, созданные на раннем этапе возрождения «Талибана», заложили основу для его действий в последующем десятилетии афганского конфликта. Ключевым фактором этой трансформации стала способность движения адаптировать тактику, компенсируя нехватку вооружений за счет своих сильных сторон. Это отражало постепенную эволюцию «Талибана» из разрозненной вооруженной группы в более организованную силу со стройной стратегией.

Получив контроль над Кабулом в 1996 году, мулла Омар осознавал важность организационной структуры в управлении движением «Талибан». В 2003 году лидер движения создал совет доверенных лиц с целью контроля над растущим вооружением талибов. Совет Омара назначил руководителей по вопросам, касающимся финансов, военных операций, управления, религии и других важных направлений, но при этом предоставил основным силам относительную независимость¹⁹⁵. Новая организация позволила Омару контролировать перемещение боевиков, но также дала ему возможность сосредоточить большую часть внимания на более амбициозных целях.

Вначале созданная Омаром организационная структура не имела преемственности, поскольку ВС США ликвидировали или захватывали высокопоставленных боевиков, руководивших подразделениями талибов. Однако к середине 2000-х гг. структура движения эволюционировала в иерархию местных, региональных и исполнительных руководителей. Таким образом, если боевик «Талибана» был ликвидирован, его должность мог оперативно занять руководитель более низкого уровня.

Мулла Омар и созданный им совет доверенных лиц в течение нескольких лет собирали данные о ВС США, изучая их боевые доктрины, разрабатывая тактику летального воздействия и развивая материально-технические сети боевиков.

¹⁹⁴ Там же. P. 110.

¹⁹⁵ Giustozzi A. Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. P.89-90.

Результат их усилий стал очевиден, когда в 2005 «Талибан» нанес серию разрушительных ударов по силам международной коалиции в Афганистане.

Период с 2005 по 2009 год демонстрирует адаптацию талибов к новым боевым условиям. Подытоживая уроки первого десятилетия повстанческой деятельности движения, в частности, его разгромного поражения силами операции «Несокрушимая свобода», мулла Омар изменил идеологию движения с целью возвращения в Афганистан в качестве организации, ведущей более эффективную подрывную деятельность.

Одними из самых разрушительных методов на вооружении «Талибана» стали разработка недорогих технологий производства самодельных взрывных устройств (СВУ) и использование террористов-смертников. На момент 2005 года использование подобной тактики в Афганистане было редкостью, однако талибы нуждались в новых мерах противодействию ВС США. На использование подобных инструментов террористическими ячейками пришлось почти половина жертв среди американских ВС в Ираке в начале и середине 2000-х гг.¹⁹⁶. Признавая стратегическое преимущество подобных устройств, талибы также приняли их на вооружение. Впоследствии использование боевиками СВУ привело к уничтожению американской бронетехники на миллионы долларов и гибели сотен военнослужащих США. Несмотря на этические вопросы, поднятые в кругах руководства движения, результативность применения СВУ и самоподрыва смертников в террористической деятельности «Талибана» было невозможно отрицать. Как следствие, в 2006 году произошло увеличение использования подобных тактик на 500%¹⁹⁷.

Несмотря на применение «Талибаном» новой, а подчас и инновационной тактики, во многих регионах боевики продолжали использовать проверенные методы ведения войны. Однако эти подходы легко нейтрализовались силами

¹⁹⁶ Improvised Explosive Devices (IEDs) in Iraq and Afghanistan: Effects and Countermeasures, CRS Report № RS22330 (Washington, DC: Congressional Research Service, 2006). URL: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/RS22330.pdf>. (дата обращения: 27.11.2021).

¹⁹⁷ Johnson T. H. Taliban Adaptations and Innovations // Small Wars & Insurgencies. 2013. Vol. 24. №1. P. 12.

международной коалиции, имевшими значительное преимущество в численности и оснащении, что регулярно оборачивалось для талибов тяжелыми потерями¹⁹⁸.

Хотя талибы уступали по численности противнику, боевики движения имели лучшее представление об афганском ландшафте и находили новые способы эффективного использования своих знаний в борьбе с противником в лице сил афганского правительства и международной коалиции. Талибы начали быстро перемещаться по горным территориям страны, планируя нападения и засады на местности, которую они могли контролировать. В то же время наступление американских войск отличалось низкой динамикой и затруднялось необходимостью применения тяжелых вооружений. Такие факторы как плохое качество дорог, а также наличие на них СВУ, замедляли успешное продвижение иностранного военного контингента. Медленный прогресс противника позволил отрядам талибов захватывать переправы, отступать и быстро перемещать боевиков в следующую локацию для подготовки к дальнейшим нападениям. ВС США массово пострадали в Афганистане из-за новой тактики талибов и в ответ военным руководством было принято решение усилить патрулирование с целью выявить максимальное количество ячеек боевиков.

Кроме того, американские военные стратеги вернулись к практике нанесения авиаударов по территории Афганистана в надежде ликвидировать силы талибов с воздуха, одновременно уменьшив число американских военнослужащих, подвергающихся риску на местах. Однако вместо уничтожения сил и руководства талибов, авиаудары коалиции привели к сопутствующей массовой гибели афганских мирных жителей. Только в 2006 году подобные действия стали причиной гибели более 100 мирных афганцев. В 2007 году это число утроилось, достигнув более 300 жертв¹⁹⁹. Последствия потерь среди мирного населения в результате авиаударов коалиции были значительными. Международные

¹⁹⁸ Farrell T. Unbeatable: Social Resources, Military Adaptation and the Afghan Taliban // Texas National Security Review. 2018. Vol. 1. №3. P. 63.

¹⁹⁹ Garlasco M. «Troops in Contact» Airstrikes and Civilian Deaths in Afghanistan. N. Y.: Human Rights Watch, 2008. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/afghanistan0908webwcover_0.pdf (дата обращения: 27.11.2021). Организация Human Rights Watch (HRW) признана нежелательной в РФ, решение принято Минюстом РФ по представлению Генпрокуратуры 28.11.2025.

организации все больше критиковали военную политику США, правительство Афганистана начало выступать против усилий Вашингтона по борьбе с терроризмом на его территории, а местные жители все больше возмущались присутствием военнослужащих международной коалиции в Афганистане.

В 2009 году американское военное руководство фактически разделило критику международного сообщества, признав неэффективность собственной стратегии противодействия терроризму, основанной на вьетнамских доктринальных моделях. В ответ была предпринята попытка выработки новой концепции, призванной ослабить влияние талибов и создать предпосылки для урегулирования конфликта в Афганистане²⁰⁰.

В январе 2009 года Барак Обама, вступив в должность президента США, инициировал разработку новой стратегии ведения войны в Афганистане, при этом заявив о намерении завершить конфликт в ходе своего президентского срока. Политика, сформулированная Белым домом, предусматривала увеличение численности американского военного контингента на 30 тысяч военнослужащих. Задуманная стратегия заключалась в краткосрочном наращивании военного присутствия с целью ослабления позиций талибов и последующего постепенного вывода войск, за исключением миротворческих подразделений и советников при афганском правительстве²⁰¹.

Наряду с наращиванием военного присутствия в Афганистане США предприняли меры по систематизации боевого опыта. Результатом этой работы стало внедрение в 2006 году Полевого устава 3-24 (FM 3-24), подготовленного совместно Армией и Корпусом морской пехоты США. Данный документ был призван восполнить пробел в американской военной доктрине, связанный с отсутствием комплексного подхода к противодействию вооруженным повстанческим формированиями²⁰². На протяжении первых восьми лет военной

²⁰⁰ Gant J. One Tribe at a Time: The Paper that Changed the War in Afghanistan. N. Y.: Black Irish Books, 2014. P. 36.

²⁰¹ Baker P. How Obama Came to Plan for 'Surge' in Afghanistan // The New York Times. 2009. 5 December. URL: <https://www.nytimes.com/2009/12/06/world/asia/06reconstruct.html> (дата обращения: 27.11.2021).

²⁰² Counterinsurgency. FM 3-24. Washington, DC: Department of the Army, 2006. URL: https://permanent.access.gpo.gov/lps79762/FM_3-24.pdf (дата обращения: 27.11.2021).

операции в Афганистане американские силы действовали в условиях дефицита нормативной базы, учитывающей специфику афганского ландшафта, культурно-религиозных традиций и психологии местного населения. Этот вакуум в доктринальном обеспечении объективно способствовал усилению позиций талибов, которые использовали его в собственных интересах.

В FM 3-24 были проанализированы неудачи политики США в Афганистане, а также сформулирован план дальнейших действий на основе опыта исследователей афганского конфликта. Тем не менее, изложенные в полевом уставе указания противоречили традиционным нормам, так как возлагали новые обязанности на военнослужащих низкого ранга и были сосредоточены на социокультурном аспекте, изучение которого не велось в пунктах подготовки. Критика нового полевого устава сводилась к тому, что в нем сокращались социальные и культурные концепции в попытке упростить теорию, но, в свою очередь, слишком обобщались важные идеи²⁰³. Кроме того, в FM 3-24 акцентировалось внимание на том, что достижение устойчивого успеха в противостоянии «Талибану» неизбежно требует значительных финансовых и временных затрат, что вступало в противоречие с нарастающим снижением общественной поддержки военной операции и беспрецедентным ростом расходов оборонного бюджета США.

Из вышеизложенного следует вывод, что в период с 2004 по 2009 год движение «Талибан» продемонстрировало умение полностью приспосабливаться к боевой обстановке, и в этом ему помогла тактика, из-за которой войска США и международной коалиции бросали колоссальные усилия на противодействие СВУ, террористами-смертниками, а также на борьбу с засадами и быстрым маневрированием террористов в небольших группах. Существенным препятствием для достижения США прогресса в Афганистане стало также сокращение уровня поддержки как со стороны международного сообщества, так и со стороны афганского правительства. Анализ просчетов начала 2000-х гг. позволил мулле

²⁰³ Porch D. Counterinsurgency: Exposing the Myths of the New Way of War. N. Y.: Cambridge University Press, 2013. P. 38.

Омару и руководству «Талибана» системно переработать организационную и тактическую структуру движения, а также методы вербовки и мобилизации ресурсов. Эти изменения демонстрируют высокую степень стратегической гибкости, позволившую движению эффективно противостоять технологически и организационно превосходящим силам США и их союзников.

В этот период «Талибан» также сталкивался с рядом внутренних и внешних вызовов, включая обострение конфликтов между полевыми командирами, растущее общественное осуждение репрессивных мер, основанных на фундаменталистской идеологии, а также захваты и ликвидации членов движения²⁰⁴. Эти трудности привели к волнительным настроениям в рядах группировки, особенно среди высокопоставленных членов ее руководства. Тем не менее, это не помешало талибам продолжить джихад против США. Поскольку американское руководство усилило комплекс мер по поддержке правительственной инфраструктуры и политической стабильности в Афганистане, а также начало воплощать изложенные в FM 3-24 рекомендации, талибы начали с новой силой вести подрывную деятельность против сил международной коалиции на афганской территории.

Политическую обстановку в Афганистане 2010 года можно охарактеризовать как сильно фрагментированную и пронизанную коррупцией, и это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что с 1992 года в стране практически ничего не изменилось. После назначения на должность временного президента Афганистана в рамках Боннского соглашения, Х. Карзай был избран постоянным главой Афганистана в 2004 году. Приняв полномочия, Карзай немедленно приступил к работе по укреплению экономической и политической инфраструктуры в Афганистане при помощи США и международного сообщества. Финансовая помощь начала поступать в Афганистан для поддержки проектов в сфере развития, целью которых было вывести Афганистан в XXI век и нейтрализовать влияние талибов. Однако нерезультативное использование финансов наряду с

²⁰⁴ Giustozzi A. Decoding the New Taliban: Insights from the Afghan Field. N. Y.: Columbia University Press, 2009. P. 114-116.

неэффективностью афганских правительственных министерств, а также сохраняющаяся угроза насилия препятствовали значительному прогрессу в этой области.

В то время как правительство Афганистана пыталось модернизировать и либерализовать свои подходы к осуществлению внутренней политики, талибы, в свою очередь, намеревались перестроить структуру и идеологию движения. Организационные изменения, начавшиеся в его руководстве в 2008 году, привели к переходу «Талибана» от патримониальной структуры к централизованной²⁰⁵. Это существенное изменение проложило путь к более единообразному и эффективному политическому разделению «Талибана». Кроме того, талибы начали внедрять новые концепции в сфере управления, технологий и социальной инфраструктуры, что в итоге позволило им подорвать прогресс, достигнутый центральным правительством в Кабуле.

Сравнивая данную тенденцию с тем, что «Талибан» мог продемонстрировать в 1994 году, можно с уверенностью сказать, что в период с 2010 по 2019 год наблюдался пик идеологической и политической изобретательности движения.

В 2010 году «Талибан» выпустил кодекс, именуемый «Лайеха» (لايحه), в котором изложены методы ведения подрывной деятельности, разрешенные боевикам движения в Афганистане²⁰⁶. Лайеха 2010 года – не первый кодекс, изданный руководством «Талибана». Предыдущие издания кодекса были выпущены в 2006 и 2009 годах. Однако издание 2010 года было гораздо более обширным и подробным, чем предыдущие версии. Обновленный кодекс призывал к разработке новой идеологии талибов и знаменовал собой изменение приоритетов руководства движения.

²⁰⁵ Giustozzi A. Military Adaptation by the Taliban, 2002-2011 // Military Adaptation in Afghanistan. Stanford, CA: Stanford University Press, 2013. P. 259-260.

²⁰⁶ Clark K. The Layeha. Calling the Taleban to Account. Appendix 2.A The 2010 Version of the Taleban Code of Conduct in Pashto. Afghanistan Analysts Network, AAN Thematic Report 6/2011. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/downloads/2012/10/LayehaPasIII.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

Основные пункты «Лайехи» 2010 года включают развитие сетевых коммуникаций, рост поддержки общества и призыв к дезертирству государственных служащих²⁰⁷. Кроме того, кодекс запрещает такие действия, как похищение людей и вымогательство, которые ранее были обычным явлением в практике боевиков. Отныне талибы считали, что такие действия наносят ущерб их репутации. Отказ от неизбирательного насилия и коррупции также явился серьезным сдвигом, который помог изменить подходы талибов и придать их движению своего рода легитимность.

Стратегия, к которой прибег «Талибан», была необходима для дальнейшего усиления его позиций в Афганистане. Более того, «Лайеха» 2010 года представляет собой серьезный сдвиг организации в сторону ее трансформации в структурированное правительство, оснащенное ресурсами и программами, необходимыми для поддержки населения. Назначение руководителей с опытом государственной службы и упор на эффективные политические процессы продемонстрировали стремление талибов подорвать политические структуры центрального правительства в Афганистане²⁰⁸.

В отличие от «Талибана», демонстрировавшего способность к эволюции собственной организационной структуры, США в ходе военной операции в Афганистане сталкивались с нарастающими трудностями, поскольку военное вмешательство все более негативно отражалось на американо-афганских отношениях. По мере того, как в Афганистан прибывало больше военного контингента, США надеялись активизировать усилия по обеспечению безопасности, восстановить стабильность и мир в городах по всей стране. Руководствуясь полевым уставом FM 3-24, участники операции «Несокрушимая свобода» пытались наладить отношения с сельскими жителями с целью уменьшить влияние «Талибана». Вопреки тому, что в FM 3-24 уделялось особое внимание этнокультурным особенностям афганского населения, силы США в Афганистане

²⁰⁷ Johnson T. H., DuPee M. C. Analysing the New Taliban Code of Conduct (Layeha): An Assessment of Changing Perspectives and Strategies of the Afghan Taliban // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. №1. P. 81.

²⁰⁸ Там же, с. 192.

столкнулись с серьезной критикой после трех инцидентов, приключившихся в период с 2011 по 2012 год.

Летом 2011 года, когда талибы обсуждали возможность переговоров с правительствами США и Афганистана, в сети появилось видео, на котором четверо американских морских пехотинцев оскверняют трупы нескольких боевиков «Талибана». Видеозапись попала на глаза многим афганцам, президент Карзай призвал к суровому наказанию морских пехотинцев. Движение «Талибан», в свою очередь, выступило с заявлением, в котором назвал эти действия «противоречащими всем человеческим и этическим нормам». Распространение видео привело к резкому росту антиамериканских настроений среди гражданского населения²⁰⁹.

В феврале 2012 года на авиабазе Баграм американские военнослужащие сожгли экземпляры Корана, которые, как они полагали, заключенные использовали для передачи сообщений. Поскольку Коран является священной книгой мусульман, этот инцидент спровоцировал широкий протестный резонанс в исламском мире, наиболее остро проявившийся в Афганистане. Когда новости о сожжении появились в прессе, по всей стране вспыхнули беспорядки, в результате которых около тридцати человек погибли и десятки получили ранения²¹⁰.

В марте 2012 года штаб-сержант армии США Роберт Бейлс самовольно покинул территорию американской военной базы недалеко от уезда Панджваи (провинция Кандагар) и совершил нападение на несколько жилых домов, в результате которого погибли шестнадцать мирных жителей, включая девятерых детей, а их тела были подвергнуты сожжению. Данный инцидент, получивший название «Панджвайская резня», оказал крайне негативное влияние на американо-афганские отношения, усугубив кризис доверия между сторонами.

²⁰⁹ Video Inflames a Delicate Moment for U.S. in Afghanistan // The New York Times. 2012. 12 January. URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/13/world/asia/video-said-to-show-marines-urinating-on-taliban-corpses.html> (дата обращения: 29.11.2021).

²¹⁰ Six Dead in Afghanistan Koran Burning Protests // BBC News. 2012. 22 February. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-17123464> (дата обращения: 29.11.2021). Примеч.: материал размещен на сайте организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Каждое из этих событий получило большое освещение в средствах массовой информации в Афганистане и во всем мире. Афганцы утратили доверие к американскому присутствию на территории своей страны, граждане начали устраивать беспорядки у американских военных баз, призывая положить конец вмешательству США в жизнь Афганистана.

При этом «Талибан», руководствуясь новым кодексом, смог обернуть ошибки американских военнослужащих в свою пользу: члены движения продолжали вести информационную борьбу и выстраивали пропаганду таким образом, что в глазах афганского населения формировался образ США как государства, яростно выступавшего против ислама.

В период, когда власти США предпринимали усилия по восстановлению доверия афганского населения после кризисных событий 2011–2012 гг., «Талибан» целенаправленно усиливал антиамериканскую риторику и предпринимал шаги по укреплению собственной легитимности. Реализуя цели, обозначенные в «Лайехе» 2010 года, движение стало развивать социальные инициативы, охватывавшие сферы образования, здравоохранения и обеспечения исламского правосудия. Эти меры носили инструментальный характер и являлись средством расширения политической базы и консолидации поддержки на подконтрольных территориях, что продемонстрировало особую результативность на фоне ослабления позиций США в регионе²¹¹.

Для политики «Талибана» конца 1990-х – начала 2000-х гг. были характерны жестокое насилие, отказ от современных технологий, упразднение светских образовательных учреждений и низкое качество здравоохранения. Однако теперь, поскольку прозападное правительство Афганистана получало помощь и содействие в обеспечении программ социальной поддержки афганцев, прежняя политика «Талибана» оказалась недостаточной для поддержания его долгосрочных целей. В ответ руководство движения предприняло попытки сформировать институциональную структуру, способную восстановить доверие местного

²¹¹ Jackson A. Life Under the Taliban Shadow Government. Kabul: Overseas Development Institute, 2018. P. 6. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12269.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

населения и уровень поддержки, достигнутый движением в середине 1990-х годов. Данный курс свидетельствовал о его стремлении стать альтернативным политико-идеологическим центром, претендующим на роль легитимного носителя власти.

Прежние положения, предписывавшие нападения на учителей, школы и неправительственные организации, были заменены нормами, ориентированными на соблюдение Исламским Эмиратом гуманной политики, в том числе в сфере образования. Одновременно трансформировалось и отношение движения к гуманитарным структурам: обращения от лица муллы Омара и иные директивы руководства предписывали боевикам допускать проведение вакцинации и призывали родителей прививать детей. К 2011 году руководство «Талибана» заключило соглашения как минимум с 26 гуманитарными организациями и сформировало централизованную политику ведения переговоров с неправительственными структурами. Эти изменения отражали корректировку стратегии движения, обусловленную необходимостью адаптации к новой социально-политической среде²¹².

Принципиальные изменения в политике «Талибана» свидетельствуют о значительном сдвиге в эволюции движения и демонстрируют его способность адаптироваться к меняющимся социально-политическим условиям. В отличие от «Талибана» конца 1990-х гг., который стремился заручиться поддержкой населения без участия международных организаций, к 2010–2011 гг. движение активно взаимодействовало с крупными гуманитарными структурами для обеспечения доступа к образованию и здравоохранению на подконтрольных территориях. На центральном уровне управление осуществлялось через комиссии по финансам, здравоохранению и образованию, а также через трехуровневую судебную систему, подчиненную главному руководящему совету. Советы на уровне округов и провинций действовали в строгом соответствии с директивами центрального руководства, в то время как районные советы обладали полномочиями назначать местных должностных лиц, контролировать работу

²¹² Там же, с. 8.

образовательных и медицинских учреждений, а также осуществлять сбор налогов²¹³.

Эффективность новой административной и социальной политики «Талибана» была наиболее заметна в сельских регионах Афганистана, где центральное правительство не всегда обеспечивало своевременное разрешение судебных и административных вопросов. Исследователи отмечают, что судебная система движения функционировала как «параллельная правовая система», воспринимаемая местными сообществами как законная, оперативная, справедливая и независимая от коррупции, что резко контрастировало с функционированием государственных органов в Кабуле²¹⁴. Например, обращение сельского жителя по земельному вопросу могло ожидать решения в Кабуле в течение нескольких месяцев или даже лет, тогда как «Талибан» обеспечивал быстрые судебные решения, позволяющие гражданам незамедлительно вернуться к хозяйственной деятельности и обходиться без бюрократических задержек, характерных для правительственных институтов периода администрации Карзая.

Движение «Талибан» после смерти муллы Омара. Летом 2015 года движение «Талибан» объявило о смерти своего верховного лидера муллы Омара, которая фактически произошла в 2013 году, за два года до официального оглашения кончины. Этот промежуток времени породил неопределенность в вопросах преемственности руководства и стратегического курса движения, что отразилось на замедлении прогресса в реализации его целей²¹⁵. Одновременно в рядах талибов стала наблюдаться фрагментация: отдельные ячейки боевиков полностью откололись от центрального руководства, а в ряде регионов члены движения действовали независимо от директив нового руководства, преследуя локальные интересы²¹⁶.

²¹³ Там же, с. 12.

²¹⁴ Johnson T. H., DuPee M. C. Analysing the New Taliban Code of Conduct (Layeha): An Assessment of Changing Perspectives and Strategies of the Afghan Taliban // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. №1. P. 84.

²¹⁵ Felbab-Brown V. Blood and Faith in Afghanistan. — Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Felbab-Brown-Paper-BLOOD-AND-FAITH-IN-AFGHANISTAN-May-2016.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

²¹⁶ Giustozzi A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. P. 17.

Объявление о смерти Омара совпало с принятием решения силами США и международной коалиции о постепенном сокращении военного присутствия в Афганистане. В последующие годы «Талибан» переживал период относительного ослабления внутреннего конфликта, характеризовавшийся перестановками и перераспределением ролей в структуре движения. После смерти муллы Омара вопросы преемственности в руководстве «Талибана» стали ключевым фактором внутренней динамики движения. В этом контексте Якуб, сын Омара, в своем первом публичном заявлении призвал к единству талибов и опроверг слухи о внутренних разногласиях, что свидетельствовало о важности символического наследия харизматического лидера для поддержания легитимности организации.

Несмотря на неудачу в первоначальной попытке стать верховным лидером «Талибана» в 2015 году, Якуб постепенно наращивал влияние, заняв в 2016 году должность заместителя лидера движения и став главой военной комиссии в 15 из 34 провинциях Афганистана. Авторитет Якуба частично объясняется сочетанием семейного наследия и религиозной подготовки в консервативных медресе Карачи, что усиливало его позиции среди полевых командиров.

Преемственность руководства также осложнялась действиями муллы Ахтара Мансура, обвиненного в сокрытии смерти Омара и принятии руководства без консенсуса внутри движения. Попытки Мансура примирить фракции частично провалились: отдельные командиры дистанцировались от центрального руководства, ставя под сомнение его авторитет. Убийство Мансура в результате удара американского беспилотника в 2016 году и последующее назначение муллы Хайбатуллы Ахундзаде лидером движения вновь продемонстрировали уязвимость централизованного руководства и значимость фракционных взаимоотношений для поддержания координации и контроля внутри организации. В совокупности эти события иллюстрируют, что легитимность и управляемость «Талибана» во многом зависят не только от формальных институтов, но и от символической и харизматической роли его лидеров, а также от способности сохранять единство полевых командиров в условиях внутренней фрагментации и внешнего давления.

После тринадцати лет президентства Хамида Карзая пост главы Афганистана занял Ашраф Гани, одержавший победу на демократических выборах 2014 года. Президентские выборы привлекли пристальное внимание международного сообщества из-за множественных обвинений в коррупции и мошенничестве²¹⁷. После нескольких месяцев разногласий и урегулирования конфликта при помощи внешней поддержки США, Гани и занявший второе место кандидат Абдулла Абдулла согласились на разделение власти, учредив «правительство национального единства». Гани получил титул президента, Абдулла, в свою очередь, был назначен «исполнительным директором» (фактически должность премьер-министра). Во втором туре выборов почти один миллион голосов были признаны недействительными и исключены из рассмотрения²¹⁸.

В период президентства Ашрафа Гани правительство Афганистана свидетельствовало заметное ослабление институтов государственной власти. Несмотря на провозглашение администрации «Правительством национального единства», страна демонстрировала тенденцию к дальнейшей фрагментации, а население выражало растущее недовольство состоянием безопасности, отсутствием устойчивого мира, стагнацией экономики и беспрецедентным уровнем коррупции, которая продолжала препятствовать эффективному внутриполитическому развитию²¹⁹.

На ранних этапах своего президентства Гани предпринимал попытки установить перемирие с «Талибаном» через переговоры с руководством движения. Однако достигнутые соглашения о прекращении огня оказывались неэффективными: талибы использовали паузы для реорганизации и переоснащения боевых формирований, что позволяло им сохранять инициативу на поле боя. Параллельно боевики использовали слабость центрального правительства для

²¹⁷ Johnson T. H. The Illusion of Afghanistan's Electoral Representative Democracy: The Cases of Afghan Presidential and National Legislative Election // *Small Wars & Insurgencies*. 2018. Vol. 29. №1. P. 2.

²¹⁸ Commission Releases Disputed 2014 Afghan Election Results // *Reuters*. 2016. 24 February. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-election/commission-releases-disputed-2014-afghan-election-results-idUSKCN0VX1O8> (дата обращения: 02.12.2021).

²¹⁹ Forugh T. Afghanistan's Uprising for Change: Time to Shatter Ghani's Delusion // *The Diplomat*. 2017. 27 June. URL: <https://thediplomat.com/2017/06/afghanistans-uprising-for-change-time-to-shatter-ghanis-delusion/> (дата обращения: 02.12.2021).

расширения и укрепления своей теневой структуры, что способствовало усилению влияния и легитимности «Талибана» на подконтрольных территориях²²⁰. В отчете Института Брукинга приводятся цитаты из интервью с афганцами, из которых делается вывод о том, что «современное и, предположительно, трансформирующееся афганское поколение будет готово согласиться на ту или иную форму правления «Талибана», хотя и с ограничениями власти движения, в надежде, что она будет менее коррумпированной, чем власть афганских политиков после 2001 года»²²¹. Эти обстоятельства демонстрируют не только успех «Талибана» в подрыве авторитета правительства национального единства, но и постепенное укрепление его собственной политико-социальной легитимности среди афганского населения, с фактическим формированием альтернативного центра власти в Афганистане.

В ноябре 2016 года президентом США был избран Дональд Трамп, который не поддерживал продолжение участия США в боевых действиях в Афганистане. В его предвыборной риторике делался упор на скорый вывод контингента с территории страны.

Однако несмотря на предвыборные обещания, после вступления в должность Д. Трампа политика его администрации претерпела значительные изменения. В августе 2017 года была представлена новая стратегия по Афганистану, предусматривавшая наращивание численности американских военнослужащих на территории страны. Стратегия повторяла элементы политики постепенного увеличения контингента, характерной для администрации Б. Обамы, и была направлена на ограничение активности экстремистских сил, обеспечение стабильности и усиление возможностей афганских сил безопасности. Сразу после этого, в сентябре 2017 года, ВВС США нанесли более 700 авиаударов по

²²⁰ Felbab-Brown V. Blood and Faith in Afghanistan. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Felbab-Brown-Paper-BLOOD-AND-FAITH-IN-AFGHANISTAN-May-2016.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

²²¹ Там же.

территории Афганистана – рекордное число с 2010 года²²². Однако, как показал предыдущий опыт, интенсивное применение авиации сопровождалось увеличением числа жертв среди гражданского населения, что ограничивало эффективность военно-политической стратегии и негативным образом влияло на восприятие США среди афганского населения.

В июле 2018 года администрация Трампа изменила подход к афганскому вопросу, заявив о намерении вести прямые переговоры с «Талибаном». Данный шаг существенно повышал политическую легитимность движения в Афганистане, формируя основу для потенциального мирного соглашения. Первоначальные планы предусматривали достижение соглашения к апрелю 2019 года, до президентских выборов в Афганистане, запланированных на сентябрь того же года, что подчеркивало попытки США учитывать внутривнутриполитические процессы Афганистана при планировании дипломатических инициатив.

Под руководством специального посланника по вопросам примирения в Афганистане Залмая Халилзада США и руководство «Талибана» в течение 2018 и 2019 годов провели серию встреч с целью обсуждения будущего Афганистана. Руководство талибов заявляло, что полный вывод военного контингента США и сил международной коалиции с территории страны должен произойти до начала политических переговоров. Чтобы США сочли мирные переговоры успешными, талибы, в свою очередь, должны были предоставить гарантии сдерживания террористической активности – иными словами, согласиться предотвратить рост численности региональных и международных террористических группировок в Афганистане и не позволять им вести с территории страны деятельность, ставящую под угрозу национальную безопасность США и их союзников.

Лидеры США и «Талибана» провели серию официальных встреч в 2018-2019 гг., однако на переговорах не присутствовали представители прозападного

²²² Moore J. Trump's Afghanistan Troop Surge is Complete, Raising Total Number of U.S. Servicemen to 14,000 // Newsweek. 2017. 17 November. URL: <https://www.newsweek.com/trumps-afghanistan-troop-surge-complete-raising-total-number-us-servicemen-714588> (дата обращения: 02.12.2021).

правительства Афганистана. Талибы отказались проводить встречи с делегациями администрации Гани, поскольку считали его президентство незаконным²²³.

Таким образом, в период с 2010 по 2019 год движение «Талибан» претерпело фундаментальную трансформацию, эволюционировав из военизированной экстремистской организации в политическую силу, способную конкурировать с центральным правительством Афганистана, несмотря на временное замедление деятельности, вызванное смертью духовного лидера движения, муллы Омара.

Постоянный анализ собственных сильных и слабых сторон, а также идеологических подходов позволил движению системно адаптироваться к меняющейся обстановке и использовать структурные и политические изменения в стране для укрепления своего влияния.

29 февраля 2020 года делегации США и движения «Талибан» подписали в Дохе (Катар) знаковое мирное соглашение, призванное проложить путь к перемирию враждующих сторон внутриафганского конфликта. Официальное название документа – «Соглашение об установлении мира в Афганистане между Исламским эмиратом Афганистан, не признанным Соединенными Штатами в качестве государства и известным как «Талибан», и Соединенными Штатами Америки»²²⁴.

Соглашение состоит из четырех пунктов, содержащих определенные условия. Первые два из них призваны подготовить почву для выполнения двух последних. Первое условие – это гарантии сдерживания террористической активности со стороны «Талибана», который обязался предотвратить использование территории Афганистана любой группой лиц или отдельным лицом для осуществления деятельности, ставящей под угрозу национальную безопасность США и их союзников. Вторым условием соглашения было

²²³ Mashal M., Schmitt E. White House Orders Direct Taliban Talks to Jump-Start Afghan Negotiations // The New York Times. 2018. 15 July. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/15/world/asia/afghanistan-taliban-direct-negotiations.html> (дата обращения: 02.12.2021).

²²⁴ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. 2020. 29 February. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (дата обращения: 02.12.2021).

объявление сроков вывода иностранных войск с территории Афганистана. Согласно третьему условию, внутриафганские переговоры должны были начаться 10 марта 2020 года, однако не раз откладывались из-за разногласий в вопросе обмена пленными. Четвертое условие предполагало, что за перемирием между талибами и афганским правительством должно последовать постоянное и полное прекращение огня.

После президентских выборов 2019 года талибы отказались признать легитимность афганского правительства, по этой причине представители администрации Ашрафа Гани не принимали участия в переговорах. Однако спустя менее чем через сутки после подписания мирного соглашения между США и движением «Талибан», правительство Афганистана высказало резкие возражения против ряда его пунктов. В частности, президент Гани выступил против нескольких аспектов сделки, включая сроки обмена заключенными. Его комментарии подчеркивали трудности, которые ожидают Афганистан на фоне вступления конфликта в новую фазу. В частности, это касалось противоречий, кроющихся в условиях начала переговоров между талибами и афганским правительством, а также разговоров о снижении уровня насилия.

Талибы на протяжении долгого времени требовали освобождения 5000 боевиков, удерживаемых афганским правительством, однако представители Кабула считали заключенных ключевым рычагом, который можно было использовать во время переговоров с боевиками. Гани утверждал, что обмен пленными может обсуждаться во время переговоров с талибами, но не может быть их предварительным условием.

Углубление внутривластного кризиса в Кабуле также осложнило последующие шаги после подписания мирного соглашения. Главный конкурент Ашрафа Гани Абдулла Абдулла, вновь уступивший президентское кресло по итогам выборов 2019 года, назвал подписанное соглашение «историческим событием» и заявил, что надеется на формирование «инклюзивной, общенародной

и общенациональной делегации» для участия в переговорах²²⁵. Абдулла грозил создать параллельное правительство после того, как объявил результаты президентских выборов недействительными.

Два десятилетия вооруженного противостояния в Афганистане в рамках глобальной «войны с террором» сопровождалось значительными человеческими и материальными издержками как для США и НАТО, так и для Афганистана и сопредельных государств. По официальным данным, совокупные расходы американского правительства составили около 2,3 триллионов долларов, при этом жертвами конфликта стали 2324 американских военнослужащих, 3917 гражданских подрядчиков и 1144 военнослужащих стран-союзников. Для афганской стороны масштабы потерь были еще более катастрофическими: погибло порядка 70 000 представителей сил безопасности и более 46 000 мирных жителей, хотя эти цифра, по оценкам исследователей, могут быть существенно занижены. Кроме того, около 53 000 жизней унесло вооруженное противостояние афганской оппозиции²²⁶.

Осознание колоссальных человеческих и материальных издержек, понесенных за два десятилетия конфликта, обусловило стремление США найти политический выход из афганской войны. В данном контексте ключевым достижением американской стороны при подписании мирного соглашения стали гарантии талибов о непредоставлении убежища террористическим группировкам, таким как «Аль-Каида» и «Исламское государство». Совместному наблюдательному органу США и талибов в Катаре было поручено следить за соблюдением соглашения, а министр обороны США Марк Эспер подчеркнул, что, в случае нарушения «Талибаном» условий, США «без колебаний аннулируют соглашение»²²⁷.

²²⁵ A Conversation with Abdullah Abdullah // Council on Foreign Relations. 2020. 22 September. URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-abdullah-abdullah-0> (дата обращения: 04.02.2022).

²²⁶ In Afghanistan, Was a Loss Better than Peace? // United States Institute of Peace. 2022. 3 November. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/11/afghanistan-was-loss-better-peace> (дата обращения: 29.11.2022).

²²⁷ Глава Пентагона заявил, что США аннулируют соглашение с талибами, если те его нарушат // ТАСС. 2020. 29 февраля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7868931> (дата обращения: 04.12.2021).

В июне 2020 года ООН опубликовала отчет, особое внимание в котором уделялось противоречиям в основе мирного соглашения между США и «Талибаном». Освещение отчета в СМИ было сосредоточено главным образом на разоблачении связей между талибами и «Аль-Каидой», которые свидетельствовали о шаткости условий соглашения. В отчете говорилось, что отношения между «Аль-Каидой» и «Талибаном» «остаются близкими, основанными на многолетней истории совместной борьбы, идеологической близости и смешанных браках», а также отмечалось, что талибы регулярно консультировались с «Аль-Каидой» во время переговоров с США и «предлагали гарантии поддержания их исторических связей»²²⁸.

Ситуацию усложнял так называемый «раскол» в политическом руководстве «Талибана», в том числе внутри самой переговорной делегации. Разногласия существовали между сторонниками Абдул Гани Барадара и более радикальным крылом движения, ориентированным на Шер Мохаммада Аббаса Станикзая. Все это подчеркивало хрупкость достигнутых между США и талибами договоренностей.

Однако, несмотря на вышеперечисленные противоречия, именно в этот период «Талибан» сумел продемонстрировать качественную трансформацию: переход от преимущественно военизированного радикального движения к структуре, обладающей чертами политической организации. Используя несостоятельность афганского правительства и снижение международной поддержки США, талибы сумели укрепить собственные административные институты, сформировать параллельную систему правосудия и наладить взаимодействие с гуманитарными организациями.

Несмотря на сохраняющийся экстремистский характер идеологии, данные изменения позволили движению обрести легитимность внутри страны и

²²⁸ Eleventh report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2501 (2019) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace, stability and security of Afghanistan // United Nations Security Council. 2020. 18 May. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2020_415_e.pdf (дата обращения: 05.12.2021).

позиционировать себя в качестве альтернативного политического субъекта, с которым США и международное сообщество были вынуждены вести переговоры.

2.2. Внутривполитическая динамика в Афганистане после возвращения к власти движения «Талибан»

После установления в Афганистане прозападного режима в 2000-е годы, правовая система так и не смогла добиться достаточного прогресса в обеспечении политики, основанной на верховенстве закона, сдерживании коррупции и завоевании общественного доверия. Результаты выборов неоднократно фальсифицировались, коррупция усилилась, и большая часть населения стала предпочитать неформальный сектор правосудия. Еще до повторного прихода к власти в Афганистане движение «Талибан» извлекло выгоду из провала системы правосудия Исламской республики Афганистан (ИРА), создав теневые суды, которые не только выносили суровые приговоры, но и разрешали гражданские споры, зачастую быстрее и справедливее, чем государственные суды²²⁹.

Движение «Талибан» интенсифицировало военные действия против афганских правительственных сил вскоре после заключения в 2020 году сделки с США в Дохе (Катар), согласно которой руководство движения обязалось не атаковать силы США и Организации Североатлантического договора (НАТО) в обмен на график полного вывода иностранных войск с территории Афганистана²³⁰. Сделка также предусматривала (в частях 3 и 4), что «Талибан» предпримет попытку заключить перемирие с афганским правительством²³¹, но внутриафганские переговоры не увенчались успехом. В результате 15 августа 2021

²²⁹ Baczko A. How the Taliban Justice System Contributed to their Victory in Afghanistan // Items: Insights from the Social Science Research Council. 2021. URL: <https://items.ssrc.org/insights/how-the-taliban-justice-system-contributed-to-their-victory-in-afghanistan/> (дата обращения: 16.01.2022).

²³⁰ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. 2020. 29 February. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (дата обращения: 16.01.2021).

²³¹ Там же.

года, еще до полного вывода из Афганистана сил международной коалиции, движение «Талибан» завершило стремительный захват власти в стране при отсутствии каких-либо переходных планов.

Падение прозападного правительства в Афганистане целесообразно рассматривать как прямое и непосредственное следствие распада Афганских национальных сил безопасности (АНСБ). Анализ событий демонстрирует, что причины краха АНСБ во многом коррелировали с причинами дестабилизации гражданской власти, но при этом имели ряд отличительных особенностей. Решения, принимаемые военным и политическим руководством США, действия афганского правительства во главе с Ашрафом Гани и активность движения «Талибан» выступили ключевыми факторами, обусловившими дестабилизацию обстановки в Афганистане и ускорившими крах АНСБ в августе 2021 года.

Системный анализ событий демонстрирует, что распад АНСБ в августе 2021 года был обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов стратегического, организационного и политического характера²³². Решения американских властей о выводе войск и последующее несистемное осуществление данного процесса кардинальным образом трансформировали обстановку в Афганистане и оказали прямое влияние на тактику местных властей и движения «Талибан». Согласно оценкам Специального генерального инспектора по восстановлению Афганистана (SIGAR), мирное соглашение между США и «Талибаном» воспринималось гражданским населением как проявление недобросовестности Вашингтона и отказ от дальнейшей поддержки афганского правительства. Данное обстоятельство, наряду с прочими факторами, способствовало резкому падению боевого духа личного состава Афганских сил национальной безопасности (АНСБ)²³³.

Дополнительное негативное воздействие в сложившейся обстановке оказали следующие факторы: существенное сокращение уровня поддержки со стороны

²³² Sopko J. F., Young D. H. The Factors Leading to the Collapse of the Afghan Government and its Security Forces : remarks before the 1st Committee of Inquiry (Afghanistan) in the 20th Electoral Term, German Bundestag. 2023. 2 March. URL: https://www.sigar.mil/Portals/147/Files/News/Speeches/SIGAR_John_Sopko_David_Young_Berlin_Speech_2023-03-02.pdf (дата обращения: 24.03.2023).

²³³ Там же, с. 8.

США после заключения соглашения с «Талибаном»; неспособность АНСБ к материальному и оперативному самообеспечению; высокая степень политизации, проявлявшаяся в частой смене руководства и назначении лояльных руководителей на местах; отсутствие согласованного национального плана безопасности; а также эффективное использование «Талибаном» уязвимости правительственных сил.

Таким образом, совокупность указанных факторов сформировала систему взаимосвязанных процессов, которые привели к ускоренной утрате функциональной устойчивости силами национальной безопасности Афганистана (АНСБ) и последующему падению гражданского правительства.

Спустя несколько недель боевики «Талибана» заняли Кабул и объявили о воссоздании Исламского Эмирата в качестве новой формы правления. Это положило конец существованию Исламской Республики Афганистан (ИРА). В структурах власти, созданных «Талибаном», верховным лидером государства был провозглашен Амир аль-муминин («повелитель правоверных») Хайбатулла Ахундзаде. Ему подчиняется правительство, сформированное исключительно из членов движения, во главе с исполняющим обязанности премьер-министра (по состоянию на сентябрь 2025 года – Хасан Ахунд)²³⁴.

Понятие «эмират» как форма государственного управления в Афганистане является крайне нечетко определенным и недостаточно разработанным в теоретическом отношении. Отсутствие интереса к его теоретическому осмыслению в афганском контексте объясняется историей движения «Талибан», которое с момента основания было сфокусировано на ведении военных действий. Распределение властных полномочий внутри группировки всегда отличалось сложностью и неформальным характером, что впоследствии затруднило его формальную институционализацию²³⁵. В настоящий момент не наблюдается того, чтобы основные сторонники «Талибана» требовали сложных и развернутых

²³⁴ Rahimi H. Taliban Caretaker Government: Good for Internal Cohesion, Bad for Governance // The Diplomat. 2021. 9 September. URL: <https://thediplomat.com/2021/09/taliban-caretaker-government-good-for-internal-cohesion-bad-for-governance/> (дата обращения: 26.03.2023).

²³⁵ Watkins A. An Assessment of Taliban Rule at Three Months // CTC Sentinel. 2021. Vol. 14. №9. URL: <https://ctc.westpoint.edu/an-assessment-of-taliban-rule-at-three-months/> (дата обращения: 17.03.2023).

аргументов в пользу Эмирата. Тем, кто готов поддержать курс движения, кажется достаточным, что талибы привержены той интерпретации законов шариата, которую разделяют связанные с ними ханафитские улемы, по мнению которых альтернативные политические системы не являются достаточно исламскими.

Тем не менее, ключевым фактором являлась прагматическая, а не идеологическая природа поддержки движения «Талибан». На внутривнутриполитической арене движение позиционировало себя силой, выступающей за разоружение полевых командиров, восстановление законности и порядка, искоренение коррупции и прекращение иностранной оккупации. Эти задачи отвечали насущным запросам афганского общества и обеспечивали движению широкую популярность. Кроме того, процесс мобилизации общественной поддержки «Талибаном» был облегчен такими факторами, как неэффективность государственного управления, разобщающая политика прозападного правительства и злоупотребления со стороны иностранных военных контингентов.

Движение «Талибан» никогда не формализовало свою политическую систему. В первый период его правления (1996-2001 гг.) совет улемов предпринял попытку разработать конституцию, которая формализовала бы Исламский Эмират, однако проект так и не был принят²³⁶.

В 2005 году руководство «Талибана», находясь в изгнании, одобрило проект, подготовленный советом улемов, и опубликовало его текст. С теоретической точки зрения, конституционный проект «Талибана» не содержал принципиально новых положений. Текст документа практически дословно воспроизводил более ранний проект основного закона, который был разработан во время кратковременного правления правительства моджахедов²³⁷. Проект конституции моджахедов, в свою очередь, включал в себя положения более старой конституции 1964 года – последней афганской конституции с широкой легитимностью, основанной на

²³⁶ قانون اساسی طالبان منتشر شد. 28.07.2009. URL: <http://www.afghanpaper.com/nbody.php?id=2356> (дата обращения: 21.03.2023).

²³⁷ Rahimi H. A Constitutional Reckoning with the Taliban's Brand of Islamist Politics: the Hard Path Ahead. 2021. URL: https://www.aiss.af/assets/aiss_publication/Reckoning_with_Islamist_Politics.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

исламистской идеологии, распространяемой организациями «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ)²³⁸ и «Джамаат-и-Ислами» (запрещена в РФ)²³⁹, популярной среди руководства моджахедов²⁴⁰.

Проект конституции «Талибана» отличался от проекта моджахедов в одном важном аспекте: последний предусматривал парламентскую форму правления, в которой исполнительная власть разделена между президентом и премьер-министром, а народ избирает членов парламента посредством всеобщих выборов (статьи 8 и 46). Версия «Талибана» отвергала выборы и наделяла практически абсолютной властью Амира аль-Муминина, который не только назначал все правительство и судебную систему, но и представителей от каждой провинции в соответствующий орган (статьи 46, 47 и 55). Эта ограниченная форма законодательства была призвана дополнить ханафитскую юриспруденцию ислама, которая считалась высшим законом страны (статьи 5 и 6)²⁴¹.

Вопреки ожиданиям, после восстановления Исламского Эмирата в 2021 году «Талибан» не утвердил свой прежний проект в качестве государственной конституции. В ходе встречи с послом КНР в Афганистане и. о. министра юстиции движения, в рамках, по-видимому, неофициального комментария, сообщил, что руководство «Талибана» восстановило действие конституции 1964 года в качестве временного основного закона страны — с оговоркой, что ее положения применяются лишь постольку, поскольку не противоречат нормам шариата²⁴². Конституция 1964 года представляет собой важную веху в конституционной истории Афганистана. Она положила начало четырем десятилетиям внутриэлитного диалога о структуре и роли афганского государства, который вел отсчет с момента принятия первой письменной конституции страны в 1923 году.

²³⁸ Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003.

²³⁹ Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003.

²⁴⁰ Roy O. *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge University Press, 1990. P. 219.

²⁴¹ Mobasher M. B., Shah M. Q., Pasarlay Sh. *The Constitution and Laws of the Taliban: 1994-2001. Hints from the Past and Options for the Future*. International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2022. 179 p.

²⁴² Taliban to implement monarch-era Constitution in Afghanistan // Anadolu Agency. 2021. 28 September. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-to-implement-monarch-era-constitution-in-afghanistan/2377376> (дата обращения: 02.04.2023).

Вместе с тем значимость заявления и. о. министра юстиции «Талибана» нередко преувеличивается²⁴³.

Конституция 1964 года предусматривала конституционную монархию с всенародными выборами, тогда как «Талибан» последовательно отвергал выборы и утверждал, что политической системой страны останется Исламский Эмират. После возвращения талибов к власти ключевые назначения и указы в административной, законодательной и судебной областях были изданы решением Хайбатуллы Ахундаде. Конституция 1964 года формализовала разделение ветвей власти и народное законодательство и включала ряд положений, ограничивающих власть государства²⁴⁴. В свою очередь, «Талибан» не проявил никакой инициативы в реализации таких принципов, как разделение властей, партисипативное управление или ограничение властных полномочий. Конституция 1964 года считала государственное законодательство основным источником права в Афганистане, если оно не нарушает основные принципы ислама, и считала ханафитскую юриспруденцию дополнительным источником (статья 64(2))²⁴⁵, тогда как «Талибан» придерживается обратного порядка.

Первую попытку дать теоретическое обоснование сущности эмирата как формы государственного управления предпринял в апреле 2022 года Абдул Хаким Хаккани, исполняющий обязанности главного судьи «Талибана», который выпустил книгу под названием «Исламский Эмират и его порядок» (Al-Emirate Al-Islami'a wa Nezamaha)²⁴⁶. В ней проводится различие между двумя типами государства: государство, целью которого является налогообложение, и

²⁴³ Rahimi H. A Constitutional Reckoning with the Taliban's Brand of Islamist Politics: the Hard Path Ahead. 2021. P. 45. URL: https://www.aiss.af/assets/aiss_publication/Reckoning_with_Islamist_Politics.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

²⁴⁴ Constitution of Afghanistan = Assasi Qanun (1964). URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=afghanenglish> (дата обращения: 03.04.2023).

²⁴⁵ Wiseman H. V. The New Constitution of Afghanistan – Some Observations // Parliamentary Affairs. 1964. Vol. XVIII. №4. P. 434-441.

²⁴⁶ Ishaqzai A. H. Al-Emara Al-Islami'a wa Nezamaha (The Islamic Emirate and its Order). Afghanistan : Darul Uloom al-Sharia, 2022. 312 p.; Butt J. A Taleban Theory of State: a Review of the Chief Justice's Book of Jurisprudence // Afghanistan Analysts Network. 2023. August. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2023/09/chief-justice-book-review-FINAL-.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).

государство, целью которого является руководство²⁴⁷. Автор описывает первый тип как набор экстрактивных институтов, целью которых является обогащение тех, кто их контролирует. С точки зрения автора, этот тип государства ставит политические и материальные соображения выше религиозных и этических. Второй тип – государство, целью которого является руководство, сосредоточен на том, чтобы направлять людей к вере в Бога, запрещать порок и поощрять добродетель. Хаккани утверждает, что Исламский Эмират Афганистан относится ко второму типу²⁴⁸.

Хаккани определяет три составных элемента государства руководства: 1) независимая судебная система; 2) исламские вооруженные силы; и 3) божественный закон²⁴⁹. Автор предупреждает, что «исламское государство не преуспеет без внедрения законов Корана и Сунны, в соответствии с пониманием их ранними поколениями мусульман и исламских юристов, и это было целью джихада Исламского Эмирата Афганистан, и также является предпочтением народа Афганистана...»²⁵⁰. Примечательно, но одновременно Хаккани утверждает, что исламское государство также должно соблюдать природу и обычаи проживающих в нем людей, пока они не противоречат шариату²⁵¹.

Конституция 2004 года²⁵² впервые в афганской истории ограничила применение шиитской правовой доктрины (джафаритского мазхаба) в системе национального права. Данное положение было принято, несмотря на наличие в стране многочисленной шиитской общины, представленной хазарейским этническим меньшинством. Касаясь вопроса различных школ исламской юриспруденции, Хаккани в своей книге пишет, что государство, опирающееся на исламское право, должно следовать мазхабу, общему для всех или большинства

²⁴⁷ Rahimi H., Hasrat M. International Law and the Taliban's Legal Status: Emerging Recognition Criteria? // Washington International Law Journal. 2023. Vol. 32. №3. P. 245.

²⁴⁸ Там же, с. 247.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же, с. 248.

²⁵¹ Там же, с. 251.

²⁵² قانون اساسي سال 1382. URL: https://moj.gov.af/sites/default/files/og_0818.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

жителей страны²⁵³. В Афганистане это место занимает ханафитская юриспруденция.

Решение «Талибана» возвысить ханафитскую юриспруденцию до статуса государственного права и исключить другие принятые в исламе юридические взгляды столкнули руководство движения с такой проблемой как несогласие шиитского населения. С целью пополнения государственной казны «Талибан» ввел десятину с урожая сельскохозяйственных культур (*ушр*), а также объявил о намерении централизовать сбор милостыни (*закят*). Оба налога взимаются в соответствии с нормами ханафитского мазхаба, положения которого расходятся с шиитской правовой доктриной. Хотя Совет шиитских улемов Афганистана публично заявил, что шииты должны быть освобождены от этой обязанности, учитывая их расхождения в юридическом поле²⁵⁴, нет никаких признаков того, что власти «Талибана» сделали для них какие-либо религиозные уступки. В 2022 году появилась информация, что «Талибан» исключил джафаритскую юриспруденцию из учебной программы университетов в Бамиане, который считается шиитской провинцией в Афганистане²⁵⁵.

В том, что касается самого правительства талибов, здесь можно отметить, что движение сохранило административную структуру правительства Исламской республики с некоторыми исключениями. Например, Министерство по делам женщин было заменено Министерством поощрения добродетели и предотвращения порока. Также было принято решение о роспуске избирательных комиссий. Кроме того, новое руководство восстановило полномочия ряда министерств и отменило ряд территориально-административных решений, принятых предыдущим прозападным правительством. Именно на основе этих

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ نکنید آوری جمع زکات و عشر تشیع مردم از طالبان به افغانستان ی شیعه علمای شورای شورای. 7.09.2021. URL: <https://www.etilaatroz.com/131168/taliban-should-not-collect-zakat-from-the-shiite-people/> (дата обращения: 03.04.2023).

²⁵⁵ Taliban bans teaching of Jafari jurisprudence at Bamiyan University // Shia Waves. 2022. 16 June. URL: <https://shiawaves.com/english/news/islam/afghanistan/83477-taliban-bans-teaching-of-jafari-jurisprudence-at-bamiyan-university/> (дата обращения: 14.04.2023).

решений были созданы многочисленные влиятельные агентства, управления и комитеты, функционировавшие независимо от министерских структур²⁵⁶.

Что касается кадрового обеспечения, на национальном уровне «Талибан» сохранил большую часть кадров в технических министерствах, однако на руководящие должности во всех ведомствах были назначены члены движения. С другой стороны, силовые ведомства были практически полностью очищены от кадров, не являющихся талибами. В министерстве образования и высшего образования «Талибан» также заменил большую часть кадров членами движения. Подобная тенденция наблюдалась и в афганских провинциях: большинство кадровых решений на национальном и местном уровнях принимались в первую очередь на основе лояльности и близости к «Талибану», а не квалификации отдельно взятых специалистов.

Согласно конституции 2004 года, законодательная власть в ИРА была формально возложена на две палаты Национальной ассамблеи, которые официально были распущены «Талибаном» после повторного прихода к власти²⁵⁷. Наиболее важные законы принимались посредством указов Ахундзаде²⁵⁸, в то время как другие вопросы узаконивались кабинетом министров и главами ведомств в форме постановлений правительства или министерских директив.

Наибольшее число таких документов после возвращения к власти талибов было опубликовано вновь созданным Министерством поощрения добродетели и предотвращения порока. Стоит отметить, что как таковые директивы часто подразумевают не принятие законов, а уведомление общественности о том, что министерство намерено обеспечить соблюдение определенных положений, которые оно считает обязательными для афганцев в силу того, что они мусульмане

²⁵⁶ Watkins A. An Assessment of Taliban Rule at Three Months // CTC Sentinel. 2021. Vol. 14. №9. URL: <https://ctc.usma.edu/an-assessment-of-taliban-rule-at-three-months/> (дата обращения: 14.04.2023).

²⁵⁷ Adili A. Y., Soroush R., Sadat S. A. The Stagnation of Afghanistan's State Institutions: Case studies of the Supreme Court, Senate, provincial councils and the constitutional oversight commission // Afghanistan Analysts Network. 2021. 31 March. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/political-landscape/the-stagnation-of-afghanistans-state-institutions-case-studies-of-the-supreme-court-senate-provincial-councils-and-the-constitutional-oversight-commission/> (дата обращения: 18.06.2023).

²⁵⁸ Afghanistan's Taliban Ban Poppy Cultivation // The Wall Street Journal. 2022. 3 April. URL: <https://www.wsj.com/articles/afghanistans-taliban-ban-poppy-cultivation-11649003599> (дата обращения: 18.06.2023).

(или подданные мусульманского государства), а ханафитская юриспруденция ислама является высшим законом страны. Примерами этих директив являются требование носить бороды и головные уборы для мужчин-государственных служащих и требование, чтобы женщины закрывали лицо и сопровождалась родственником-мужчиной, когда они перемещаются на большие расстояния²⁵⁹.

Движение «Талибан» целиком исключило из судебной системы назначенцев эпохи Исламской республики. Вместо них указами Ахундзаде были назначены исключительно лица, которые носят титулы ахунда, шейха, муфтия и маулави²⁶⁰. Данные религиозные звания не стандартизированы и не подразумевают соблюдения строго фиксированных квалификационных требований. Тем не менее, их наличие позволяет предположить, что человек обладает глубокими познаниями в религиозной традиции, правом выносить авторитетные правовые заключения (фетвы) и имеет соответствующее образование, полученное в медресе. Несмотря на то, что реальный уровень подготовки назначенцев «Талибана» остается под вопросом, большинство из них обучались в рамках ханафитской школы исламского права. Таким образом, после возвращения талибов к власти с плюрализмом афганской правовой системы было покончено, а указами верховного лидера движения из нее были исключены лица, имевшие современное юридическое образование и подготовку в области государственного законодательства.

В рамках регулирования материального права, Верховный суд «Талибана» заявил, что законы ИРА не должны применяться в судах. В Национальной академии Афганистана создан комитет для проверки всех законов на предмет их соответствия шариату. В то же время судебная система талибов в значительной степени опирается на другой продукт Османской империи – Маджалла. Это

²⁵⁹ در-امير المؤمنين-عاليقدر-خاص-فرمان URL: <https://moic.gov.af/dr/خاص-فرمان> جمعه. شد صادر زنان حقوق مورد در امير المؤمنين عاليقدر خاص فرمان (дата обращения: 26.03.2022).

²⁶⁰ Supreme Court Appoints 69 Provincial Judges // TOLONews. 2021. 16 December. URL: <https://tolonews.com/afghanistan-175920> (дата обращения: 21.07.2023).

крупнейшая кодификация норм ханафитской юриспруденции ислама, составленный ханафитскими юристами во времена Османской империи²⁶¹.

Наряду с этим, движение «Талибан» реструктурировало судебную систему. Каждый суд (или отдел в суде) обычно состоит из судьи, муфтия и служащего. Последний занимается административными делами суда. Разделение обязанностей между судьей и муфтием менее четкое: в принятых «Талибаном» нормативных документах указано, что муфтии и другие участники судебного разбирательства не могут задавать вопросы истцу, ответчику или свидетелям, это может делать только судья²⁶². Это предполагает возможное разделение обязанностей по фактическим и юридическим вопросам. Такой тип разделения в целом соответствует истории судебной системы в исламе, особенно во времена Османской империи, где муфтии формулировали закон в рамках мазхаба, а затем судья определял факты, выбирал между различными мнениями муфтиев и применял к фактам дела закон, сформулированный в предпочтительной фетве²⁶³. Однако, в отличие от османской судебной системы, в судебной системе «Талибана» муфтий является назначенным правительством лицом, а не независимым ученым. Более того, в отличие от османской судебной системы, «Талибан» назначает судей исключительно из числа ханафитских улемов.

Таким образом, конституционализм «Талибана», скорее всего, в перспективе будет опираться на конституционные модели других государств мусульманского мира. На практике, после более чем 40 лет войны, многое будет зависеть от того, как эти модели воплотятся в жизнь лидерами движениями, сосредоточенными на консолидации своей власти. На национальном уровне внутриджихадистская

²⁶¹ Гайсина Л. Т., Нуриев А. Д. «Маджалла» в истории мусульманского права // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. С. 121-126.

²⁶² Decrees, Orders and Instructions of His Excellency, Amir al-Mu'minin as Published in the Official Gazette on 22 May 2023 : unofficial AAN translation // Afghanistan Analysts Network. July 2023. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2023/07/Decrees-order-of-Taleban-amir-English.pdf> (дата обращения: 30.07.2023).

²⁶³ Sonbol A. Women in Shari'ah Courts: A Historical and Methodological Discussion // Fordham International Law Journal. 2003. Vol. 27. №1. URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1918&context=ilj> (дата обращения: 30.07.2023).

конкуренция, вероятно, обеспечит видную роль сторонникам жесткой линии «Талибана».

Переход Афганистана от состояния государства, пострадавшего от конфликта, к государству, которое сталкивается с проблемами постконфликтного управления, несколько застопорился. После прихода к власти в августе 2021 года движения «Талибан», в стране по-прежнему происходят регулярные теракты, нацеленные не только против сторонников предыдущего правительства, но организованных такими группировками, как «ИГИЛ-Хорасан» (запрещена в РФ)²⁶⁴, преимущественно против талибов и хазарейского шиитского сообщества. Само правительство Исламского Эмирата при этом разделяется на сторонников жесткой и умеренной линии. Несмотря на обязательства, прописанные в мирном соглашении между США и талибами от 2020 г., движение не разорвало связи с террористической организацией «Аль-Каида». Притязания талибов на господство в Афганистане постоянно оспариваются вооруженной оппозицией. Все эти факторы препятствуют попыткам движения обрести легитимность и полное признание международного сообщества, а также создать в стране архитектуру управления, обеспечивающую безопасность Афганистана.

Возглавляемое талибами исламистское движение было разделено на сторонников умеренной и жесткой линии задолго до того, как оно пришло к власти²⁶⁵. Однако с 2021 г. этот раскол не только расширился, но и углубился. Жесткая фракция, возглавляемая лидерами «Сети Хаккани» (запрещена в РФ), продолжает удерживать позиции. Сираджуддин, Анас и Халил уль-Рахман Хаккани тормозят попытки умеренной фракции во главе с заместителем премьер-министра муллой Абдулом Гани Барадаром, сделать Исламский Эмират более приемлемым для международного сообщества. Влияние жесткой фракции поддерживается главой «Талибана» Хайбатуллой Ахундзаде и его ближайшим

²⁶⁴ Террористическая организация «Исламское государство» признана в РФ террористической решением Верховного Суда Российской Федерации, от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015.

²⁶⁵ Watkins A. Taliban Fragmentation. Fact, Fiction and Future. — Washington, DC: United States Institute of Peace, 2020. №160. P. 24. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2020-03/pw_160-taliban_fragmentation_fact_fiction_and_future-pw.pdf (дата обращения: 03.08.2023).

окружением. Умеренная фракция время от времени высказывает свои расходящиеся взгляды, но это оказывает незначительное влияние на политические решения Исламского Эмирата.

Сохраняются также разногласия по поводу того, кто заслуживает поощрения за «победу» талибов и другие результаты их политики; эти вопросы стоят настолько остро, что время от времени между сторонниками обеих линий вспыхивают открытые конфликты. Например, изменения в формировании кабинета министров привели к столкновениям между сторонниками Халила Хаккани и муллы Барадара во время встречи в президентском дворце в Кабуле в сентябре 2021 г., в результате чего последний был ранен²⁶⁶. Исламский Эмират старался скрыть внутренние разногласия от внимания средств массовой информации, однако противоречивые политические заявления, частый отзыв решений и неспособность правительства воздерживаться от насилия против лиц, связанных с предыдущим режимом, свидетельствуют о том, что среди талибов нет единого мнения по многим вопросам.

Исламский Эмират реализовал двуединую стратегию, которая бесспорно приводит к грубым нарушениям прав человека в Афганистане. Политика «Талибана» больше всего затронула этнорелигиозные меньшинства, лиц женского пола, а также государственных служащих, должностных лиц и сотрудников расформированных Афганских национальных сил безопасности (АНСБ), а также тех, кто поддерживал силы международной коалиции при предыдущем правительстве. После прихода к власти талибы подвергали преследованию бывших сотрудников АНСБ и правительственных чиновников. Хотя руководство движения объявило о программе всеобщей амнистии для таких граждан, она была реализована выборочно. Согласно Миссии ООН по содействию Афганистану

²⁶⁶ Nasar Kh. N. Afghanistan: Taliban Leaders in Bust-Up at Presidential Palace, Sources Say // BBC News. 2021. 15 September. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-58560923> (дата обращения: 11.08.2023). Примеч.: материал размещен на сайте организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

(МООНСА), некоторые лица, откликнувшиеся на призыв об амнистии, подверглись внесудебной казни сразу после выхода на свободу²⁶⁷.

Представительницы женского пола были лишены права на образование и работу в соответствии с радикальной интерпретацией талибами законов шариата. Образовательные учреждения были закрыты, ненадолго вновь открыты, а затем их работа была снова приостановлена талибами, которые оправдывали свои действия отсутствием отдельных помещений для мальчиков и девочек. За исключением таких профессий, как медсестры и муниципальные работники, женщинам запрещено заниматься какой-либо работой. Протесты по этому поводу жестоко подавлялись. В результате был наложен запрет на выход женщин из дома без сопровождения мужчин²⁶⁸.

Во-вторых, Исламский Эмират усиленно пытается избежать какой-либо негативной огласки, способной повлиять на его международное положение и, следовательно, на перспективы его признания отдельными странами. После того, как талибы пришли к власти, в отношении сотрудников СМИ был издан указ, запрещающий им сообщать что-либо негативное о новом режиме и требующий получать одобрение своих сообщений перед публикацией²⁶⁹. Цензура распространилась не только на журналистов, но и на социальные сети. С целью оправдания многочисленных задержаний и даже физического насилия со стороны талибов против нескольких представителей СМИ был выдвинут широкий спектр обвинений в пропаганде западной культуры, оскорблении Корана и пропаганде оппозиции.

²⁶⁷ A barrier to securing peace: Human rights violations against former government officials and former armed force members in Afghanistan: 15 August 2021 – 30 June 2023 // United Nations Assistance Mission in Afghanistan. 2023. 29 August. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/a_barrier_to_securing_peace_aug_2023_english__0.pdf (дата обращения: 04.09.2023).

²⁶⁸ Талибы запретили афганским женщинам выходить на улицу с непокрытым лицом // Новости ООН. 2022. 7 мая. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1423402> (дата обращения: 04.09.2023).

²⁶⁹ Media Freedom in Afghanistan // United Nations Assistance Mission in Afghanistan, United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. 2024. November. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/unama_report_on_media_freedom_in_afghanistan.pdf (дата обращения: 16.12.2024).

Движение «Талибан» использовало сотни боевиков для подавления вооруженного сопротивления, начавшегося в Панджшерской долине после событий августа 2021 года. Руководство группировки, называющей себя «Фронтом национального сопротивления» (ФНС), бежало в соседние страны. Однако под руководством Ахмада Масуда, сына легендарного полевого командира Ахмада Шаха Масуда, ФНС смог рассредоточиться по нескольким северным провинциям Афганистана и продолжать организовывать нападения на силы талибов. Существуют два противоречивых мнения об успехах ФНС. Руководство организации часто обращается к социальным сетям, чтобы заявить о своей победе в небольших сражениях. «Талибан» отрицает подобную информацию, заявляя о ФНС как маргинальной и разрозненной группе боевиков, никаким образом не влияющей на ситуацию.

Однако то, что ФНС все чаще бросает вызов попыткам талибов доминировать в стране, очевидно из принятого в августе 2022 года решения о назначении Абдула Каюма Закира, отвечающего за усилия по противодействию Фронту, старшим военачальником «Талибана» в долинах Андараб и Панджшер²⁷⁰. Этнические разногласия внутри движения талибов, в котором доминируют пуштуны, также препятствуют его усилиям по борьбе с ФНС. Сообщалось, что местные силы таджикских талибов больше не желают воевать против него в Панджшере, где ФНС отвоевывает территорию. Местный командир таджикских талибов дезертировал и присоединился к ФНС в мае 2022 года, в то время как таджикские подразделения талибов из Бадахшана отказались продолжать боевые действия против ФНС в Панджшере в июле того же года²⁷¹.

Успех ФНС и распространение антиталибских настроений привели к рождению как минимум 22 групп сопротивления, в том числе возглавляемого Ясином Зия «Фронта свободы Афганистана», который продолжает вести

²⁷⁰ Roggio B. Taliban Appoints Former Guantanamo Bay Detainee to Lead Fight in Panjshir // The Long War Journal. 2022. 21 August. URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2022/08/taliban-appoints-former-guantanamo-bay-detainee-to-lead-fight-in-panjshir.php> (дата обращения: 11.10.2023).

²⁷¹ Mills P. Taliban Struggles to Contain Afghan National Resistance Front // Critical Threats. 2022. 7 September. URL: <https://www.criticalthreats.org/analysis/taliban-struggles-to-contain-afghan-national-resistance-front> (дата обращения: 28.10.2023).

разрозненные боевые действия, захватывать и удерживать территории почти в десятке провинций на севере Афганистана. Тем не менее, задача для этих групп состоит в том, чтобы установить единство и, представив себя в качестве сплоченной оппозиции талибам, получить международную поддержку, которой в настоящий момент не наблюдается.

Лидер террористической организации «Аль-Каида» Айман аз-Завахири был ликвидирован в результате удара американского беспилотника в Кабуле 2 августа 2022 года. Сообщалось, что дом в районе Шерпур, где проживал аз-Завахири, был захвачен талибами в августе 2021 года²⁷². Убийство главаря вызвало вопросы о будущем «Аль-Каиды» в афгано-пакистанском регионе, перспективах ее отношений с талибами и последствий этого инцидента для глобального террористического ландшафта, в котором доминирует ослабленное, но все еще боеспособное «Исламское государство». Убийство аз-Завахири, ставшее результатом продолжающейся борьбы США с международным терроризмом, может вынудить «Аль-Каиду» и дальше находиться в спящем состоянии, даже если ценой этого станет ее функциональное вымирание в регионе.

Ликвидация аз-Завахири в очередной раз указала на несоблюдение талибами условий, подписанных с США Дохинских соглашений, согласно которым движение не позволяет международным террористическим группировкам использовать афганскую территорию против США и их союзников. После ликвидации аз-Завахири талибы предсказуемо заявили о том, что не знали о его присутствии в Кабуле, а также выразили протест против нарушения суверенитета Исламского Эмирата со стороны США²⁷³.

В отчетах ООН по-прежнему подчеркивается, что связи между «Аль-Каидой» и «Талибаном» фактически остались нетронутыми. Хотя группировка может и не вести оперативную деятельность в Афганистане, ее присутствие в

²⁷² США ликвидировали главаря «Аль-Каиды» аз-Завахири в Кабуле // ТАСС. 2022. 2 августа. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15366255> (дата обращения: 12.11.2023).

²⁷³ Qandil M. M. The Killing of al-Zawahiri: Repercussions for the Taliban // The Washington Institute for Near East Policy. 2022. 16 August. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/killing-al-zawahiri-repercussions-taliban> (дата обращения: 18.11.2023).

условиях безопасности, якобы обеспечиваемой талибами, обязательно вдохновит ее другие подразделения на активизацию. Вместе с тем талибы проводят рациональную политику в отношении группировок, которые ранее были частью их сети. Например, они готовы ограничить деятельность таких организаций, как «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), чтобы снизить напряжение в отношениях с Китаем. Также талибы способствовали переговорам между «Техрик-е-Талибан Пакистан» (ТТП, запрещено в РФ) и пакистанским правительством. Вместе с тем движение остается двойственным в отношении группировок, ориентированных на Кашмир, таких как «Лашкар-е-Тайба» (запрещена в РФ)²⁷⁴ и «Джаиш-е-Мохаммад». Присутствие на территории Афганистана «Аль-Каиды» талибы, скорее всего, используют для того, чтобы получить рычаги влияния в переговорах с США и международным сообществом. Таким образом, спустя полтора года после прихода к власти движения «Талибан» Афганистан остается рассадником многочисленных террористических формирований, преследующих цели регионального и глобального масштаба.

Меры, принимаемые в отношении исходящей из Афганистана экстремистской угрозы, можно разделить на несколько видов: контртеррористическая политика талибов, меры со стороны США и международного сообщества, а также региональных игроков.

Исламский Эмират считает, что главные вызовы его доминированию в Афганистане исходят с двух сторон: от вооруженной оппозиции в лице ФНС и террористической организации «ИГИЛ-Хорасан». Поэтому основная часть его военного потенциала используется против этих двух группировок. Как уже упоминалось ранее, «Талибан» отдал приоритет операциям против ФНС, назначив нового военачальника в северных провинциях Афганистана. При этом отсутствие международной поддержки и единства останутся слабыми сторонами таких оппозиционных групп как ФНС. Следовательно, велика вероятность того, что длительное сопротивление в итоге их сокрушит.

²⁷⁴ Признана в РФ террористической организацией решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003

Однако в отношении подхода талибов к «ИГИЛ-Хорасан» видны две тенденции. Во-первых, «Талибан» опасается растущего влияния группировки среди разочарованной оппозиции. Например, некоторые ячейки в составе «Исламского движения Восточного Туркестана» (ИДВТ) потенциально могут быть перевербованы «ИГИЛ-Хорасан»²⁷⁵. Нападения группировки произошли в северных частях страны, включая Балх, Кундуз, Тахар и Мазари-Шариф, где до прихода к власти талибов наблюдалась меньшая активность «ИГИЛ-Хорасан». Следовательно, военные операции «Талибана» против группировки преследуют одну цель: не позволить ей стать настолько крупной, чтобы она представляла угрозу режиму Исламского Эмирата. Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА) сообщала о внесудебных казнях не менее 50 человек, подозреваемых в связях с «ИГИЛ-Хорасан». Такие жесткие действия помогают талибам продемонстрировать международному сообществу свою приверженность сдерживанию террора. Следовательно, любая неспособность ограничить атаки «ИГИЛ-Хорасан» относится к вопросу о возможностях движения «Талибан» обеспечить безопасность в Афганистане.

Несмотря на то, что талибы настаивают на принятии их правительством всех необходимых мер для защиты общины хазарейцев, велика вероятность того, что они позволяют «ИГИЛ-Хорасан» иметь полную свободу действий в отношении этого меньшинства. В начале 2022 года в отчете Комитета по санкциям против движения «Талибан» Совета Безопасности ООН говорилось, что «Талибан» может упускать из виду атаки «ИГИЛ-Хорасан» и извлекать выгоду из действий, которые не были направлены против интересов талибов»²⁷⁶. Такой подход со стороны Исламского Эмирата выявляет чрезвычайно опасную тенденцию избирательного подхода к борьбе с терроризмом в Афганистане.

²⁷⁵ ETIM May Shift to ISK With Taliban-China Alliance Over Xinjiang // Hindustan Times. 2021. 30 August. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/etim-may-shift-to-iskp-with-taliban-china-alliance-over-xinjiang-101630304620049.html> (дата обращения: 23.11.2023).

²⁷⁶ Kabul School Bombing: For Afghanistan, An End to Its Tragedy Is Not in Sight // The Indian Express. 2022. 1 October. URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/kabul-school-bombing-for-afghanistan-end-to-its-tragedy-not-in-sight-8184389/> (дата обращения: 23.11.2023).

Уход США из страны также свидетельствует о заметном изменении их подхода к проблеме. Вашингтон по-прежнему привержен сдерживанию террора, который потенциально угрожает его собственным интересам. Таким образом, убийство аз-Завахири в августе 2022 года важно по двум причинам. Во-первых, оно затрудняет планы «Аль-Каиды» по восстановлению позиций в афгано-пакистанском регионе. Это означает, что «Аль-Каиде» пока придется довольствоваться присутствием своих подразделений в Африке и некоторых частях Азии. Во-вторых, выполненные США обещания проводить загоризонтные операции после ухода из Афганистана теперь могут сдерживать исламистские группировки от сосредоточения под властью талибов, поскольку Вашингтон пообещал повторить такие удары в будущем.

Однако подход США остается проблематичным, поскольку американское правительство не придает особого значения связям талибов с другими региональными террористическими формированиями. В последние месяцы произошло некоторое сближение во взглядах между странами региона относительно террористической угрозы, исходящей из Афганистана. На это указывали заявления Пакистана²⁷⁷, Ирана²⁷⁸ и Индии²⁷⁹ в ООН. СМИ также сообщали, что Китай обеспокоен отсутствием у талибов намерения противостоять ИДВТ, по этой причине Пекин приостановил свой план экономических инвестиций в Афганистан²⁸⁰. Однако в отсутствие единства целей и согласованного плана действий заявления этих стран имеют лишь символическое значение и едва ли окажут сильное давление на талибов.

²⁷⁷ Pakistan Asks Taliban to Stop Terrorism from Their Soil // The Express Tribune. 2022. 29 September. URL: <https://tribune.com.pk/story/2379210/pakistan-asks-taliban-to-stop-terrorism-from-their-soil> (дата обращения: 21.01.2024).

²⁷⁸ At UN, Iran Raises Concern Over Resurgence of Terrorist Groups in Afghanistan // MSN.com. 2022. 20 September. URL: <https://www.msn.com/en-in/news/world/at-un-iran-raises-concern-over-resurgence-of-terrorist-groups-in-afghanistan/ar-AA12qCPb> (дата обращения: 24.01.2024).

²⁷⁹ India Highlights threats Posed by Terror Groups from Afghanistan at UNSC // Hindustan Times. 2022. 31 August. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-highlights-threats-posed-by-terror-groups-from-afghanistan-at-uns-101661842583798.html> (дата обращения: 24.01.2024).

²⁸⁰ Zhou J., Su F., Yuan J. Treading Lightly: China's Footprint in a Taliban-Led Afghanistan // SIPRI Insights on Peace and Security. 2022. №2022/8. Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-11/sipriinsights_2208_china_and_afghanistan_2.pdf (дата обращения: 28.01.2023).

Вероятнее всего, в обозримой перспективе талибы продолжат добиваться международного признания и финансирования, а также нейтрализации всех оппозиционных формирований, представляющих потенциальную угрозу их режиму. При этом важно понимать, что ни политика бойкотирования правительства талибов, ни военное вмешательство не могут обеспечить решение афганской проблемы. Анализ опыта международного взаимодействия и практики урегулирования конфликтов демонстрирует, что долговременная стабилизация возможна только через конструктивный диалог с внутренними и внешними акторами, а также через систематическое оказание международной помощи, основанной на принципах прозрачности, подотчетности и контроля за распределением ресурсов, что позволит минимизировать коррупционные риски и повысить эффективность институциональной поддержки, создавая условия для постепенной интеграции Афганистана в международное сообщество.

2.3. Устойчивость режима афганских талибов в условиях нестабильной военно-политической обстановки

На протяжении существования «Талибана» его руководство стабильно стремилось сохранить и укрепить организационную сплоченность. По сей день группировка не желает обострять внутренние конфликты, которые могут этой сплоченности угрожать. Практика мировой истории показывает, что только сплоченные движения способны следовать мирным соглашениям и обеспечивать их соблюдение. Несмотря на события, о которых говорилось ранее, многие из сценариев фрагментации движения «Талибан», в том числе побег сторонников жесткой линии или массовая вербовка со стороны ИГ, не в полной мере соответствуют нынешнему положению дел в рядах талибов.

Тем не менее, фрагментация в рядах боевиков «Талибана» не является невозможным сценарием, и, безусловно, группировка на данный момент не представляет собой монолитную структуру. Однако идеологические разногласия

не являются достаточным объяснением того, почему фрагментация имела место в прошлом или может повториться в будущем. Говоря о разделении внутри движения «Талибан», крайне важно отличать концепт «фрагментация» от концепта «фракционность». Часто в отношении «Талибана» применяют понятие «фрагментация» с целью сослаться на слабое сетевое происхождение организации, даже несмотря на то, что ее военная и управленческая иерархия со временем четко сформировались. Тем не менее, фрагментацию следует понимать как одно из более значительных проявлений фракционности – разделение организации на политически обособленные, взаимоисключающие сущности, посредством чего эти сущности создают новую группу, присоединяются к другой существующей группе или примыкают к правительственным силам²⁸¹. Следовательно, даже при наличии множества внутренних фракций и сложного процесса принятия решений организация способна сохранять высокий уровень сплоченности в достижении своих стратегических целей. Реальная фрагментация возникает, как правило, на основе уже расколота группы. Изучение деятельности группировок внутри такой непрозрачной организации, как «Талибан», может иметь важное значение для интерпретации поведения, экстраполяции устойчивых тенденций и прогнозирования будущих шагов группировки и ее сторонников. При этом стоит понимать, что трудно осмыслить и количественно оценить влияние фракционности даже в исследованиях открытых политических партий. Также общеизвестным историческим фактом является то, что прогнозы, основанные на тщательном изучении фракционности в закрытых организациях, ненадежны. Признаки фракционности не должны приводить к предположениям о надвигающейся фрагментации. В данный момент фракционность является неотъемлемой чертой движения «Талибан», но не приводит к более широкой или постоянной фрагментации. Говоря о структуре повстанческих организаций в целом, следует отметить, что сплоченные группировки обладают сильными горизонтальными сетями, связывающими лидеров организации, а также вертикальными связями,

²⁸¹ Cronin A. K. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. P. 68-69.

которые удерживают членов в сообществах, в которых они действуют²⁸². Профессор австралийского университета Воллонгон Тео Фаррелл в своих исследованиях проиллюстрировал, что движение обладает обеими чертами: структура руководства талибов опирается на поддержку командиров различных уровней, в то время как племенные связи продолжают консолидировать основные руководящие круги²⁸³. Рост инициатив движения в области социального развития и внимание к маргинализированным правительством районам только укрепили его вертикальные связи с общинами²⁸⁴. Исследователи Кристи Бакке, Кэтлин Галлахер Каннингем и Ли Сеймур углубились в детализацию процесса фрагментации, осмыслив и выделив три основных способствующих ей фактора: в зависимости от количества отдельных подгрупп в движении, силы или слабости его институтов, а также распределения власти среди его внутренних фракций, могут возникнуть те или иные предпосылки к фрагментации²⁸⁵.

Например, организация, обладающая сильной внутренней дисциплиной и демонстрирующая динамику власти, при которой прослеживается предпочтение одной фракции другим, может столкнуться с фрагментацией. Однако модель, разработанная исследователями, демонстрирует, что более сильная фракция, вероятно, будет доминировать над меньшими группами, подавляя любые конфликты, которые могут возникнуть. Согласно данной типологии, ключевыми объединяющими институтами «Талибана» являются Амир уль-Муминин («Повелитель правоверных») и Рахбари Шура (Руководящий совет). Наличие этих стабильных центров власти, обеспечивающих преемственность даже в периоды смены руководства, свидетельствует о том, что движение «Талибан» в меньшей

²⁸² Staniland P. *Networks of Rebellion: Explaining Insurgent Cohesion and Collapse*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. 312 p.

²⁸³ Farrell F. *Unbeatable: Social Resources, Military Adaptation and the Afghan Taliban* // *Texas National Security Review*. 2018. Vol. 1. № 3, May. P. 63.

²⁸⁴ Gopal A. *No Good Men among the Living: America, the Taliban, and the War through Afghan Eyes*. N.Y.: Metropolitan Books, 2014. 320 p.

²⁸⁵ Bakke K. M., Cunningham K. G., Seymour L. J. *A Plague of Initials: Fragmentation, Cohesion, and Infighting in Civil Wars* // *Perspectives on Politics*. 2012. Vol. 10. №2. P. 265-283.

степени подвержено фрагментации по сравнению с другими аналогичными группами²⁸⁶.

По мнению исследователя бостонского университета Майкла Волдермариам, экстремистские группировки наиболее вероятно сталкиваются с фрагментацией в случае крупных потерь или завоеваний. В ходе своих исследований Волдермариам обнаружил, что боевики, как правило, наиболее сплочены в период длительной тупиковой ситуации, так как им важно демонстрировать жизнеспособность. По этой причине, ради поддержания единства, им также необходимо постоянно сталкиваться с угрозой извне²⁸⁷.

Следуя тому же принципу, Стэниленд и Каннингем провели совместное исследование динамики перехода на сторону противника. Одним из выводов было то, что политика государства (проявленная в его усилиях по борьбе с боевиками) не была решающим фактором дезертирства. Другими словами, стратегия противодействия повстанческому движению «разделяй и властвуй» эффективна, только если оно уже слабо.²⁸⁸ Еще одним открытием стало отсутствие какой-либо сильной связи между дезертирством и идеологическими разногласиями. Согласно результатам исследования Стэниленд и Каннингем, дезертирство в повстанческих группировках обычно происходит в следующих ситуациях: когда внешние события или внутренняя динамика побуждают их членов подвергать сомнению способность противостоять угрозам и защищать свои интересы.

Многие работы, касающиеся политики разрешения конфликтов указывают на возможность раскола или фрагментации группировок при достижении мирного соглашения, что может привести к затяжному и усугубляющемуся насилию²⁸⁹. Исследования истории повстанческих движений демонстрируют, что, когда

²⁸⁶ Semple M. Rhetoric, Ideology and Organizational Structure of the Taliban Movement // *Peaceworks*. 2014. №102. United States Institute of Peace. December. URL: <https://www.usip.org/publications/2015/01/rhetoric-ideology-and-organizational-structure-taliban-movement> (дата обращения: 23.10.2021).

²⁸⁷ Woldermariam M. *Insurgent Fragmentation in the Horn of Africa: Rebellion and its Discontents*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 330 p.

²⁸⁸ Staniland P., Cunningham K. G. Between a Rock and a Hard Place: Insurgent Fratricide, Ethnic Defection, and the Rise of Pro-State Paramilitaries // *Journal of Conflict Resolution*. 2012. Vol. 56. №1. P. 16-40.

²⁸⁹ Salih C., Gray S. Group Cohesion and Peace Processes // *Peace Brief*. 2017. №230. United States Institute of Peace. September. URL: <https://www.usip.org/publications/2017/09/group-cohesion-and-peace-processes> (дата обращения: 23.10.2021).

сторонники жесткой линии отделяются от группы, их мотивы часто связаны с властью и прагматизмом, и это наблюдение подтверждается собственно историей раздробленности «Талибана»²⁹⁰. В конце концов, ученые соглашаются с тем, что к группам, наиболее склонным к раздробленности из-за мирных переговоров или любых других внешних факторов, относятся те, которые уже испытывают недостаток сплоченности.

Опираясь на теоретические исследования вопроса фрагментации повстанческих групп, целесообразно сделать промежуточный вывод о том, что сплоченная группа с большей вероятностью будет председательствовать и проводить успешные переговоры, в то время как фрагментированная группа практически никогда в этом не преуспеет. В исследованиях, приведенных выше, «Талибан» классифицируется как относительно сплоченное образование по сравнению с другими современными группировками. Тем не менее, исследователи движения не раз фиксировали рост фракционности в рядах талибов.

Согласно исследованию, которое провели Бакке, Каннингем и Сеймур, усиленная институционализация, проявляющаяся не только в жесткой дисциплине или устранении угроз единству группы, но и в более надежных организационных органах и комитетах, может препятствовать фрагментации. Это частично объясняет, почему движение «Талибан» сохраняло единство в период с 2009 по 2013 год, даже несмотря на приписываемое экспертами участие межведомственной разведки Пакистана (МВР), растущую тенденцию лидеров «Талибана» противостоять пакистанскому контролю путем поиска убежища и финансирования в других местах, а также несмотря на осложнения, вызванные избытком источников финансирования и власти²⁹¹. Поскольку расширение группировки влекло за собой риск роста фракционности, ее руководство активно принимало упреждающие меры: в эти годы основное внимание «Талибана» уделялось

²⁹⁰ Cronin A. K. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. P. 40-44.

²⁹¹ Franco C. *The Evolving Taleban: Changes in the Insurgency's DNA* // Afghanistan Analysts Network. 2013. 19 May. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/the-evolving-taleban-changes-in-the-insurgencys-dna/> (дата обращения: 23.10.2021).

институционализации в военной сфере, что способствовало усилению его горизонтальной сети²⁹².

Разногласия по поводу применения насилия, противоречивые политические позиции в отношении мирных переговоров и пакистанского патронажа, а также грубая борьба за власть усиливались в течение нескольких лет до того, как разразился «идеальный шторм» 2015 года, включающий утечку новостей о смерти муллы Омара, последовавшую внутри «Талибана» борьбу за преемственность и появление афгано-пакистанского ответвления террористической организации «Исламское государство» – группировки «ИГИЛ-Хорасан» (деятельность запрещена на территории РФ). Данный кризис, последовавшая за ним раздробленность и жестокие репрессии талибов в адрес отколовшихся группировок были задокументированы²⁹³. Тем не менее, тенденция к фрагментации была ярко выражена в более ранних ситуациях, описанных выше, материализованных задолго до того, как события 2015 года изменили подходы «Талибана» к удержанию власти. Предположения многих исследователей заключаются в том, что сплоченность талибов напрямую связана с идеологической опорой движения: непоколебимой лояльностью эмиру²⁹⁴. Соответственно, так как росли подозрения, что мулла Омар давно умер, идеологическая основа «Талибана» становилась слабее наряду с доверием членов группировки, которое у некоторых полностью исчезло после того, как появились новости о длительном сокрытии факта смерти муллы Омара.

Вместе с тем ряд событий, произошедших задолго до и почти после раскола 2015 года, дает основания подвергать сомнению эти предположения. К их числу относятся: череда смертей и арестов на высшем уровне в 2006 и 2007 годах, намекавших на конкуренцию; рост преступности и насилия со стороны полевых

²⁹² Amiri R. Helmand: The Chain of Chiefdoms Unravels // Afghanistan Analysts Network. 2016. 11 March. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/helmand-2-the-chain-of-chiefdoms-unravels/> (дата обращения: 23.10.2021).

²⁹³ Watkins A. Taliban Fragmentation: a Figment of Your Imagination? // War on the Rocks. 2019. 4 September. URL: <https://www.warontherocks.com/2019/09/taliban-fragmentation-a-figment-of-your-imagination/> (дата обращения: 23.10.2021).

²⁹⁴ Semple M. Rhetoric, Ideology and Organizational Structure of the Taliban Movement // Peaceworks. 2014. №102. United States Institute of Peace. December. URL: <https://www.usip.org/publications/2015/01/rhetoric-ideology-and-organizational-structure-taliban-movement> (дата обращения: 23.10.2021).

командиров в нарушение наставлений эмира; культивирование некоторыми членами движения внешних связей и финансовых ресурсов, которые противоречили повестке шуры эмира в Кветте. Все это происходило и задолго до смерти муллы Омара, а значит до того, как в разобщенности «Талибана» можно было бы винить подозрения, обман и недостаточную приверженность боевиков идеологии. Наконец, некоторые наблюдатели охарактеризовали нынешнего эмира, Хайбатуллу Ахунзаде как относительно слабого лидера: в первый год его правления многие открыто волновались, что Сираджуддин Хаккани (лидер одноименной сети «Хаккани») подорвет целостность движения, руководствуясь поддержкой Пакистана. Неподтвердившиеся опасения свидетельствуют о том, что положение нынешнего эмира является более сложным: он все чаще полагается горизонтальную сеть руководства²⁹⁵. Покушение на жизнь Ахунзаде (или, по крайней мере, убийство в Кветте его брата) в августе 2019 года, казалось, едва повлияло на настроения руководства «Талибана». Можно было ожидать, что такое оскорбление как покушение на «ядро» движения вызовет более заметную реакцию²⁹⁶. Еще одна точка зрения предполагает, что спорным вопросом, который привел к фрагментации внутри группы в 2015 году, стали продолжительные мирные переговоры, а не раскол, связанный с идеологически обусловленной лояльностью эмиру²⁹⁷. Ряд недовольных сторонников жесткой линии и правда перешел на сторону ИГ из рядов «Талибана», но эти боевики в основном находились в очагах восточных провинций²⁹⁸. В конечном счете, наиболее видные идеологические противники мирных переговоров открыто не вышли из движения, несмотря на целый год напряженности и разобщенности в его руководстве. Более

²⁹⁵ Mashal M., Shah T. Taliban Offer to Reduce Violence in Afghanistan Ahead of Deal with U.S. // The New York Times. 2020. 16 January. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/16/world/asia/afghanistan-taliban-agreement.html> (дата обращения: 26.10.2021).

²⁹⁶ Yousafzai S., Qazi Sh. Brother of Afghan Taliban Leader Killed in Pakistan Mosque Blast // Al Jazeera. 2019. 16 August. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/08/brother-afghan-taliban-leader-killed-pakistan-mosque-blast-190816143737376.html> (дата обращения: 26.10.2021).

²⁹⁷ Smith G. Taliban Factionalism Rises After Mullah Omar's Death // International Crisis Group. 2015. 13 August. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/taliban-factionalism-rises-after-mullah-omar-s-death> (дата обращения: 26.10.2021).

²⁹⁸ Osman B. Toward Fragmentation? Mapping the Post-Omar Taliban // Afghanistan Analysts Network. 2015. 24 November. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/toward-fragmentation-mapping-the-post-omar-taliban/> (дата обращения: 28.10.2021).

того, мулла Расул, самый высокопоставленный перебежчик из движения «Талибан», в 2015 году заявил, что он выступал за мирное урегулирование внутриафганского конфликта²⁹⁹. Кроме того, общеизвестным является тот факт, что мулла Каюм Закир, открыто выступавший против переговоров в предыдущие годы, был возвращен в высшие эшелоны после нескольких лет изгнания³⁰⁰. В то же время руководство «Талибана» подтвердило свою готовность к проведению мирных переговоров в январе 2020 года.

Другой причиной, по которой внутри движения стала нарастать фракционность, была смена внешней поддержки и распределения ресурсов. Начиная примерно с 2009 года ресурсы стали распределяться более равномерно по руководящим шурам в Кветте, Пешаваре, Миран-шахе, Мешхеде и северных провинциях³⁰¹. Модель Бакке, Каннингема и Сеймура в точности предсказывает кризис, который Талибан пережил в 2015 году, с участием «новых организаций, которые возникают, чтобы бросить вызов членам организации, и/или существующих членов, которые выходят из нее»³⁰². Теория Волдермариама также обрисовывает в общих чертах дилемму «Талибана», имевшую место десять лет назад: основные завоевания экстремистского движения, вероятно, вбивают клинья между его группировками. По мере того, как «Талибан» расширял свои возможности на территории Афганистана и по мере того, как развивалась его внутренняя иерархия, движение, образно выражаясь, испытывало «боли роста», связанные с тем, что оно расширилось до такой степени, при которой массовая организация его участников делала его менее сплоченным и более уязвимым для внешних потрясений. Исследование Вольдермариама также нашло подтверждение в ситуации с «Талибаном»: группировка остается сплоченной, пока сохраняется

²⁹⁹ Donati J., Totakhil H. K. Afghan Government Secretly Fosters Taliban Splinter Groups // The Wall Street Journal. 2016. 22 May. URL: <https://www.wsj.com/articles/in-afghanistan-a-secret-plan-pays-off-the-taliban-1463964545> (дата обращения: 26.10.2021).

³⁰⁰ Stancati M., Totakhil H. K., Shah S. Afghan Taliban's Chief Military Commander Steps Down // The Wall Street Journal. 2014. 27 April. URL: <https://www.wsj.com/articles/afghan-talibans-chief-military-commander-steps-down-1398617150> (дата обращения: 28.10.2021).

³⁰¹ Giustozzi A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure // Landinfo. 2017. 23 August. URL: https://www.landinfo.no/asset/3589/1/3589_1.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

³⁰² Bakke K. M., Cunningham K. G., Seymour L. J. A Plague of Initials: Fragmentation, Cohesion, and Infighting in Civil Wars // Perspectives on Politics. 2012. Vol. 10. №2. P. 1-38.

очевидная серьезная внешняя угроза. В таком случае она сохраняет предполагаемую способность обеспечить выживание своих членов и продвижение их интересов. Наконец, выводы Стэниленда о сплоченных группировках, требующих сильной горизонтальной сети связей, имеют решающее значение. В случае «Талибана» основную силу этих горизонтальных связей составляет не лояльность по отношению к эмиру, а сам характер структуры «Махаз» (наличие несколько фронтов) и ее постоянная актуальность, которая поддерживает целостность группировки. В структуре не имеется промежуточных званий, которые могли бы отделить высшее руководство от полевых командиров. «Махаз» функционирует посредством прямого сбора и распределения средств, а также служит преобладающим механизмом привлечения в движение боевиков и поддерживается через личные отношения между руководством. Эта структура сохранила движение нетронутым, несмотря на внешнее давление и внутреннюю фракционность, межплеменную напряженность и национальную экспансию, с которой оно сталкивалось в течение нескольких десятилетий. До 2015 года наблюдался период, когда институциональные реформы внутри «Талибана», по-видимому, заменили его неформальную структуру «Махаз», вплоть до фундаментального порядка его цепи военного командования. Однако в последующие годы движение вернулось к сетям «Махаз», даже несмотря на устойчивый темп институционализации³⁰³. Такое противоречие в организации могло произойти в результате попыток отдельных членов группировки спровоцировать военную децентрализацию, из-за которой была ослаблена сплоченность внутри движения. Вероятно, это связано с тем, что полная военная ориентация «Талибана» лишила бы систему «Махаз» преимуществ, которые она дает каждому члену, находящемуся в руководстве движения. Сохраняя данную структуру, руководство «Талибана» осталось сплоченным, и организация вместо этого усилила институционализацию посредством ориентации на гражданских лиц, регистрации и предотвращения несчастных случаев, а также сотрудничества

³⁰³ Osman B. A Negotiated End to the Afghan Conflict: The Taliban's Perspective // Peaceworks. 2018. №137. United States Institute of Peace. June. URL: <https://www.usip.org/publications/2018/06/negotiated-end-afghan-conflict> (дата обращения: 06.11.2021).

со средствами массовой информации. Данная практика усилила то, что Стэниленд описывает как «вертикальные связи» между боевиками и общинами, которые их принимают. Усилия центрального руководства по введению более строгих мер управления и контроля не дестабилизировали гибкую, сплоченную горизонтальную сеть, которая, как и в первые дни подрывной деятельности движения, по-прежнему предоставляет его местным органам свободу действий во многих вопросах.

Первые противоречия в рядах движения возникли на этапе формирования правительства, особенно когда речь заходила о высокопоставленных должностях³⁰⁴. Политический офис «Талибана» в Дохе (Катар), ответственный за переговоры с США, стремился занять более весомую позицию в правительстве, утверждая, что проведенные на его базе переговоры имели решающее значение для обеспечения триумфального возвращения талибов к власти. Претензии на власть высшего военного руководства проистекали из внезапного и масштабного характера военной операции, охватившей Афганистан летом 2021 года, политический вес их амбициям также придавала гибель десятков тысяч боевиков. Наконец, религиозные деятели движения считали, что мужчины, имеющие опыт и знание «исламского» права, должны занимать руководящие должности – в соответствии с основополагающей миссией движения (т. е. созданием «чистого» исламского государства). Другим спорным моментом в движении был вопрос о том, в какой степени политические деятели или технократы, не являющиеся талибами, должны быть включены в высшие уровни правительства. Предыдущий афганский режим рассматривал подобную репрезентативность в качестве элемента внутривластного урегулирования до тех пор, пока тогдашний президент Ашраф Гани не бежал из Афганистана³⁰⁵.

³⁰⁴ Rahimi H. Taliban Caretaker Government: Good for Internal Cohesion, Bad for Governance // The Diplomat. 2021. 9 September. URL: <https://thediplomat.com/2021/09/taliban-caretaker-government-good-for-internal-cohesion-bad-for-governance/> (дата обращения: 12.03.2024).

³⁰⁵ Manson K. Ghani's Escape Derailed Last-Ditch Deal with Taliban, US Envoy Says // Financial Times. 2021. 15 September. URL: <https://www.ft.com/content/ee113fde-bfc5-417d-b123-2abcf639f95e> (дата обращения: 16.03.2024).

Результатом первого раунда дискуссий стало правительство, состоящее только из членов «Талибана», включавшее все подконтрольные движению избирательные округа, но при этом в нем доминировали религиозные деятели и те, кто занимал должности в кабинете министров первого правительства талибов в 1990-х годах³⁰⁶.

После первоначального формирования кабинета министров в 2021 г. началась частая смена высокопоставленных чиновников, в основном на уровне провинций, а также на должностях заместителей министра и ниже³⁰⁷. В первый год правления «Талибана» эти решения принимались на заседаниях кабинета министров, но со второй половины 2022 года администрация эмира все чаще стала брать назначения под свой контроль.

Другой уровень противоречий в рядах движения «Талибан» касался степени централизации власти. Отношения между центром и периферией долгое время были противоречивой чертой афганской политики, тесно переплетенной с этническим и социальным аспектами³⁰⁸. Происхождение «Талибана» как преимущественно пуштунского движения и его история взаимодействия с другими этническими группами в Афганистане, особенно в 1990-х годах, заложили основу для особенно напряженной динамики субнациональных и межэтнических отношений во всем афганском обществе³⁰⁹.

Несколько высокопоставленных командиров «Талибана» непуштунского происхождения из северного и центрального Афганистана изначально сопротивлялись приказам о передаче своих опорных пунктов, а также мерам по

³⁰⁶ Bahiss I. Who Will Run the Taliban Government? // International Crisis Group. 2021. 9 September. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/who-will-run-taliban-government> (дата обращения: 25.03.2024).

³⁰⁷ Rahimi H. Remaking of Afghanistan: How the Taliban are Changing Afghanistan's Laws and Legal Institutions // Institute of South Asian Studies Working Papers. 2022. 26 July. URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/remaking-of-afghanistan-how-the-taliban-are-changing-afghanistans-laws-and-legal-institutions/> (дата обращения: 27.03.2024).

³⁰⁸ Thier A. The Nature of the Afghan State: Centralization vs. Decentralization // United States Institute of Peace. 2020. November. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/Afghanistan-Peace-Process_Nature-of-the-Afghan-State_Centralization-vs-Decentralization.pdf (дата обращения: 11.06.2024).

³⁰⁹ Akbari F. The Risks Facing Hazaras in Taliban-ruled Afghanistan // George Washington University Program on Extremism. 2022. 7 March. URL: <https://extremism.gwu.edu/risks-facing-hazaras-in-taliban-ruled-afghanistan> (дата обращения: 11.04.2024).

жесткому ограничению фискальных полномочий в их соответствующих регионах³¹⁰. В свою очередь, это привело к серии противостояний с участием местных и внешних сил безопасности, а в некоторых случаях и к гражданским демонстрациям в Фарьябе, Балхабе и Бадахшане³¹¹. Спорные ситуации были урегулированы, но основные проблемы остались нерешенными, и они периодически обостряются в разных провинциях. Например, в Бадахшане напряженность между локальными командирами и внешними силами безопасности «Талибана» усиливалась несколько раз с момента захвата Афганистана талибами летом 2021 года. На протяжении более двух лет Бадахшан находился практически исключительно под контролем местных полевых командиров. Наиболее показательным свидетельством ослабления центрального контроля в Бадахшане служит тот факт, что в 2023 году эта провинция оказалась единственным регионом Афганистана, где объемы производства опийного мака не сократились, а продемонстрировали рост³¹². Как отмечалось выше, в подконтрольном талибам Афганистане периодически происходит ротация должностных лиц на уровне провинций. Подобная тенденция может указывать на желание эмира движения Хайбатуллы Ахундзаде и его приближенных избежать укрепления позиций отдельных лиц и появления внутри движения фракций, которые могли бы противостоять приказам верховного руководства «Талибана». В некоторых случаях смена руководства отражает опасения по поводу коррупции в различных областях, наиболее уязвимой из которых является добыча полезных ископаемых³¹³.

³¹⁰ Raghavan S. A Popular Uzbek Commander Fought for the Taliban for More Than Two Decades. He Was Arrested Anyway // The Washington Post. 2022. 1 February. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/01/taliban-uzbek-afghanistan/> (дата обращения: 11.06.2024).

³¹¹ Rubin B. Afghanistan Under the Taliban: Findings on the Current Situation // Stimson Center. 2022. 20 October. URL: <https://www.stimson.org/2022/afghanistan-under-the-taliban-findings-on-the-current-situation/> (дата обращения: 11.06.2024).

³¹² Mansfield D. Uncharted Territory: Does the Taliban's new edict signal a crackdown on the drugs trade is looming? // Alcis. 2023. 2 November. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/recommended-reading/uncharted-territory-does-the-talibans-new-edict-signal-a-crackdown-on-the-drugs-trade-is-looming/> (дата обращения: 28.07.2024).

³¹³ Changes in Govt Positions Announced by Islamic Emirate // TOLONews. 2024. 7 July. URL: <https://tolonews.com/afghanistan-189620> (дата обращения: 16.08.2024).

Особенность управления, призванная усилить и сохранить централизованный характер и идеологическую чистоту государства еще больше маргинализировала членов «Талибана» непаштунского происхождения³¹⁴. Среди непаштунов по-прежнему распространены опасения по поводу этноцентризма талибов. Более того, подобные настроения возникают даже среди пуштунских членов «Талибана», поскольку существует негласное убеждение, что южные талибы из определенных племен занимают более привилегированное положение по сравнению с другими членами движения³¹⁵. В восточных районах Афганистана, особенно в провинции Нангархар, местные командиры «Талибана» были отстранены от власти в первые недели после захвата власти движением в 2021 году. В Нангархар были перенаправлены командиры из южных провинций из-за опасений по поводу присутствия на его территории террористической группировки «ИГИЛ-Хорасан» и возможного проникновения ее боевиков в ряды «Талибана»³¹⁶. Более чем два года спустя потенциал «ИГИЛ-Хорасан» в провинции резко ослаб, и за весь 2023 год была зарегистрирована крайне низкая активность группировки, однако южане по-прежнему занимают ключевые должности в Нангархаре.

В целом, можно отметить, что контроль над финансовыми ресурсами и вопросами фискального характера является критическим фактором, определяющим, кто в конечном итоге будет обладать властью и авторитетом в правительстве «Талибана». К началу 2023 года стало ясно, что Ахундзаде осуществляет такой же контроль над бюджетными расходами, как и над назначениями и другими важными политическими решениями, что естественным образом отразилось на внутренней политике. Так, исполняющий обязанности министра финансов Хидаятулла Бадри начал протестовать против растущей

³¹⁴ Taliban and National Participation, the Non-Pashtun Commanders Face Segregation // Hasht-e Subh. 2022. 18 October. URL: <https://8am.media/eng/taliban-and-national-participation-the-non-pashtun-commanders-face-segregation/> (дата обращения: 16.08.2024).

³¹⁵ Lieven, A. An Afghan tragedy: the Pashtuns, the Taliban and the state // The International Institute for Strategic Studies. 2021. 3 June. URL: https://www.iiss.org/online-analysis/survival-online/2021/06/afghanistan-taliban/?_id=FF9CEA9BB3364C4EA3F57E2005A6F6D3&_z=z (дата обращения: 16.08.2024).

³¹⁶ Jadoon, A., Mines, A., and Sayed, A. The Enduring Duel: Islamic State Khorasan's Survival under Afghanistan's New Rulers // CTC Sentinel. 2023. URL: <https://ctc.westpoint.edu/the-enduring-duel-islamic-state-khorasans-survival-under-afghanistans-new-rulers/> (дата обращения: 16.08.2024).

привычки Ахундзаде произвольным и бесконтрольным образом распределять бюджетные средства³¹⁷. Насколько можно судить, национальный бюджет талибов имеет дискреционные расходные фонды, выделенные для эмира³¹⁸. Однако Бадри выражал все больше беспокойства из-за беспорядочных внеплановых расходов, в результате чего Ахундзаде сместил его и «понижил» в должности, назначив главой Центрального банка Афганистана³¹⁹. Этот эпизод проиллюстрировал основополагающий принцип несогласия в рядах движения: не против высшей власти эмира, а против того, каким образом он эту власть практикует. Бадри не оспаривал верховенство Ахундзаде над финансовыми вопросами как таковое – он настаивал на том, чтобы вмешательства эмира были структурированными и уместными, и чтобы они не дестабилизировали остальные органы государственной власти.

Однако даже после того, как инцидент с Бадри был исчерпан, государственный бюджет «Талибана» продолжил оставаться закрытым для посторонних глаз. Тем не менее, был выявлен ряд связанных с ним нюансов, в частности, чрезмерно завышенный процент расходов на поддержание сил безопасности – по состоянию на 2022 г. 16,6% бюджета было выделено Министерству внутренних дел, 15,9% – Министерству обороны³²⁰. Предыдущие политические режимы в Афганистане характеризовались тем, что сектор государственной службы при них рассматривался как источник власти и

³¹⁷ Taliban government's Finance Minister resigns over financial misappropriation // Balochistan Post. 2023. March 20. URL: <https://thebalochistanpost.net/2023/03/taliban-governments-finance-minister-resigns-over-financial-misappropriation/> (дата обращения: 01.09.2024).

³¹⁸ Clark K. Taxing the Afghan Nation: What the Taleban's pursuit of domestic revenues means for citizens, the economy and the state // Afghanistan Analysts Network. 2022. September 28. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2022/09/Taleban-Taxation-Final-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

³¹⁹ Hidayatullah Badri Appointed as Afghanistan Central Bank Governor // The Khaama Press News Agency. 2022. 22 March. URL: <https://www.khaama.com/hidayatullah-badri-appointed-as-afghanistan-central-bank-governor/> (дата обращения: 19.09.2024).

³²⁰ Clark K., Shapour R. What Do the Taleban Spend Afghanistan's Money On? Government expenditure under the Islamic Emirate // Afghanistan Analysts Network. 2023. March. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/economy-development-environment/what-do-the-taleban-spend-afghanistans-money-on-government-expenditure-under-the-islamic-emirate-amended/> (дата обращения: 01.09.2024).

покровительства³²¹. В 2023 году в целях борьбы с этим явлением Ахундзаде издал несколько указов, ограничивающих практику nepотизма, которая до прихода к власти талибов широко распространилась в министерствах на республиканском уровне и на уровне провинций³²². Основной вопрос, который на данный момент остается без ответа и может оказаться решающим в управлении как внутренней политикой «Талибана», так и основными политическими решениями в будущем, заключается в том, станут ли ресурсы государства более или менее доступными для его собственных должностных лиц и будут ли они использованы в качестве источника исключительного покровительства.

Характер указов эмира и его способы удержания власти посредством назначений и принятия решений, предполагает стремление создать свод правил и жесткую иерархическую структуру для предотвращения захвата власти конкурирующими силами. Растущая публичность и напористость Ахундзаде заслуживает особого внимания, учитывая его исключительно духовное религиозное прошлое и отсутствие у него оперативного или военного опыта, полученного во время противостояния западным силам.

В этой связи целесообразно задаться вопросом о том, является ли движение «Талибан» и его верховный лидер сильным или слабым в каком-то абсолютном смысле. В относительном выражении после трех лет у власти режим укрепился как один из самых могущественных в новейшей истории Афганистана, хотя, как и любое афганское правительство, он руководит децентрализованным, многообразным с духовной и религиозной точки зрения населением. Виды фракционных разногласий, из-за которых были свергнуты или серьезно ослабли несколько предыдущих афганских режимов, до сих пор сдерживались «Талибаном». Более того, с момента повторного прихода к власти движение не сталкивается с сильной организованной вооруженной оппозицией, которая

³²¹ Clark K. The Cost of Support to Afghanistan: Considering inequality, poverty and lack of democracy through the 'rentier state' lens // Afghanistan Analysts Network. 2020. 29 May. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2020/05/20200528-Rentier-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

³²² Top Afghan Taliban leader issues decree against nepotism // Associated Press. 2023. March 20. URL: <https://apnews.com/article/taliban-afghanistan-government-decree-nepotism-9fbda80fe3f6b84afb4b349fa836788c> (дата обращения: 21.09.2024).

представляет угрозу режиму, не говоря уже о той, которая поддерживается внешними силами. За исключением короткого периода после интервенции под руководством США в 2001 году, в результате которой было свергнуто предыдущий режим «Талибана», и до того, как движение вновь перегруппировалось и возродилось в Пакистане, нынешняя внутренняя и внешняя расстановка сил в целом остается благоприятной для правительства талибов.

Выводы по второй главе

Эволюция движения «Талибан» с середины 1990-х гг. до заключения Дохинского соглашения 2020 года демонстрирует не только его способность к институциональной адаптации и сохранению устойчивости в условиях внешнего давления и внутренних кризисов, но и формирование уникального типа политического режима, известного как «исламский эмират», который можно охарактеризовать как гибридный авторитарно-теократический режим исламского типа. В рамках данного режима религиозно-доктринальные принципы становятся не просто идеологической основой, но и системообразующим элементом институционального порядка, определяющим структуру власти, механизм принятия решений и легитимацию правящих элит.

Постепенная трансформация «Талибана» из военизированного экстремистского формирования в организацию с признаками политической структуры сопровождалась созданием параллельных институтов управления, включая судебные органы, систему налогообложения и социального обеспечения, а также образовательные учреждения. Данные элементы стали основой для создания институционализированной системы исламского управления, функционирующей по принципу шариатского правопорядка и основанной на специфическом сочетании централизованного контроля и локальной автономии. Это позволило движению укрепить позиции в сельских районах и заручиться поддержкой населения на фоне коррупции и слабости центрального правительства.

Мирное соглашение 2020 года закрепило за «Талибаном» статус самостоятельного политического игрока, фактически признав его значимость в национальной политике. Данный опыт демонстрирует, что в условиях кризиса государственности радикальные движения могут трансформироваться в многоуровневые организационные системы, оставаясь при этом верными идеологическим установкам. Этот вывод подчеркивает необходимость анализа не только религиозно-идеологических оснований движения, но и его институциональной динамики, определяющей перспективы политической стабильности и безопасности в регионе.

В результате проведенного исследования представляется обоснованным сделать следующие выводы.

1. Движение «Талибан» представляет собой относительно сплоченное объединение, как это и было на протяжении большей части его истории. Сплоченность является положительным индикатором того, что талибы способны обеспечить определенный уровень внутривнутриполитической стабильности в Афганистане в среднесрочной перспективе. Любая будущая фрагментация движения «Талибан» вероятнее всего будет результатом изменений в его организационной структуре, трансформации механизмов управления, а также перераспределения баланса сил между различными фракциями внутри движения. Потенциальной причиной внутреннего раскола может стать и конфликтная ситуация, в которой интересы отдельных групп перестанут совпадать с интересами руководства движения. Тем не менее, на современном этапе «Талибан» следует охарактеризовать как относительно сплоченное, а не фрагментированное движение.

2. Внутривнутриполитическая динамика в Афганистане после возвращения к власти движения «Талибан» характеризуется сочетанием стремления к централизации власти и необходимостью учитывать традиционные механизмы местного управления. С одной стороны, движение пытается институционализировать власть и сформировать систему вертикального подчинения, с другой – вынуждено балансировать между интересами

региональных элит, полевых командиров и духовенства. Такая динамика снижает вероятность полной консолидации режима, но при этом позволяет ему сохранять гибкость и адаптивность.

3. Устойчивость режима афганских талибов формируется в условиях нестабильной военно-политической обстановки. С одной стороны, «Талибан» демонстрирует способность к удержанию контроля над ключевыми территориями и предотвращению масштабных вооруженных выступлений против центральной власти. С другой стороны, наличие конкурирующих радикальных формирований, прежде всего «ИГИЛ-Хорасан, а также сохраняющаяся угроза вооруженного сопротивления в отдельных регионах страны продолжают создавать вызовы для талибов. Несмотря на это, устойчивость режима обуславливают несколько факторов, главным образом – относительная целостность организационной структуры и способность адаптироваться к меняющимся внешнеполитическим условиям.

Таким образом, в обозримом будущем «Талибан» с высокой долей вероятности сможет сохранить внутреннюю устойчивость и предотвратить глубокую фрагментацию, однако в долгосрочной перспективе консолидация режима будет зависеть от эффективности институционального строительства, способности интегрировать региональные элиты в систему власти и умения минимизировать внутренние конфликты. В этом контексте ключевым фактором для будущего Афганистана становится не столько боевая мощь движения, сколько его способность к политической трансформации и формированию устойчивых механизмов управления.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН» И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Вызовы и угрозы движению «Талибан» в международном контексте

В настоящее время из всех стран мирового сообщества режим движения «Талибан» и возглавляемый им Исламский эмират Афганистан (ИЭА) были официально признаны только Российской Федерацией³²³. Этот шаг наряду с исключением «Талибана» из списка террористических организаций РФ и ряда других стран региона³²⁴ побуждает Кабул все больше ориентироваться на внешние связи в стремлении добиться международного признания. Публично правительство «Талибана» заявляет о полном контроле над ситуацией в Афганистане и соблюдении Дохинского соглашения. Руководство движения утверждает, что не позволяет военизированным экстремистским и террористическим формированиям атаковать другие страны с территории Афганистана, однако данное утверждение неоднократно оспаривалось в аналитических докладах ООН³²⁵.

Опасения того, что страна вновь может стать источником террористических угроз, беспокоят политическое и военное руководство стран Южной и Центральной Азии. Отчасти по этой причине приграничные государства и соседи Афганистана в регионе проявляют большую активность в вопросах взаимодействия с «Талибаном», чем другие международные игроки, поскольку поддержание внутри- и внешнеполитической стабильности на локальном уровне способно снизить риски в сфере безопасности.

³²³ Москва официально признала Исламский эмират Афганистан // ТАСС. 2025. 3 июля. URL: <https://tass.ru/politika/24426417> (дата обращения: 05.07.2025).

³²⁴ Казахстан вывел талибов из списка террористов для экономического сотрудничества // Коммерсант. 2024. 3 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6744872> (дата обращения: 15.12.2024); МИД Киргизии подтвердил исключение «Талибана» из списка запрещенных организаций // ТАСС. 2024. 6 сентября. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21795347> (дата обращения: 15.12.2024).

³²⁵ The Taliban in Afghanistan: Assessing New Threats to the Region and Beyond // United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute. 2022. October 22. URL: <https://unicri.org/sites/default/files/2022-10/The%20Taliban%20in%20Afghanistan%20-%20Assessing%20New%20Threats%20to%20the%20Region%20and%20Beyond.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

Потребность поддержания региональной стабильности прежде всего обусловлена сохраняющимся присутствием на территории Афганистана террористических группировок, деятельность которых может быть направлена против соседних стран. Не менее значимую роль играет и наращивание в перспективе региональных торгово-экономических связей. Об этом свидетельствует тот факт, что более десятка стран, среди которых – Казахстан, Узбекистан, КНР, Турция, ОАЭ, Катар, Германия и др., приняли дипломатов «Талибана» в посольствах Афганистана на своей территории³²⁶. Однако главный вопрос заключается в том, есть ли у талибов воля и ресурсы для предотвращения угрозы, которую региональные и международные террористические организации представляют для других стран.

Официально режим «Талибана» заявляет о своей приверженности предотвращению использования террористическими группировками афганской территории для совершения нападений на другие страны и не считает присутствие иностранных боевиков и военизированных формирований в стране реальной проблемой. Однако способность и готовность афганского правительства выполнять это обязательство по-прежнему вызывают сомнения у экспертного сообщества и находятся под пристальным вниманием.

Так, в последние годы заметно активизировалась террористическая группировка «ИГИЛ-Хорасан», расширяя масштаб вербовочных и подрывных мероприятий далеко за пределы Афганистана. Хотя «ядро» ИГИЛ было

³²⁶ Талибы займут здание посольства Афганистана в Казахстане // ORDA. 2023. 17 апреля. URL: <https://orda.kz/taliby-zajmut-zdanie-posolstva-afganistana-v-kazahstane/> (дата обращения: 19.12.2024); Посольство Афганистана в Узбекистане возглавил представитель “Талибан” // Asia-Plus. 2024. 5 февраля. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20240205/posolstvo-afganistana-v-uzbekistane-vozglavil-predstavitel-taliban> (дата обращения: 19.12.2024); Си Цзиньпин принял верительные грамоты от посла талибов // Ведомости. 2024. 1 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017825-si-tszinpin-prinyal-veritelnie-gramoti-ot-posla-talibov> (дата обращения: 19.12.2024); Turkiye Accepts New Taliban Diplomat For Afghanistan’s Embassy in Ankara // Afghanistan International. 2023. 2 October. URL: <https://www.afintl.com/en/202310025091> (дата обращения: 19.12.2024); Abu Dhabi’s Quiet Engagement in Afghanistan May Ease Taliban Isolation // Middle East Council on Global Affairs. 2025. 26 March. URL: https://mecouncil.org/blog_posts/abu-dhabis-quiet-engagement-in-afghanistan-may-ease-taliban-isolation/ (дата обращения: 19.12.2024); Taliban appoint Shaheen their envoy in Qatar // Amu TV. 2025. 8 January. URL: <https://amu.tv/149475/> (дата обращения: 26.07.2025); Germany Confirms Taliban Diplomats Accepted To Provide Consular Services // Afghanistan International. 2025. 25 July. URL: <https://www.afintl.com/en/202507258520> (дата обращения: 26.07.2025).

разгромлено коалиционными силами под эгидой США в 2019 году, его ответвление в Афганистане и Пакистане демонстрирует устойчивость и, согласно оценкам ООН³²⁷, представляет наибольшую угрозу внутри Афганистана и за его пределами.

Поскольку «Талибан» видит в лице «ИГИЛ-Хорасан» вызов своему правлению, руководство движения позиционирует себя движущей силой в борьбе с данной террористической группировкой, угрожающей безопасности государств не только в регионе, но и за его пределами. Некоторые страны, включая Россию, рассматривают «Талибан» в качестве действенного инструмента сдерживания «ИГИЛ-Хорасан». Талибы, в свою очередь, стремятся использовать это в качестве рычага для получения международного признания.

Говоря о террористической деятельности «ИГИЛ-Хорасан» направленной против национальной безопасности РФ, следует помнить, что в сентябре 2022 года целью боевиков группировки в Афганистане стало посольство РФ в Кабуле³²⁸. Тогда в результате нападения погибли шесть человек, двое из которых были сотрудниками посольства. События 2024 года продемонстрировали, что граница России оказалась сравнительно более проницаемой для операций «ИГИЛ-Хорасан», чем граница Китая. Группировка несет ответственность за нападение на здание подмосковного «Крокус Сити Холла» в марте 2024 года, в ходе которого погибло 145 человек. Контакты России с афганским движением «Талибан» и операции против «Исламского государства» в Сирии и в Сахеле сделали ее приоритетной целью в глазах террористической группировки. Москва прагматично подходит к наращиванию отношений с «Талибаном», в том числе в сфере региональной безопасности. В ходе саммита стран ШОС в июле 2024 года Президент РФ В. В. Путин заявил следующее: «Мы должны исходить из того, что

³²⁷ Тридцать пятый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2734 (2024) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям // ООН. 2025. 12 февраля. URL: <https://docs.un.org/ru/S/2025/71/Rev.1> (дата обращения: 12.02.2025).

³²⁸ Заявление МИД России относительно взрыва в Кабуле // МИД России. 2022. 5 сентября. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/af/1828541/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000982cc028f57cc4be004e784e1da785aa83be7ac5feaed131d340ada5d8eb4a1c0842a1908a1430002870811eda682393c536b6f6288275361d4f4988a645e0d7124d6289b29be4646d493ad2f209f60f21cd4fd1dabc388c (дата обращения: 12.02.2025).

движение «Талибан» контролирует власть в стране [Афганистане]. И в этом смысле талибы, безусловно, для нас союзники по борьбе с терроризмом», добавив: «мы неоднократно получали такие сигналы со стороны движения «Талибан» о том, что они готовы с нами работать и на антитеррористическом треке». Постепенное вовлечение афганских властей в урегулирование проблем в сфере региональной безопасности вызывает острую реакцию со стороны пропагандистов «ИГИЛ-Хорасан»³²⁹. Учитывая, что «Исламское государство» преследует Россию с 2010-х гг., нет никаких признаков того, что эта тенденция ослабнет в обозримой перспективе. Следовательно, поддержание стабильности в сфере региональной безопасности является для российского правительства безусловным приоритетом, поскольку последствия активизации местных террористических формирований представляют угрозу национальной безопасности РФ.

Тем не менее, несмотря на то что «Талибан» выступает против «ИГИЛ-Хорасан» и других группировок, бросающих вызов его режиму, руководство движения по-прежнему проявляет терпимость в отношении других террористических организаций, таких как «Аль-Каида» и «Техрик-е-Талибан Пакистан» (ТТП)³³⁰.

В последние годы «Аль-Каида» сохраняет сдержанную активность как в Афганистане, так и в других странах Южной и Центральной Азии. Согласно оценкам аналитической группы ООН по мониторингу санкций, в Афганистане находится двенадцать высокопоставленных руководителей организации, которые координируют подготовку регионального подразделения «Аль-Каиды» на Индийском субконтиненте, а также боевиков ТТП³³¹. Тем не менее, хотя «Аль-Каида» имеет тренировочные лагеря, медресе и конспиративные квартиры на

³²⁹ Шашок Л. А. Деятельность террористической группировки «ИГИЛ-Хорасан» в Центральной Азии и за ее пределами // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2024. № 6. С. 118-130.

³³⁰ Нессар М. О. Кабул и Исламабад: мифы и реальность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №5(123). С. 219-233.

³³¹ Пятнадцатый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный в соответствии с резолюцией 2716 (2023) по движению «Талибан» и связанным с ним лицам и организациям, представляющим угрозу миру, стабильности и безопасности в Афганистане, S/2024/499 // ООН. 2024. 8 июля. URL: <https://docs.un.org/r/S/2024/499> (дата обращения: 12.02.2025).

территории Афганистана, в настоящее время организация не может осуществлять масштабную террористическую деятельность на больших расстояниях.

Идеологические связи «Талибана» с другими джихадистскими формированиями создают сложную динамику, поскольку у движения есть исторические, идеологические и родовые связи с такими организациями, как «Аль-Каида» и ТТП, что осложняет их позицию в борьбе с терроризмом. Режим талибов поддерживает многоуровневые отношения с региональными и глобальными джихадистскими группами, включая вертикальные и горизонтальные цепочки, которые трудно разорвать. Эти отношения охватывают идеологические, политические, родственные и личные связи, характеризующиеся различными приоритетами и разной степенью экстремизма. Такое внутреннее многообразие может осложнить способность движения проводить согласованную политику, особенно в контексте противодействия международному терроризму.

ТТП остается наиболее активной группировкой боевиков и источником тренировок между Пакистаном и Афганистаном. Неспособность «Талибана» предпринять против нее прямые действия привела к эскалации конфликта, обернувшейся серией пограничных столкновений и неоднократными бомбардировками Пакистаном предполагаемых лагерей ТТП на афганской территории³³². Кроме того, правительства Таджикистана и Узбекистана сохраняют обеспокоенность по поводу экстремистских и террористических группировок, особенно таджикских джихадистских формирований, проходящих подготовку на севере Афганистана³³³.

В этой обстановке меры, принимаемые «Талибаном» для демонстрации приверженности обеспечению безопасности в регионе (а именно: перемещение некоторых группировок дальше от границ, ограничение их передвижения или сохранение их в «спящем» состоянии), мотивированы стремлением движения к

³³² Шашок Л.А. Чем опасны пакистанские удары по Афганистану // Независимая газета. 2024. 21 марта. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-03-21/3_8976_kb.html (дата обращения: 17.02.2025).

³³³ Шашок Л.А. Смена власти в Афганистане как фактор обострения обстановки в сфере региональной безопасности (на примере Таджикистана) // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. №2. С. 127-136.

международному признанию и экономической поддержке. Таким образом, «Талибан» стремится сохранить баланс между выполнением идеологических обязательств перед другими исламистскими организациями, с одной стороны, и ограничением их деятельности в геополитических целях, с другой.

Однако сдерживание дислоцированных на территории Афганистана экстремистских и террористических группировок едва ли может быть достигнуто только за счет превентивных мер. Со стратегической точки зрения стабилизация ситуации требует прежде всего усилий по восстановлению социально-экономической стабильности в Афганистане. Заявленный международный консенсус заключается в том, что восстановление мира и стабильности в Афганистане зависит, прежде всего, от внутренней политики «Талибана», которая должна основываться на принципах инклюзивности власти, смягчении гендерной политики и завоевании доверия со стороны афганского народа. Такие изменения рассматриваются как необходимое условие для поддержания конструктивных отношений с правительством «Талибана» и сдерживания угрозы со стороны экстремистских и террористических группировок.

Хотя контроль движения «Талибан» над Афганистаном в настоящее время консолидирован, его жизнеспособность в качестве органа управления в долгосрочной перспективе остается неопределенной. Выживание талибов в складывающейся политической обстановке зависит от фактической способности руководства движения решать множество социально-политических, экономических и международных проблем.

Ограниченное признание «Талибана» международным сообществом является серьезной стратегической проблемой, стоящей перед ИЭА. Большинство главарей движения считают, что смогут преодолеть последствия санкций и иных ограничений. Правительство талибов усиленно выстраивает диалог с соседними государствами и такими влиятельными глобальными игроками, как Россия и Китай. Однако нежелание подавляющей части международного сообщества признать правительство «Талибана» ограничивает доступ ИЭА к международным финансовым системам, гуманитарной и финансовой помощи. В результате

частичная изоляция препятствует восстановлению Афганистана и отрицательным образом влияет на способность «Талибана» эффективно управлять страной.

Еще одним потенциально конфликтогенным фактором является несогласие с политикой «Талибана» населения Афганистана. Жесткая политика талибов в отношении прав женщин и свободы слова оттолкнула значительные слои афганского населения. Нельзя исключать, что по мере роста общественного недовольства, протестные настроения будут более активно подпитываться движениями сопротивления – как вооруженными, так и гражданскими, с целью подрыва авторитета «Талибана». Без общественной поддержки или механизмов мирных перемен внутренний кризис легитимности способен привести к масштабным последствиям, вплоть до вооруженных восстаний и насильственной смены режима.

Нестабильное состояние экономики также остается серьезной проблемой для правительства «Талибана». Сильная зависимость Афганистана от иностранной помощи была определяющим фактором его экономической стабильности при предыдущем режиме. После прихода к власти «Талибана» наблюдается значительное сокращение иностранной помощи, фактическое отсутствие внутренних источников роста и инвестиций, а также снижение спроса со стороны Пакистана и Индии на афганский экспорт – в результате этих неблагоприятных факторов экономика страны не стабилизируется. Хотя полного экономического коллапса удалось избежать благодаря чрезвычайной гуманитарной помощи, 23,7 миллионов человек, то есть более половины населения Афганистана, остро нуждаются в социально-гуманитарной поддержке³³⁴.

Экономическая стабильность – краеугольный камень выживания любого правительства. Долгосрочное экономическое развитие требует глубоких внутривластных изменений, подразумевающих трансформацию структурных,

³³⁴ Afghanistan 2024 Humanitarian Needs and Response Plan: End-year Response Gap Analysis of Financing, Achievements and Response Challenges (January - December 2024) // UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. URL: <https://www.unocha.org/publications/report/afghanistan/afghanistan-humanitarian-needs-and-response-plan-2024-response-overview-1-january-31-december-2024> (дата обращения: 18.02.2025).

политических, образовательных и экономических институтов. Оценки Всемирного банка последних лет демонстрируют, что высокий уровень бедности, безработица, ограниченные ресурсы и низкая покупательная способность продолжают оставлять миллионы людей в уязвимом положении. Перспективы остаются нестабильными из-за политической неопределенности, финансовых ограничений и нехватки человеческого и материального капитала³³⁵. В отчете Всемирного банка от 4 декабря 2024 года говорится, что обеспечение участия женщин в экономике, усиление мобилизации внутренних ресурсов, поддержание стабильности цен и устранение критического дефицита человеческого капитала, особенно в сфере образования и здравоохранения, и особенно для женщин, будут иметь решающее значение для долгосрочного восстановления и снижения уязвимости к будущим потрясениям³³⁶. Если ИЭА не найдет устойчивых политических, дипломатических и экономических решений, это с высокой долей вероятности повлечет за собой дестабилизацию системы.

Руководство талибов видит источник своего выживания в религиозном фундаментализме, подкрепленном идеологическими единомышленниками и подпитываемом желаемым экономическим развитием, региональной интеграцией и эффективным освоением природных ресурсов страны.

В настоящий момент для движения складывается ряд благоприятных факторов в международной сфере: в частности, приоритетом политики стран Центральной Азии в отношении Афганистана являются экономические интересы, по этой причине она основана на выраженном прагматичном подходе. Однако на данном этапе центральноазиатские правительства с осторожностью подходят к активизации официальных отношений и к вопросу дипломатического признания режима «Талибана». Одновременно руководство стран региона изучает

³³⁵ The Afghanistan Development Update. Unlocking Youth Potential for Resilience and Economic Recovery. April 2025 // World Bank Group. 2025. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/71dd45bbb425564ee41e22e1dc2c2f57-0310012025/original/Afghanistan-Development-Update-April-2025-Final.pdf> (дата обращения: 18.02.2025).

³³⁶ Afghanistan: Economy Shows Modest Growth After Two Years of Severe Contraction, But Recovery Remains Fragile // World Bank Press Release. 2024. December 4. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/04/afghanistan-economy-shows-modest-growth-after-two-years-of-severe-contraction-but-recovery-remains-fragile> (дата обращения: 18.02.2025).

возможности обеспечивать взаимовыгодное экономическое сотрудничество с управляемым талибами Афганистаном, не вызывая антагонизма со стороны международного сообщества. Тем не менее, такое видение может оказаться несбыточным, если не будут решены другие проблемы, включая преодоление изоляции, укрепление внутренней поддержки и развитие регионального сотрудничества. В данный момент не наблюдается значительного вооруженного сопротивления власти «Талибана» ни внутри страны, ни извне. Существующая вооруженная оппозиция и политические голоса в большинстве своем разрознены или дискредитированы. Большая часть населения и внешние силы считают дестабилизацию и гражданскую войну в Афганистане нежелательным сценарием, который существенно осложнит усилия по обеспечению региональной безопасности и противодействию терроризму.

В настоящее время наиболее заметной помехой режиму талибов является «ИГИЛ-Хорасан», однако данная террористическая группировка воспринимается афганским правительством скорее как раздражитель, а не как серьезная угроза его правлению. Тем не менее, ситуация может измениться не в пользу движения. Между антиталибской оппозицией и частью международного сообщества (преимущественно странами Запада) существует устойчивый консенсус относительно содействия политическому урегулированию в Афганистане.

Однако такое решение предполагает выполнение ряда условий. Первое предполагает принятие талибами факта наличия оппозиции и установление диалога с ее представителями, что в нынешних условиях маловероятно. Во-вторых, оппозиция должна сформировать сплоченное объединение, выступающее единым фронтом. В конечном счете, должен появиться региональный и международный катализатор для содействия выполнению первых двух условий. Генеральный секретарь ООН предлагал этот процесс в ходе нескольких встреч с региональными представителями в Дохе (2023 – 2024 гг.), однако прогресса достигнуто не было.

Несмотря на то, что в текущих условиях разрозненная афганская оппозиция не демонстрирует политической жизнеспособности, ситуация может измениться при гипотетическом ослаблении режима «Талибана» в случае усиления в его рядах

фрагментации, а также роста недовольства среди афганского населения. В таком случае высока вероятность сценария, при котором ситуацией воспользуются внешние игроки, способные поддержать оппозиционные формирования финансовыми и иными материальными ресурсами, а также использовать их в качестве прокси-сил для достижения собственных политических интересов.

Таким образом, решающее значение в поддержании жизнеспособности движения «Талибан» как политической силы будет играть наращивание отношений с соседними государствами, особенно в вопросах безопасности, таких как сдерживание экстремистских и террористических группировок на территории Афганистана. Способность «Талибана» заверить соседние страны в том, что он не позволит использовать свою территорию для террористической деятельности, станет решающим фактором в установлении мирных и основанных на сотрудничестве отношений с международным большинством.

3.2. Национальные интересы России в современном Афганистане

Политика Российской Федерации в отношении Афганистана претерпела значительные трансформации в первой четверти XXI века, что было обусловлено изменениями в международной обстановке, региональной безопасности и собственными стратегическими приоритетами официальной Москвы.

Вызовы и угрозы, с которыми столкнулся регион на рубеже столетий, представляли собой последствия вывода из Афганистана советских войск, охватившей страну гражданской войны и приход к власти движения «Талибан» – все это радикальным образом изменило геополитическую среду Центральной Азии. Для России, как правопреемницы СССР и ключевого игрока в регионе, этот рубеж означал необходимость переосмысления подходов к Афганистану – от прямого военного присутствия к смешанным инструментам влияния: дипломатии, координации работы спецслужб, взаимодействия с региональными партнерами и, в частности, с западными странами после событий 11 сентября 2001 года.

Ключевым интересом России в тот период было предотвращение распространения на ее территории радикальной исламистской идеологии, нейтрализация угрозы со стороны региональных террористических группировок, а также недопущение того, чтобы нестабильность в Афганистане спровоцировала цепную реакцию, способствуя активизации подрывной деятельности в Центральной Азии и РФ. Все эти факторы послужили стимулом для укрепления сотрудничества со странами региона и для переговоров со странами западной коалиции по афганской проблематике.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. Россия активизировала контакты со спецслужбами других государств по обмену информацией, мониторингу передвижений радикальных элементов и по ограничению деятельности иностранных боевиков в регионе. Поддержка оппозиционного талибам «Северного альянса» и взаимодействие с правительствами сопредельных Афганистану постсоветских республик стали частью комплексной стратегии Москвы по сдерживанию угроз региональной безопасности. После терактов 11 сентября Россия поддержала начало антитеррористической операции сил международной коалиции, рассматривая ее в большей степени как возможность защитить собственные интересы, а не как сближение с США.

В 1990-е гг. Афганистан стал крупнейшим мировым производителем опиатов. Наркотрафик осуществлялся по маршрутам, пролегающим через северные провинции страны, и далее через Таджикистан и Узбекистан в Россию и Европу. Москва расценивала данную проблему как угрозу роста организованной преступности и дестабилизации политической обстановки в приграничных государствах. Поэтому для российской стороны были приоритетными инициативы, направленные на противодействие незаконному обороту наркотических веществ и поддержку региональных партнеров.

Потеря контроля над ситуацией в Афганистане воспринималась как прецедент ослабления российского влияния в Центральной Азии, что стимулировало правительство усиливать дипломатические и военные меры для удержания своих позиций.

Теракты 11 сентября и последовавшие за ними перемены ускорили перераспределение приоритетов. Россия видела в антитеррористической операции США инструмент защиты собственных интересов в Центральной Азии, что, в свою очередь, дало пространство для прагматичного сотрудничества в области безопасности и обмена разведданными. Вместе с тем Москва проявляла умеренную настороженность по поводу долговременного присутствия США в регионе и стремилась сбалансировать позиции. Однако спустя десятилетие после развала СССР и экономического кризиса 1990-х гг. Россия по объективным причинам не была в состоянии активно инвестировать в восстановление Афганистана или развертывание на территории страны крупного военного контингента, как это было в 1980-е гг. при советской власти.

Поддержка оппозиционных «Талибану» формирований (главным образом «Северного альянса») и сотрудничество с сопредельными Афганистану государствами приносили локальные результаты, но не решали его структурных проблем политической и экономической сферы. Таким образом, Россия могла поддерживать региональную стабильность, но внутренние проблемы, с которыми сталкивалось российское руководство в 1990-е гг., не позволяли ей вовлекаться юридически и политически в решение вопроса легитимности внутри Афганистана.

Таким образом, на рубеже XX и XXI веков были сформированы приоритеты России в афганском вопросе: ключевым среди них стало обеспечение региональной безопасности и предотвращение переноса угроз в постсоветское пространство. Основными инструментами достижения этих целей стали региональная дипломатия, прагматическое взаимодействие с иностранными государствами, в том числе посредством обмена разведданными. При этом такие события, как распад СССР, гражданская война в Афганистане и последующий приход к власти в стране движения «Талибан», а также теракты 11 сентября сформировали структуру интересов, которая позволила России и в дальнейшем маневрировать между сотрудничеством с Западом и усилением влияния через централизованные форматы и двусторонние контакты со странами региона.

После терактов 11 сентября, ввода на территорию Афганистана иностранного военного контингента под эгидой США и последующего падения режима талибов, формирование в стране новой политической системы под патронажем международных сил открыли перед Москвой новые возможности для переосмысления подходов к афганскому вопросу.

Афганистан для Российской Федерации традиционно являлся и остается не только объектом внешнеполитического интереса, но и важным элементом стратегии обеспечения национальной безопасности, особенно в контексте угроз, исходящих с южных рубежей, а именно: международного терроризма, незаконного оборота наркотиков и дестабилизации политической обстановки в странах Центральной Азии. При этом афганское направление стало одной из немногих областей, в которых Москва в начале XXI века проявляла готовность к сотрудничеству с Западом, прежде всего с США, в рамках глобальной «войны с террором»³³⁷.

Вместе с тем постепенное изменение международной обстановки, рост противоречий между Россией и Западом, а также внутренние трансформации в самом Афганистане привели к корректировке подходов Москвы к политическому взаимодействию по ряду вопросов. Анализ российской политики в Афганистане в период после событий 2001 года позволяет выявить как долгосрочные интересы и цели РФ, так и эволюцию инструментов их достижения в условиях меняющейся региональной и глобальной повестки.

В первые месяцы после терактов 11 сентября 2001 года и начала операции «Несокрушимая свобода» Россия выразила поддержку действий международной коалиции, поскольку свержение режима талибов и ликвидации инфраструктуры «Аль-Каиды» совпадали с интересами Москвы в области обеспечения безопасности³³⁸. Поддержка результатов Боннской конференции в декабре 2001

³³⁷ Гашимов Г. Б. Внешняя политика Российской Федерации в отношении Афганистана: проблемы безопасности (конец XX — начало XXI века) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 85.

³³⁸ Сафранчук И. А. Россия и война в Афганистане: от поддержки международной коалиции до самостоятельной стратегии. // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 6. С. 35-47.

года, а именно включения в состав временного правительства Афганистана союзников России в лице значительного числа представителей «Северного альянса», отражали стремление Москвы сохранить влияние на политическую ситуацию в Афганистане³³⁹.

Кроме того, в этот период Россия сосредоточилась на восстановлении своих позиций в Афганистане через проекты в экономической и гуманитарной сферах. В частности, Москвой был списан долг в размере около 11 млрд. долл. Кроме того, Россия принимала участие в ремонте ключевых объектов энергетической инфраструктуры, построенных еще при советской власти, включая туннель Саланг и гидроэлектростанцию Наглу. Москва осуществляла поставки электроэнергии и строительного оборудования через территорию государств Центральной Азии, а также передавала вооружение и военную технику в распоряжение афганских вооруженных сил, обеспечивая при этом подготовку и повышение квалификации офицерского состава³⁴⁰. Таким образом, помощь носила системный характер и сопровождалась политической поддержкой правительства Хамида Карзая.

После 2001 года Российская Федерация столкнулась с вызовом в лице резкого увеличения объемов производства опиатов на территории Афганистана, что создавало серьезные угрозы национальной и региональной безопасности. В ответ Москва инициировала совместные с НАТО проекты, предусматривавшие подготовку кадров для афганских правоохранительных органов, а также обеспечила передачу вертолетов Ми-17, предназначенных для проведения операций по пресечению деятельности наркоторговцев³⁴¹. По линии ОДКБ Россия усилила военное присутствие в Таджикистане и Киргизии, формируя своеобразный «санитарный кордон» на южных рубежах³⁴².

³³⁹ Тренин Д.В. Российская внешняя политика в 1992–2009 годах // История новой России. URL: <https://dcmprx.remotevs.com/ru/ru-90/PL/node/1284?> (дата обращения: 06.04.2025).

³⁴⁰ Бахадари А. Ф. Постталибский Афганистан и его отношения с Россией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 3. С. 128-140.

³⁴¹ Степанова Е. А. Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана // Pro et Contra. 2013. Т. 17. № 6 (61). С. 102-119.

³⁴² Князев А. А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). Душанбе : Дониш, 2004. 164 с.

К середине 2000-х гг. в отношениях между Россией и Западом в афганском вопросе стала наблюдаться отрицательная динамика. В первую очередь это было обусловлено тем, что Москва стала воспринимать пролонгированное присутствие США и НАТО в Центральной Азии как инструмент геополитического давления, подрывающий позиции России и ее союзников³⁴³. Во-вторых, разочарование в стратегии Запада усилилось на фоне стремительного роста в Афганистане производства опиатов и значительного увеличения объемов наркотрафика через страны Центральной Азии, что рассматривалось как прямая угроза национальной безопасности РФ³⁴⁴. В-третьих, Запад отдавал предпочтение двусторонним соглашениям и военно-политическим инициативам, игнорируя многосторонние региональные форматы в пользу механизмов НАТО. Это усиливало восприятие Афганистана в качестве центра геополитического противостояния. Кроме того, охлаждению отношений между Россией и Западом способствовала череда «цветных революций» в Грузии (2003), Украине (2004) и Киргизии (2005)³⁴⁵, расширение НАТО на восток (2004)³⁴⁶, а также критика западными странами внутренней политики России.

Афганистан оказался одним из направлений, где нарастающее недоверие и конкуренция стали проявляться в ограничении сотрудничества и усилении враждебной риторики. В итоге, к середине 2000-х гг. российская политика в афганском направлении стала более самостоятельной за счет участия в международных организациях, координированной борьбы с наркоугрозой и сдерживания западного военного присутствия.

³⁴³ Караганов С. А. Центральная Азия: возвращение России // Российская газета. 2005. 9 декабря. URL: <https://rg.ru/2005/12/09/asia.html> (дата обращения: 09.04.2025).

³⁴⁴ Лукин А. В. Центральная Азия и Афганистан в стратегии России // Международная жизнь. 2011. № 7. С. 51-58.

³⁴⁵ Наумов А. О. "Мягкая сила", "цветные революции" и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 274 с.

³⁴⁶ Суслов Д. В. 20 лет назад произошло крупнейшее расширение НАТО на восток. Как политика США привела к военному конфликту на Украине? Российский совет по международным делам. 29.03.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/20-let-nazad-proizoshlo-krupneyshee-rasshirenie-nato-na-vostok-kak-politika-ssha-privela-k-voennomu-/?sphrase_id=151626956 (дата обращения: 20.04.2025).

На фоне обострения конфронтации Россия стала активнее продвигать собственные инициативы по стабилизации ситуации в Афганистане через региональные объединения, минимизируя зависимость от западных форматов что усиливало у Москвы стремление к самостоятельной стратегии, направленной на укрепление безопасности на южных рубежах³⁴⁷.

Начиная с 2005 года, на фоне роста напряженности в отношениях с Западом, Россия стала продвигать идею решения афганской проблемы на региональном уровне, с опорой на институты ШОС и ОДКБ. Москва активно использовала площадки многосторонней дипломатии, в том числе ШОС, для координации усилий по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, а также для обсуждения перспектив экономической интеграции Афганистана в региональные инфраструктурные проекты³⁴⁸. Через механизмы ОДКБ Россия усилила военное присутствие в Таджикистане и Киргизии, формируя своего рода «пояс безопасности» на южных рубежах постсоветского пространства³⁴⁹.

Одним из приоритетов российской дипломатии стало продвижение идеи многостороннего урегулирования с участием не только западных стран, но и ведущих региональных игроков. Российская сторона выступала за вовлечение Китая, Индии, Ирана и Пакистана в обсуждение афганской проблематики, что позволяло формировать более сбалансированную архитектуру безопасности в Центральной и Южной Азии. В Москве на регулярной основе проводились многосторонние консультации³⁵⁰ с участием представителей сопредельных Афганистану государств, международных организаций и афганских политических сил³⁵¹. При этом параллельно велась работа по установлению и поддержанию

³⁴⁷ Чернявский С.И. Центральная Азия в эпоху перемен // Россия в глобальной политике. 2005. №6. С. 152-165.

³⁴⁸ Лузянин С. Г., Сафронова Е. И. Перспективы развития стратегии ШОС. Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 79.

³⁴⁹ Князев А. А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). 164 с.

³⁵⁰ Гарбузарова Е. Г. Стратегия России в Афганистане и безопасность Центральной Азии // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол, Чита, 18 сентября 2019 года. Том. Часть 2. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 32-35.

³⁵¹ سخنرانى مولوى امير خان متقى وزير امور خارجه ا.ا.ا. در ششمین نشست فارمت مشورتى مسکو 10.04.2024. URL: <https://mfa.gov.af/fa/28695> (дата обращения: 21.06.2025).

прямых каналов связи с представителями Афганистана, от официальных государственных структур до полевых командиров и глав этнических общин. Такой комплексный подход обеспечивал России гибкость и снижал зависимость от форматов, инициированных США и их союзниками, позволив диверсифицировать каналы дипломатического взаимодействия.

По мере нормализации внутривосточной ситуации в Афганистане экономическая составляющая российско-афганских отношений стала еще одним ключевым направлением внешнеполитической стратегии Москвы. Если в начале 2000-х гг. приоритет отдавался вопросам безопасности, то постепенная стабилизация обстановки в отдельных районах Афганистана позволила России рассмотреть возможность реализации долгосрочных проектов в сфере торговли, инфраструктуры и энергетики. Данный вектор рассматривался Россией как инструмент создания устойчивых каналов взаимодействия, способных снизить уровень региональных угроз и расширить экономическое присутствие России в Центральной и Южной Азии³⁵². Для этого Москва задействовала транспортно-логистические маршруты, пролегающие через территорию государств Центральной Азии, для обеспечения поставок в Афганистан электроэнергии, строительного и иного инженерно-технического оборудования³⁵³. Российская сторона демонстрировала заинтересованность в развитии долгосрочных инфраструктурных и энергетических проектов. В частности, рассматривалась перспектива интеграции Афганистана в региональные транспортные и энергетические коридоры, такие как «Север – Юг», китайская инициатива «Пояс и Путь», ТАПИ, CASA-1000 и др.³⁵⁴. Подобная стратегия позиционировалась в качестве инструмента укрепления экономического взаимодействия и обеспечения комплексной региональной безопасности.

³⁵² Лебедева М.М. Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект Пресс, 2016. 224 с.

³⁵³ Малышева Д. Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 259-272.

³⁵⁴ Лузянин С. Г., Сафронова Е. И. Перспективы развития стратегии ШОС. Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России. 304 с.

После завершения операции Международных сил содействия безопасности (ISAF) под эгидой НАТО в декабре 2014 года и сокращения численности иностранного военного контингента до 13000 военнослужащих³⁵⁵ контроль над территорией начали перераспределять между собой правительственные силы и вновь набирающее силу движение «Талибан». В этих условиях Россия, рассматривая Афганистан как источник нарастающей угрозы (терроризм, наркотрафик, нелегальная миграция), активизировала усилия по обеспечению безопасности на его северных рубежах, граничащих с Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменистаном. Хотя формального «пояса безопасности» в виде единого военно-политического блока сформировано не было, Москва реализовала комплекс мер, направленных на укрепление периметра Центральной Азии³⁵⁶.

Ключевым инструментом российской политики в области обеспечения региональной безопасности стала ОДКБ. В рамках комплекса мероприятий государствами-членами организации были проведены совместные учения «Рубеж-2014», «Несокрушимое братство-2014», «Взаимодействие-2014» с упором на отработку сценариев отражения вторжения боевиков³⁵⁷. В тот же период была проведена модернизация 201-й военной базы в Таджикистане, ставшей главным форпостом РФ у афганской границы³⁵⁸. Кроме того, Москва поставляла вооружение и военную технику странам-союзникам, в частности, Таджикистану, для укрепления его пограничной инфраструктуры³⁵⁹.

Тем не менее, в последующие годы стал сильнее прослеживаться интерес российского руководства к использованию инструментов многостороннего

³⁵⁵ Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures // NATO. 2015. May. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_05/20150508_1505-RSM-Placemat.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

³⁵⁶ Коновалов М. А. Афганистан после 2014 года // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. №3. С. 242-253.

³⁵⁷ Военный комитет ОДКБ рассмотрел вопросы усиления механизмов защиты от внешних угроз и создание Единой системы ПВО-ПРО // ОДКБ. 2014. 18 ноября. URL: https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/voennyu_komitet_odkb_rassmotrel_voprosy_usileniya_mekhanizmov_zashchity_ot_vneshnikh_ugroz_i_sozdani-4148/ (дата обращения: 24.04.2025).

³⁵⁸ Россия предоставит Таджикистану и Киргизии военно-техническую помощь на миллиарды рублей // Интерфакс. 2014. 9 апреля. URL: <https://www.interfax.ru/world/370572> (дата обращения: 24.04.2025).

³⁵⁹ Филоненко А. Е. Военное и военно-техническое сотрудничество России со странами Центральной Азии на современном этапе // Казачество. 2016. №3 (16). С. 7-16.

дипломатического урегулирования. Так, в 2017 году был инициирован «Московский формат» – многосторонний переговорный механизм, участниками которого стали Афганистан, Китай, Пакистан, Индия, Иран и страны Центральной Азии. Целью «Московского формата» было создание регионального консенсуса и продвижение мирного диалога³⁶⁰. Вместе с тем Москва активизировала работу с ООН, поддерживая резолюции Совета Безопасности о продлении мандата Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА)³⁶¹, что отражало ее заинтересованность в международно-дипломатическом решении афганского кризиса.

По мере расширения контроля движения «Талибан» над афганской территорией во второй половине 2010-х гг. российское руководство, осознавая растущее политическое влияние талибов, постепенно начало наращивать неформальные контакты с в том числе с представителями движения, посещавшими Москву³⁶². Это не означало легитимации «Талибана», однако уже тогда отражало прагматичный подход Москвы к противодействию региональным угрозам. Спецпредставитель президента РФ по Афганистану Кабулов З.Н. отмечал готовность к политическому диалогу с талибами при выполнении движением ряда условий: «Если талибы признают конституцию Афганистана, прекратят вооруженную борьбу и прервут связи с международными террористическими группировками, то получают право стать политической силой в стране»³⁶³.

Падение прозападного режима в Кабуле и бегство президента Гани А. ознаменовали окончательный переход власти в Афганистане под контроль движения «Талибан». Примечательно, что на фоне начавшегося захвата власти

³⁶⁰ Нессар М. О. Афганистан в преддверии Московского формата. Россия в глобальной политике. 2018. 23 августа. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/afganistan-v-preddverii-moskovskogo-formata/> (дата обращения: 24.04.2025).

³⁶¹ Security Council Authorizes Year-Long Mandate Extension for United Nations Assistance Mission in Afghanistan, Adopting Resolution 2344 (2017) // United Nations. 2017. 17 March. URL: <https://press.un.org/en/2017/sc12756.doc.htm> (дата обращения: 26.04.2025).

³⁶² Степанова Е.А. Мирный процесс по Афганистану и роль России // Пути к миру и безопасности. 2019. № 2(57). С. 21-33.

³⁶³ Кабулов З.: Афганскую проблему быстро решить невозможно // Анадолу. 2016. 16 ноября. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/заголовки-дня/замир-кабулов-афганскую-проблему-быстро-решить-невозможно/685810> (дата обращения: 26.04.2025).

талибами российская дипломатическая миссия в Кабуле продолжила работу – в отличие от западных, спешно свернувших свою деятельность³⁶⁴. Это решение было в первую очередь обусловлено такими стратегическими интересами, как сохранение дипломатического присутствия в регионе, а также опасениями по поводу потенциальной дестабилизации северных провинций Афганистана, граничащих с Таджикистаном и Узбекистаном (зоны интересов РФ и ОДКБ)³⁶⁵.

В сфере политико-дипломатических отношений Москва, несмотря на отсутствие официального признания режима «Талибана», продолжила предпринимать шаги по интеграции движения в многосторонние переговорные форматы³⁶⁶.

Итак, в период с 2014 по 2021 гг. Россия последовательно придерживалась стратегии прагматичного взаимодействия и взвешенной дипломатии в отношении Афганистана. Вначале это выражалось в укреплении «северного вектора» и механизмов поддержания региональной безопасности (ОДКБ и ШОС), затем переросло в налаживание диалога с «Талибаном» на фоне внутривосточной нестабильности в Афганистане, роста террористической угрозы и риска ее распространения на сопредельные государства. После падения прозападного режима Исламской Республики Россия сохранила дипломатическое присутствие на территории Афганистана и инициировала взвешенный диалог с новой властью, делая акцент на поддержании безопасности, сотрудничестве в гуманитарной сфере и региональной интеграции. Данная стратегия характеризуется отказом от прямого вмешательства и одновременно обеспечивает активное присутствие Москвы в дипломатической и экономической плоскости, с возможностью продолжать обеспечивать стабильность в регионе Центральной Азии и сохранять контроль над потенциальными угрозами, исходящими с территории Афганистана.

³⁶⁴ О ситуации в Афганистане: сообщение для СМИ // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2021. 16 августа. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4840428 (дата обращения: 29.04.2025).

³⁶⁵ Мачитидзе Г. Г. Афганский излом в зеркале российской политики: Россия и движение «Талибан» // Россия и современный мир. Москва. 2022. №1 (114). С. 6-21.

³⁶⁶ Там же

В итоге политика России в отношении Афганистана в первой четверти XXI века приобрела многомерный характер, сочетая в себе дипломатическое посредничество, присутствие в регионе ограниченного военного контингента, противодействие незаконному обороту наркотиков и наращивание экономических связей. Основными целями данной стратегии являлись поддержание стабильности в сопредельных регионах, минимизация трансграничных угроз и участие в разработке новой модели взаимодействия со странами Центральной и Южной Азии³⁶⁷.

Анализ российско-афганских отношений после падения режима «Талибана» в 2001 году позволил выделить несколько устойчивых тенденций во внешнеполитическом курсе России.

Во-первых, на начальном этапе (2001 – 2005 гг.) афганское направление стало одной из немногих сфер конструктивного взаимодействия Москвы и западных государств в рамках борьбы с международным терроризмом и стабилизации постконфликтного пространства.

Во-вторых, уже к середине 2000-х гг. российская стратегия продемонстрировала тенденцию к переориентации на более автономную и регионально ориентированную модель. Усиление взаимодействия в рамках многосторонних структур, прежде всего ШОС и ОДКБ, а также акцент на противодействии угрозе терроризма и наркотрафика свидетельствовали о стремлении снизить зависимость от западных форматов и обеспечить безопасность южных рубежей посредством региональной интеграции.

В-третьих, опыт 2001 – 2014 гг. продемонстрировал, что Афганистан представлял для России не только источник вызовов, но и площадку для укрепления дипломатических позиций в Центральной и Южной Азии, а также инструмент влияния на более широкие геополитические процессы³⁶⁸. Накопленные в этот период политические связи, реализованные инфраструктурные проекты и

³⁶⁷ Мальшева Д. Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 105-125.

³⁶⁸ Агазаде М. М., Бейсебаев Р. С., Белов В. И. [и др.]. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2024. 312 с.

созданные механизмы взаимодействия заложили основу для дальнейшего вовлечения Москвы в афганское урегулирование уже после возвращения талибов к власти в 2021 году.

Таким образом, российская политика в Афганистане после 2001 года представляла собой гибридную модель, включающую международное сотрудничество, распространение влияние в регионе и защиту национальных интересов. Гибкость этой модели и способность адаптироваться к меняющейся внешнеполитической конъюнктуре обусловили ее значимость в контексте исследований современной архитектуры евразийской безопасности.

3.3. Основные направления российско-афганских отношений в новых условиях международной обстановки

Последние годы продемонстрировали неоспоримую роль Российской Федерации в формировании нового мироустройства, подрывающего основы многолетней западной гегемонии. Осознанное исключение движения «Талибан» российскими властями из списка террористических организаций и последующее дипломатическое признание нового афганского режима свидетельствуют о многовекторном подходе Москве к решению глобальных и региональных геополитических вопросов. Таким образом, признав новый Афганистан, Россия в очередной раз продемонстрировала готовность взять на себя ведущую роль в обеспечении стабильности Евразии.

С другой стороны, категорическое нежелание западного сообщества вступать в конструктивный диалог с нынешним афганским правительством свидетельствует о нежелании принять новую долгосрочную реальность, неотъемлемой частью которой стало движение «Талибан». Подобное отношение во многом обусловлено тем, что в понимании стран Запада самобытный путь развития Афганистана не коррелирует с вопросами их собственной безопасности или

экономическими интересами³⁶⁹. При этом нахождение у власти нового правительства, не являющегося лояльным западным принципам, мало предсказуемо, в связи с чем Запад лишается рычагов давления в регионе, находящемся в непосредственной географической близости от таких мировых держав, как Россия, Китай и Индия. Несмотря на уход сил международной коалиции, США стремятся сохранять косвенное влияние в Афганистане, из-за чего вопрос баланса сил в регионе представляет для Москвы еще большую актуальность.

Решительные действия российских властей способны побудить другие государства сделать аналогичные шаги, побуждая к признанию режима талибов региональных игроков, прежде всего сопредельные государства Центральной Азии. Однако в большей степени на пересмотр международного статуса движения «Талибан» и перспективу его интеграции в международное сообщество способны повлиять аналогичные шаги со стороны Китая, Пакистана или Индии.

Учитывая текущую геополитическую ситуацию, а именно ожесточенное противостояние между Россией и Западом, в случае с Афганистаном не исключено возвращение к парадигме «Большой игры», которая, с учетом современных гибридных подходов к противоборству, будет претерпевать колоссальные трансформации.

Несмотря на видимые преимущества конструктивного диалога с нынешней афганской властью, усиление взаимодействия между РФ и Афганистаном в первую очередь требует учета рисков и осознания того, что данное движение придерживается радикальных исламистских взглядов. Несмотря на то, что «Талибан» принято считать национально-ориентированным движением пуштунов, не стремящимся к экспансии за пределы Афганистана, в историческом контексте не стоит забывать о том, что в 2000 г. «Талибан» по идеологическим соображениям встал на сторону чеченских сепаратистов, установив «полномасштабные

³⁶⁹ Сафранчук И. А., Конаровский М. А., Мачитидзе Г. Г. [и др.]. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность // Евразийские Стратегии МГИМО Консалтинг. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/afganistan-posle-smeny-rezhima-vnutrennjaja-i-mezhdunarodnaja-neopredelennost> (дата обращения: 30.04.2025).

дипломатические отношения» с непризнанной Чеченской Республикой Ичкерией (запрещена в РФ)³⁷⁰.

Необходимо отметить, что движение талибов фактически продолжает поддерживать контакты с региональными и международными террористическими организациями (прежде всего, «Аль-Каидой»). Не исключено, что в дальнейшем подобные связи смогут негативным образом повлиять на региональную динамику, особенно в случае усиления противоречий между «Талибаном» и соседними государствами. Здесь важно четко понимать, какого курса в дальнейшем будут придерживаться талибы во внутренней и внешней политике и к каким инструментам ее реализации они будут прибегать, особенно в случае ослабления собственного влияния.

Вторым существенным фактором риска является продолжающаяся активность на территории Афганистана подрывной деятельности террористической группировки «ИГИЛ-Хорасан», которая в открытую транслирует антироссийский нарратив. Особенно следует учитывать, что «ИГИЛ-Хорасан» ведет массовую вербовку боевиков и сторонников в республиках Центральной Азии, граждане которых преобладают среди трудовых мигрантов, прибывающих в РФ. Таким образом, существуют обоснованные опасения, что углубление связей между Москвой и движением «Талибан» может усилить антироссийскую риторику экстремистских и террористических формирований, представляющих угрозу национальной безопасности РФ.

К положительным последствиям развития контактов с Афганистаном можно отнести наращивание влияния РФ в регионе в рамках концепции «Большого Евразийского партнерства» (БЕП), ставшей ключевой составляющей региональной политики Москвы³⁷¹. Среди целей, преследуемых в рамках БЕП, ключевое место

³⁷⁰ Конаровский М. А. Дорога в семь тысяч дней. М.: Арктика 4Д, 2015. 460 с.

³⁷¹ Бордачев Т. В. Россия, Большая Евразия и современная международная политика // Российский совет по международным делам. 2024. 8 февраля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-bolshaya-evraziya-i-sovremennaya-mezhdunarodnaya-politika/> (дата обращения: 30.04.2025); Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. №3. С. 82-95.

занимает формирование зон свободной торговли и межрегиональных торгово-экономических союзов, а также объединение интеграционных проектов на всем обширном евразийском пространстве, частью которого, безусловно, является Афганистан.

Более того, у Российской Федерации есть возможность укрепить свои дипломатические позиции в регионе, например, став медиатором в разрешении таких локальных разногласий, как распределение водных ресурсов в Центральной Азии. Особую актуальность в данном контексте представляет строительство талибами канала Куш-Тепа на реке Амударья, вызывающее опасения по поводу ее обмеления у расположенных ниже по течению Узбекистана и Туркменистана³⁷². Несмотря на видимые преимущества наращивания взаимоотношений с движением «Талибан», прежде всего необходимо учитывать и вышеперечисленные риски, так как радикальная идеология руководства движения, равно как и напряженная обстановка в Афганистане и вокруг него, могут привести к неблагоприятным последствиям.

Однако, видя перспективы зарубежных инвестиций в афганскую экономику, а также возможности развития за счет них промышленной и социальной инфраструктуры, возможности увеличения числа рабочих мест для местного населения и роста уровня жизни, правительство движения «Талибан» будет заинтересовано в обеспечении на территории Афганистана безопасности иностранных специалистов.

На сегодняшний день совместные афгано-российские экономические и инфраструктурные проекты носят в большей степени декларативный характер из-за международных санкций и общей нестабильности. Тем не менее, в случае если РФ примет решение инвестировать в крупные проекты на территории Афганистана, будет целесообразно рассмотреть опыт дружественных стран, в частности, Китая, предоставляющего услуги частных охранных компаний для защиты своих проектов в Центральной и Южной Азии (деятельность которых, с

³⁷² Мустафабейли А. М. Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепа // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 66-79.

учетом юридических нюансов, в большинстве случаев определяется правилами принимающей страны). В таком случае, необходимо понимание того, какие нормативно-правовые акты будут регулировать их работу.

Таким образом, наращивание экономического взаимодействия между РФ и Афганистаном в текущей обстановке целесообразно, так как это способствует расширению влияния Москвы в регионе и отвечает текущим внешнеполитическим интересам. Вместе с тем, потенциальное привлечение российских специалистов к реализации на территории Афганистана крупных совместных проектов требует, с учетом вышеперечисленных рисков, тщательной проработки аспектов, касающихся безопасности. Говоря об отношениях с нынешним афганским правительством, важно осмысливать его первоначальную природу и исторический контекст его деятельности, приведший к тому, что движение «Талибан» на протяжении более 20 лет было признано террористическим, в том числе и в РФ. Несмотря на то, что сейчас активно говорится о переосмыслении талибами своей прежней террористической деятельности и ошибок, допущенных во время первого периода правления, радикальная природа движения не должна оставаться без внимания при принятии дальнейших решений.

В результате проведенного исследования представляется возможным выработать рекомендации органам государственной власти, отвечающим за проведение внешнеполитической деятельности. Предлагаемые направления ориентированы на формирование конструктивного взаимодействия с афганским правительством в лице движения «Талибан», а также на повышение эффективности международной поддержки и укрепление стабильности в регионе. Среди них можно выделить следующие.

1. Рекомендации, касающиеся дальнейшей теоретической разработки проблемы:

– исследование эволюции «Талибана» в контексте концепций региональных комплексов безопасности и теорий асимметричных угроз;

– разработка новых методологических подходов к изучению нелегитимных политических режимов как особой категории субъектов международных отношений;

– анализ взаимосвязи социально-религиозных факторов и внешнеполитического позиционирования радикальных движений в международной системе.

2. Рекомендации непосредственно практического характера:

а) академическому и экспертному сообществу, а также специалистам в области массовой информации и коммуникации:

– интеграция результатов исследования в учебные курсы по международным отношениям, мировым политическим процессам и региональной безопасности;

– подготовка методических материалов и спецкурсов по проблематике экстремистских движений как акторов мировой политики;

– организация научных конференций, экспертных семинаров и круглых столов по вопросам транснационального терроризма и его влияния на международную безопасность.;

– разработка методик изучения особенностей воздействия состояния стратегической нестабильности на различные формы общественного сознания;

– подготовка тематических материалов в средствах массовой информации по проблемам и профилактике радикализации общества и противодействия экстремистской и террористической угрозе;

б) в целях активизации прикладной исследовательской и практической деятельности:

– использование выводов диссертации при подготовке стратегических прогнозов и аналитических докладов по Афганистану и сопредельным регионам;

– разработка механизмов адаптации правовой и нормативной базы к новым формам транснациональных угроз;

– учет особенностей «Талибана» как специфического субъекта международных отношений при формировании внешнеполитической линии России в Центральной Азии.

Выводы по третьей главе

Результаты изучения перспектив движения «Талибан» и их взаимосвязь с национальными интересами Российской Федерации продемонстрировали, что избранная движением «Талибан» тактика взаимодействия с внешними игроками, несет стратегический характер: его руководство использует свое участие в международных мероприятиях, таких как форумы в Москве и визиты в Иран и Китай в качестве возможности укрепить свою международную легитимность. Углубляя взаимодействие с другими странами региона, «Талибан» заверяет их в намерении установить прагматичные и конструктивные отношения. Однако отсутствие гибкости в вопросе разделения власти по принципу инклюзивности и репрезентативности вызывает обеспокоенность со стороны международного сообщества. Кроме того, одержание талибами победы над прозападным правительством в Афганистане «вдохновило» другие террористические группировки на активизацию подрывной деятельности, что, в свою очередь, обострило обстановку в сфере региональной безопасности.

В условиях современной международной обстановки перспективы российско-афганских отношений определяет ряд факторов, ключевыми из которых является нестабильная геополитическая ситуация, сохраняющиеся вызовы и угрозы в сфере международной безопасности, а также интересы экономического характера.

Говоря о геополитических аспектах, следует отметить, что после ухода из Афганистана сил международной коалиции в 2021 г. руководство РФ обоснованно рассматривает страну как зону ослабления позиций США и НАТО. Текущий расклад дает Москве возможность укрепить свои позиции ключевого игрока на евразийском пространстве, играя роль ведущего партнера и посредника в региональных процессах.

Вместе с тем, исключив движение «Талибан» из списка террористических организаций и впоследствии признав на дипломатическом уровне правительство Афганистана в его лице, Россия объективно оценивает риски, которые несет в себе сохраняющееся присутствие на афганской территории экстремистских и террористических формирований. Их активизация в случае ослабления режима талибов способна дестабилизировать обстановку в Афганистане и за его пределами и, как следствие, нанести серьезный удар по безопасности союзников России в регионе – прежде всего, государств-членов ОДКБ. По этой причине минимизация террористической угрозы за счет поддержания в Афганистане внутривнутриполитической стабильности отвечают интересам России в вопросах обеспечения региональной безопасности. Потенциальная эскалация угрозы со стороны радикальных исламистских формирований может вынудить Москву пересмотреть свою позицию в сторону ужесточения, а в критическом случае – прибегнуть к военно-политическому вмешательству.

Несмотря на десятилетия войн и нестабильности, Афганистан продолжает представлять для внешних игроков особый экономический интерес за счет крупных запасов таких полезных ископаемых, как литий, медь, кобальт и др., а также потенциала в развитии на территории страны инфраструктурных проектов. Кроме того, транзитный потенциал делает Афганистан важным звеном в региональной логистике.

В перспективе интерес российских государственных корпораций к разработке природных ресурсов и реализации на территории Афганистана инвестиционных проектов может возрасти, однако в данный момент этому препятствуют сохраняющиеся угрозы в сфере безопасности и международные санкции. Однако, несмотря на риски, Россия будет стремиться к углублению дальнейшего экономического взаимодействия, особенно если правительство талибов сможет обеспечить гарантии безопасности. Результаты углубленного взаимодействия в сфере экономики будут также зависеть от способности России балансировать между прагматичным сотрудничеством с правительством движения

«Талибан» и геополитической конкуренцией с другими крупными игроками, такими как Китай и США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает основания сделать следующие выводы.

1. Возникновение в Афганистане движения «Талибан» было обусловлено совокупностью социально-политических факторов: цивилизационного, религиозного, племенного, этнополитического и фактора харизматического лидерства. Данные факторы были сознательно задействованы руководством талибов в целях консолидации афганского общества, ослабленного десятилетиями войны. При этом становление движения определялось не только внутренними, но и внешними условиями – влиянием региональных и глобальных акторов.

Дальнейшая эволюция «Талибана» характеризовалась трансформацией из религиозно-политического движения в радикальную военизированную структуру. Экстремистский характер деятельности и террористические методы воздействия на силы международной коалиции не помешали движению за четверть века завоевать широкую поддержку, главным образом среди сельского населения, чей традиционно-патриархальный уклад и ценностные установки резко контрастировали с модернизированным образом жизни урбанизированных слоев населения. Идеи фундаментального ислама и шариатское правосудие обеспечили «Талибану» лояльность значительной части населения Афганистана, тогда как урбанизированные слои общества в целом осуждали насильственный характер деятельности движения.

2. В эволюции движения «Талибан» можно выделить три этапа:

– Середина 1990-х гг. Идеологическая консолидация в целях прекращения гражданской войны;

– Конец 1990-х – 2000-е гг. Союз с «Аль-Каидой», внешнее финансирование, международное признание «Талибана» террористической организацией, реструктуризация движения после военной интервенции сил международной коалиции под эгидой США;

– 2010-е – 2020-е гг. Постепенная политизация движения талибов, участие его руководства в международных переговорах, повторное возвращение к власти в Афганистане и приобретение ограниченной международной легитимности позволили ему не только укрепить внутреннюю власть, но и начать выстраивать механизмы внешнеполитического взаимодействия.

3. Учитывая характер динамики власти в Афганистане, а также геополитическую обстановку в регионе и за его пределами, «Талибан» с высокой долей вероятности выдержит внутренние и внешние вызовы. Серьезной угрозы его существованию в краткосрочной и среднесрочной перспективах не прослеживается. Тем не менее, перспективы долгосрочной устойчивости режима остаются неопределенными, особенно в случае сохранения его радикальной внутренней политики.

4. Качественные изменения в идеологически радикальном режиме «Талибана», если таковые произойдут, станут сложным процессом, определяемым как внутренними, так и внешними факторами. Хотя внутренняя динамика, такая как смена руководства, экономическая стагнация и общественное давление, имеет решающее значение, внешние силы, включая международное давление и вдохновленные извне идеологические сдвиги, могут сыграть значительную роль на любом уровне трансформации. Взаимодействие этих сил может определить направление социально-концептуальных изменений в политике «Талибана».

5. Когда талибы пришли к власти в 2021 году, велось много дискуссий по поводу того, какие трансформации движение претерпело за двадцать лет войны. Превалировала точка зрения, которой манипулировали на Западе, о том, что талибы поступят своими идеологическими принципами ради материальных выгод в отношениях с внешним миром, что они будут вынуждены пойти на множественные уступки. Однако по прошествии четырех лет движение продолжило демонстрировать устойчивость к внешнеполитическим факторам.

6. Во внешней политике «Талибан» использует международные контакты (в том числе с Россией, Ираном и Китаем) для укрепления легитимности, однако его отказ от принципов инклюзивного правления вызывает настороженность мирового сообщества. Победа над прозападным правительством стимулировала рост активности других радикальных группировок, что усилило региональные угрозы.

7. Афганистан представляет значительный экономический интерес как для региональных, так и для международных игроков, благодаря обширным запасам стратегических полезных ископаемых, транзитному положению и потенциалу инфраструктурных проектов. Российские корпорации могут усилить участие в их разработке при условии ослабления санкционных ограничений и обеспечения афганской стороной гарантий безопасности. Однако взаимодействие будет зависеть от способности Москвы сочетать прагматичное сотрудничество с «Талибаном» и конкуренцию с другими мировыми игроками, прежде всего Китаем и США.

8. Для России Афганистан после ухода США и НАТО стал зоной ослабления их позиций и возможностью укрепить собственную роль в регионе. При этом Москва учитывает риски, связанные с присутствием экстремистских формирований, способных дестабилизировать обстановку и угрожать союзникам по ОДКБ. Поддержание внутренней стабильности Афганистана отвечает российским интересам в сфере региональной и национальной безопасности, но при эскалации угрозы Москва может кардинально ужесточить позицию по данному вопросу.

9. Перспективы российско-афганских отношений на современном этапе зависят от способности движения «Талибан» консолидировать власть, обеспечить внутривластную стабильность и безопасность. Россия стремится развивать отношения, основываясь на прагматичном подходе, минимизируя риски, но при этом используя любые возможности для укрепления своих позиций в регионе. Ключевыми направлениями останутся поддержание региональной безопасности, развитие экономических проектов

и поддержание баланса сил в регионе за счет сдерживания влияния конкурентов.

Представляется возможным выделить следующие пути решения проблемных вопросов, связанных с Афганистаном и правящим движением «Талибан», которые могла бы предпринять Российская Федерация:

– стабилизировать ситуацию способно внедрение крупных экономических проектов. Москва поддерживает прагматичные контакты с руководством Афганистана, и планы по реализации проектов в сфере транспортной, социальной инфраструктуры могли бы поспособствовать стабилизации ситуации в экономике и смягчить последствия гуманитарного кризиса, обострившегося после сокращения международной финансовой помощи на фоне повторного прихода талибов к власти. Москву беспокоят попытки конкурентов спекулятивно использовать ситуацию в Афганистане с целью расширения своего присутствия на территории страны под видом борьбы с международным терроризмом;

– усиление позиций «ИГИЛ-Хорасан» и его экспансия за пределы Афганистана ставит перед Россией и ее партнерами в Центральной Азии задачу активного поиска эффективных механизмов сдерживания и противодействия террористической угрозе. Складывающаяся ситуация потребует от российской стороны выработки в кратчайшие сроки альтернативных и более эффективных решений в сфере обеспечения безопасности;

– побуждение афганских властей к выполнению своих обязательств необходимо осуществлять без прямого вмешательства во внутренние дела страны. При этом соседи Афганистана, в том числе и Россия, имеют абсолютное право требовать от талибов четкой позиции о неприемлемости исходящей с афганской территории угрозы вовне, а также нейтралитета.

Результаты проведенного исследования показывают, что любые попытки воздействовать на движение «Талибан» через давление или угрозы с целью получения уступок не приводят к желаемым результатам. Это

подтверждается историческим опытом его пребывания у власти. В течение всех периодов своего правления «Талибан» демонстрировал стойкость к внешнему влиянию и нежелание изменять идеологический курс ради материальных или политических выгод. Позиция движения указывает на его глубоко укорененную идеологическую основу, которая формирует его внутреннюю и внешнюю политику, снижая возможности прямого воздействия извне. Таким образом, любые стратегии взаимодействия с «Талибаном» должны учитывать его непреклонность, ориентированность на собственные ценности и долгосрочную консолидацию власти, с акцентом на прагматическое взаимодействие, реализацию экономических проектов и поддержание мер, направленных на сдерживание угроз, а не на принудительные или ультимативные действия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Источники***Документы и законодательные акты Российской Федерации*

1. Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 18.10.2024).
2. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116 : вступило в силу 04.03.2003. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/885107001> (дата обращения: 16.09.2023).
3. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С : вступило в силу 13.02.2015. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/420254782> (дата обращения: 16.09.2023).
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 25.02.2025).
6. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 21.03.2024).
7. Федеральный закон «О безопасности». – Москва : Проспект, 2019. – 16 с.

Официальные документы движения «Талибан» (Исламского Эмирата Афганистан) и предыдущих афганских режимов

8. 1382 قانون اساسي سال [Конституция 2004 г.] – URL: https://moj.gov.af/sites/default/files/og_0818.pdf (дата обращения: 12.03.2023). (на дари).

9. [Специальный указ Амира аль-Муминина о правах женщин] – URL: <https://moic.gov.af/dr/فرمان-خاص-صادر-زنان-حقوق-مورد-در-امير-المؤمنين-عاليقدر-خاص> (дата обращения: 26.03.2022). (на дари).
10. [Вступил в силу и опубликован в Официальном вестнике закон, поощряющий добродетель и порицающий пороки] – URL: <https://moj.gov.af/dr/امر-قانون-شد-نشر-رسمی-جریده-در-و-نافذ-المنکر-عن-نهی-و-بالمعروف> (дата обращения: 29.08.2025). (на дари).
11. Clark K. The Layeha. Calling the Taleban to Account. Appendix 2.A The 2010 Version of the Taleban Code of Conduct in Pashto. Afghanistan Analysts Network, AAN Thematic Report 6/2011. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/downloads/2012/10/LayehaPasIII.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).
12. Constitution of Afghanistan = Assasi Qanun (1964). – URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=afghanenglish> (дата обращения: 03.04.2023).
13. Decrees, Orders and Instructions of His Excellency, Amir al-Mu'minin as Published in the Official Gazette on 22 May 2023 : unofficial AAN translation // Afghanistan Analysts Network. – July 2023. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2023/07/Decrees-order-of-Taleban-amir-English.pdf> (дата обращения: 30.07.2023).
14. [Опубликован проект конституции «Талибана»] 28.07.2009. – URL: <http://www.afghanpaper.com/nbody.php?id=2356> (дата обращения: 21.03.2023). (на дари).

Документы зарубежных государств, международных организаций и международные соглашения

15. Военный комитет ОДКБ рассмотрел вопросы усиления механизмов защиты от внешних угроз и создание Единой системы ПВО-ПРО // ОДКБ.

- 2014. – 18 ноября. – URL: https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/voennyu_komitet_odkb_rassmotrel_voprosy_usileniya_mekhanizmov_zashchity_ot_vneshnikh_ugroz_i_sozdani-4148/ (дата обращения: 24.04.2025).
16. Пятнадцатый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный в соответствии с резолюцией 2716 (2023) по движению «Талибан» и связанным с ним лицам и организациям, представляющим угрозу миру, стабильности и безопасности в Афганистане, S/2024/499 // ООН. – 2024. – 8 июля. – URL: <https://docs.un.org/ru/S/2024/499> (дата обращения: 12.02.2025).
17. Резолюция 1189 Совета Безопасности ООН (1998) // Официальный сайт ООН. – URL: [https://docs.un.org/en/S/RES/1189\(1998\)](https://docs.un.org/en/S/RES/1189(1998)) (дата обращения: 12.02.2021).
18. Совместное заявление государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о положении в Афганистане // МИД России. – 2022. – 29 февраля. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1428591/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000dca130b0b84d41f9f9340b7836f52797e70202156e079f22018480b9d7e73e8e083de8d1201430002b64398daf1df6a3fa41da3555a581cd8f5cf6171112348a35d0051778753d0a86cb4d2691d07c4ac6f819b3935c0bb0 (дата обращения 21.06.2022).
19. 20th Anniversary of the U.S. Embassy Bombings in East Africa // CIA. – 2018. – 2 April. – URL: <https://www.cia.gov/news-information/featured-story-archive/2018-featured-story-archive/anniversary-of-us-embassy-bombings-in-east-africa.html> (дата обращения: 26.02.2021).
20. A barrier to securing peace: Human rights violations against former government officials and former armed force members in Afghanistan: 15 August 2021 – 30 June 2023 // United Nations Assistance Mission in Afghanistan. – 2023. – 29 August. –

- URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/a_barrier_to_securing_peace_aug_2023_english__0.pdf (дата обращения: 04.09.2023).
21. Address to a Joint Session of Congress and the American People. George W. Bush. September 20, 2001 // The White House Archives. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html> (дата обращения: 21.04.2021).
22. Afghanistan 2024 Humanitarian Needs and Response Plan: End-year Response Gap Analysis of Financing, Achievements and Response Challenges (January - December 2024) // UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. – URL: <https://www.unocha.org/publications/report/afghanistan/afghanistan-humanitarian-needs-and-response-plan-2024-response-overview-1-january-31-december-2024> (дата обращения: 18.02.2025).
23. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. – 2020. – 29 February. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (дата обращения: 16.01.2021).
24. Agreement on Provisional Arrangements in Afghanistan Pending the Re-establishment of Permanent Government Institutions (The Bonn Agreement) // United Nations. – URL: <https://peacemaker.un.org/en/documents/agreement-provisional-arrangements-afghanistan-pending-re-establishment-permanent> (дата обращения: 28.11.2021).
25. Backgrounder: the President's Quotes on Islam. Remarks by the President George W. Bush at the 2002 Graduation Exercise of the United States Military Academy West Point, New York. June 1, 2002 // The White House Archives. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/ramadan/islam.html> (дата обращения: 13.05.2021).

26. Counterinsurgency : FM 3-24. – Washington, DC : Department of the Army, 2006. – URL: https://permanent.access.gpo.gov/lps79762/FM_3-24.pdf (дата обращения: 27.11.2021).
27. Eleventh report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2501 (2019) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace, stability and security of Afghanistan // United Nations Security Council. – 2020. – 18 May. – URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2020_415_e.pdf (дата обращения: 05.12.2021).
28. Final Communiqué of the Ninth Extraordinary Session of the Islamic Conference of Foreign Ministers (10 October 2001) // Organisation of Islamic Cooperation. – URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/final-communicu%C3%A9-9th-extraordinary-session-islamic-conference-foreign-ministers> (дата обращения: 15.05.2024).
29. Improvised Explosive Devices (IEDs) in Iraq and Afghanistan: Effects and Countermeasures : CRS Report № RS22330. – Washington, DC : Congressional Research Service, 2006. – URL: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/RS22330.pdf> (дата обращения: 27.11.2021).
30. ISAF's mission in Afghanistan (2001-2014) // NATO. – 2022. – 30 May. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69366.htm (дата обращения: 28.11.2021).
31. Media Freedom in Afghanistan // United Nations Assistance Mission in Afghanistan, United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. – 2024. – November. – URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/unama_report_on_media_freedom_in_afghanistan.pdf (дата обращения: 16.12.2024).
32. Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures // NATO. – 2015. – May.

URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_05/20150508_1505-RSM-Placemat.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

33. Security Council Authorizes Year-Long Mandate Extension for United Nations Assistance Mission in Afghanistan, Adopting Resolution 2344 (2017) // United Nations. – 2017. – 17 March. – URL: <https://press.un.org/en/2017/sc12756.doc.htm> (дата обращения: 26.04.2025).
34. Sopko, J. F. The Factors Leading to the Collapse of the Afghan Government and its Security Forces : remarks before the 1st Committee of Inquiry (Afghanistan) in the 20th Electoral Term, German Bundestag / J. F. Sopko, D. H. Young. – 2023. – 2 March. – URL: https://www.sigar.mil/Portals/147/Files/News/Speeches/SIGAR_John_Sopko_David_Young_Berlin_Speech_2023-03-02.pdf (дата обращения: 24.03.2023).
35. The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. – Washington, D.C. : National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States, 2004. – URL: <https://www.9-11commission.gov/report/> (дата обращения: 16.02.2021).
36. The Afghanistan Development Update. Unlocking Youth Potential for Resilience and Economic Recovery. April 2025 // World Bank Group. – 2025. – URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/71dd45bbb425564ee41e22e1dc2c2f57-0310012025/original/Afghanistan-Development-Update-April-2025-Final.pdf> (дата обращения: 18.02.2025).
37. The Taliban in Afghanistan: Assessing New Threats to the Region and Beyond // United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute. – 2022. – October 22. – URL: <https://unicri.org/sites/default/files/2022-10/The%20Taliban%20in%20Afghanistan%20-%20Assessing%20New%20Threats%20to%20the%20Region%20and%20Beyond.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

Официальные интервью, выступления и пресс-конференции

38. سخترانی مولوی امیر خان متقی وزیر امور خارجه ا.ا.ا. در ششمین نشست فارمت مشورتی مسکو.
[Выступление Маулави Амира Хана Муттаки, министра иностранных дел Исламского Эмирата Афганистан, на шестом заседании Московского консультативного формата]. 10.04.2024. – URL: <https://mfa.gov.af/fa/28695> (дата обращения: 21.06.2025). (на фарси).
39. Заявление МИД России относительно взрыва в Кабуле // МИД России. – 2022. – 5 сентября. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/af/1828541/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000982cc028f57cc4be004e784e1da785aa83be7ac5feaed131d340ada5d8eb4a1c0842a1908a1430002870811eda682393c536b6f6288275361d4f4988a645e0d7124d6289b29be4646d493ad2f209f60f21cd4fd1dabc388c (дата обращения: 12.02.2025).
40. О ситуации в Афганистане: сообщение для СМИ // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2021. – 16 августа. – URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4840428 (дата обращения: 29.04.2025).
41. Кабулов, З. Афганскую проблему быстро решить невозможно // Anadolu. – 2016. – 16 ноября. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/заголовки-дня/замир-кабулов-афганскую-проблему-быстро-решить-невозможно/685810> (дата обращения: 26.04.2025).
42. A Conversation with Abdullah Abdullah // Council on Foreign Relations. – 2020. – 22 September. – URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-abdullah-abdullah-0> (дата обращения: 04.02.2022).
43. At UN, Iran Raises Concern Over Resurgence of Terrorist Groups in Afghanistan // MSN.com. – 2022. – 20 September. – URL: <https://www.msn.com/en-in/news/world/at-un-iran-raises-concern-over-resurgence-of-terrorist-groups-in-afghanistan/ar-AA12qCPb> (дата обращения: 24.01.2024).

Материалы средств массовой информации и информационных агентств

44. Глава Пентагона заявил, что США аннулируют соглашение с талибами, если те его нарушат // ТАСС. – 2020. – 29 февраля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7868931> (дата обращения: 04.12.2021).
45. Казахстан вывел талибов из списка террористов для экономического сотрудничества // Коммерсант. – 2024. – 3 июня. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6744872> (дата обращения: 15.12.2024).
46. Караганов, С. А. Центральная Азия: возвращение России // Российская газета. – 2005. – 9 декабря. – URL: <https://rg.ru/2005/12/09/asia.html> (дата обращения: 09.04.2025).
47. Косырев, Д. К удару готовы / Д. Косырев // Независимая газета. – 2000. – 25 мая. – URL: http://www.ng.ru/events/2000-05-25/2_ready.html?print=Y (дата обращения: 12.02.2021).
48. МИД Киргизии подтвердил исключение “Талибана” из списка запрещенных организаций // ТАСС. – 2024. – 6 сентября. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21795347> (дата обращения: 15.12.2024).
49. Москва официально признала Исламский эмират Афганистан // ТАСС. – 2025. – 3 июля. – URL: <https://tass.ru/politika/24426417> (дата обращения: 05.07.2025).
50. Россия предоставит Таджикистану и Киргизии военно-техническую помощь на миллиарды рублей // Интерфакс. – 2014. – 9 апреля. – URL: <https://www.interfax.ru/world/370572> (дата обращения: 24.04.2025).
51. США ликвидировали главаря «Аль-Каиды» аз-Завахири в Кабуле // ТАСС. – 2022. – 2 августа. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15366255> (дата обращения: 12.11.2023).
52. Талибы запретили афганским женщинам выходить на улицу с непокрытым лицом // Новости ООН. – 2022. – 7 мая. –

- URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1423402> (дата обращения: 04.09.2023).
53. Талибы объявили России священную войну // Лента.ру. – 2000. – 15 февраля. – URL: <https://lenta.ru/news/2000/02/15/taliban/> (дата обращения: 08.02.2021).
54. Шашок Л. А. Чем опасны пакистанские удары по Афганистану // Независимая газета. – 2024. – 21 марта. – URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-03-21/3_8976_kb.html (дата обращения: 17.02.2025).
55. Afghanistan's Taliban Ban Poppy Cultivation // The Wall Street Journal. – 2022. – 3 April. – URL: <https://www.wsj.com/articles/afghanistans-taliban-ban-poppy-cultivation-11649003599> (дата обращения: 18.06.2023).
56. Bush's Language Angers US Muslims // BBC News. – 2006. – 12 August. – URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/4785065.stm> (дата обращения: 16.04.2021).
Примеч.: материал размещен на сайте, заблокированном на территории Российской Федерации.
57. Carberry, S. Afghans Confront Sensitive Issue Of Ethnicity / S. Carberry // NPR. – 2013. – 8 May. – URL: <https://www.npr.org/2013/05/08/179079930/afghans-confront-senstive-issue-of-ethnicity> (дата обращения: 26.08.2020).
58. Changes in Govt Positions Announced by Islamic Emirate // TOLONews. – 2024. – 7 July. – URL: <https://tolonews.com/afghanistan-189620> (дата обращения: 16.08.2024).
59. Commission Releases Disputed 2014 Afghan Election Results // Reuters. – 2016. – 24 February. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-election/commission-releases-disputed-2014-afghan-election-results-idUSKCN0VX1O8> (дата обращения: 02.12.2021).
60. Coyer, P. Islamic Extremism in Central Asia: Witch Hunt or Genuine Threat? // Forbes. – 2015. – 28 February. – URL: <http://www.forbes.com/sites/paulcoyer/2015/02/28/islamic-extremism-in-central-asia-witch-hunt-or-genuine-threat/> (дата обращения: 31.03.2021).

61. Donati, J. Afghan Government Secretly Fosters Taliban Splinter Groups / J. Donati, H. K. Totakhil // The Wall Street Journal. – 2016. – 22 May. – URL: <https://www.wsj.com/articles/in-afghanistan-a-secret-plan-pays-off-the-taliban-1463964545> (дата обращения: 26.10.2021).
62. ETIM May Shift to ISK With Taliban-China Alliance Over Xinjiang // Hindustan Times. – 2021. – 30 August. – URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/etim-may-shift-to-iskp-with-taliban-china-alliance-over-xinjiang-101630304620049.html> (дата обращения: 23.11.2023).
63. Forugh, T. Afghanistan's Uprising for Change: Time to Shatter Ghani's Delusion / T. Forugh // The Diplomat. – 2017. – 27 June. – URL: <https://thediplomat.com/2017/06/afghanistans-uprising-for-change-time-to-shatter-ghanis-delusion/> (дата обращения: 02.12.2021).
64. Germany Confirms Taliban Diplomats Accepted To Provide Consular Services // Afghanistan International. – 2025. – 25 July. – URL: <https://www.afintl.com/en/202507258520> (дата обращения: 26.07.2025).
65. Hidayatullah Badri Appointed as Afghanistan Central Bank Governor // The Khaama Press News Agency. – 2022. – 22 March. – URL: <https://www.khaama.com/hidayatullah-badri-appointed-as-afghanistan-central-bank-governor/> (дата обращения: 19.09.2024).
66. How Obama Came to Plan for 'Surge' in Afghanistan / P. Baker // The New York Times. – 2009. – 5 December. – URL: <https://www.nytimes.com/2009/12/06/world/asia/06reconstruct.html> (дата обращения: 27.11.2021).
67. India Highlights threats Posed by Terror Groups from Afghanistan at UNSC // Hindustan Times. – 2022. – 31 August. – URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-highlights-threats-posed-by-terror-groups-from-afghanistan-at-unsc-101661842583798.html> (дата обращения: 24.01.2024).

68. Kabul School Bombing: For Afghanistan, An End to Its Tragedy Is Not in Sight // The Indian Express. – 2022. – 1 October. – URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/kabul-school-bombing-for-afghanistan-end-to-its-tragedy-not-in-sight-8184389/> (дата обращения: 23.11.2023).
69. Manson, K. Ghani's Escape Derailed Last-Ditch Deal with Taliban, US Envoy Says / K. Manson // Financial Times. – 2021. – 15 September. – URL: <https://www.ft.com/content/ee113fde-bfc5-417d-b123-2abcf639f95e> (дата обращения: 16.03.2024).
70. Mashal, M. Taliban Offer to Reduce Violence in Afghanistan Ahead of Deal with U.S. / M. Mashal, T. Shah // The New York Times. – 2020. – 16 January. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/16/world/asia/afghanistan-taliban-agreement.html> (дата обращения: 26.10.2021).
71. Mashal, M. White House Orders Direct Taliban Talks to Jump-Start Afghan Negotiations / M. Mashal, E. Schmitt // The New York Times. – 2018. – 15 July. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/15/world/asia/afghanistan-taliban-direct-negotiations.html> (дата обращения: 02.12.2021).
72. Moore, J. Trump's Afghanistan Troop Surge is Complete, Raising Total Number of U.S. Servicemen to 14,000 / J. Moore // Newsweek. – 2017. – 17 November. – URL: <https://www.newsweek.com/trumps-afghanistan-troop-surge-complete-raising-total-number-us-servicemen-714588> (дата обращения: 02.12.2021).
73. Nasar, Kh. N. Afghanistan: Taliban Leaders in Bust-Up at Presidential Palace, Sources Say / Kh. N. Nasar // BBC News. – 2021. – 15 September. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-5856092> (дата обращения: 11.08.2023). Примеч.: материал размещен на сайте, деятельность которой заблокированном на территории Российской Федерации.
74. Pakistan Asks Taliban to Stop Terrorism from Their Soil // The Express Tribune. – 2022. – 29 September. – URL: <https://tribune.com.pk/story/2379210/pakistan-asks-taliban-to-stop-terrorism-from-their-soil> (дата обращения: 21.01.2024).

75. Radical Indian seminary issues fatwa against terrorism // Reuters. – 2008. – 1 June. – URL: <https://www.reuters.com/article/idUSDEL275987/> (дата обращения: 18.12.2021).
76. Raghavan, S. A Popular Uzbek Commander Fought for the Taliban for More Than Two Decades. He Was Arrested Anyway / S. Raghavan // The Washington Post. – 2022. – 1 February. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/01/taliban-uzbek-afghanistan/> (дата обращения: 11.06.2024).
77. Roggio, B. Taliban Appoints Former Guantanamo Bay Detainee to Lead Fight in Panjshir / B. Roggio // The Long War Journal. – 2022. – 21 August. – URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2022/08/taliban-appoints-former-guantanamo-bay-detainee-to-lead-fight-in-panjshir.php> (дата обращения: 11.10.2023).
78. Six Dead in Afghanistan Koran Burning Protests // BBC News. – 2012. – 22 February. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-17123464> (дата обращения: 29.11.2021). Примеч.: материал размещен на сайте, заблокированном на территории Российской Федерации.
79. Stancati, M. Afghan Taliban's Chief Military Commander Steps Down / M. Stancati, H. K. Totakhil, S. Shah // The Wall Street Journal. – 2014. – 27 April. – URL: <https://www.wsj.com/articles/afghan-talibans-chief-military-commander-steps-down-1398617150> (дата обращения: 28.10.2021).
80. Supreme Court Appoints 69 Provincial Judges // TOLONews. – 2021. – 16 December. – URL: <https://tolonews.com/afghanistan-175920> (дата обращения: 21.07.2023).
81. Taliban and National Participation, the Non-Pashtun Commanders Face Segregation // Hasht-e Subh. – 2022. – 18 october. – URL: <https://8am.media/eng/taliban-and-national-participation-the-non-pashtun-commanders-face-segregation/> (дата обращения: 16.08.2024).
82. Taliban appoint Shaheen their envoy in Qatar // Amu TV. – 2025. – 8 January. – URL: <https://amu.tv/149475/> (дата обращения: 26.07.2025).

83. Taliban bans teaching of Jafari jurisprudence at Bamiyan University // Shia Waves. – 2022. – 16 June. – URL: <https://shiawaves.com/english/news/islam/afghanistan/83477-taliban-bans-teaching-of-jafari-jurisprudence-at-bamiyan-university/> (дата обращения: 14.04.2023).
84. Taliban government's Finance Minister resigns over financial misappropriation // Balochistan Post. – 2023. – March 20. – URL: <https://thebalochistanpost.net/2023/03/taliban-governments-finance-minister-resigns-over-financial-misappropriation/> (дата обращения: 01.09.2024).
85. Taliban to Implement Monarch-era Constitution in Afghanistan // Anadolu Agency. – 2021. – 28 September. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-to-implement-monarch-era-constitution-in-afghanistan/2377376> (дата обращения: 02.04.2023).
86. Top Afghan Taliban leader issues decree against nepotism // Associated Press. – 2023. – March 20. – URL: <https://apnews.com/article/taliban-afghanistan-government-decree-nepotism-9fbda80fe3f6b84afb4b349fa836788c> (дата обращения: 21.09.2024).
87. Turkiye Accepts New Taliban Diplomat For Afghanistan's Embassy in Ankara // Afghanistan International. – 2023. – 2 October. – URL: <https://www.afintl.com/en/202310025091> (дата обращения: 19.12.2024).
88. Video Inflames a Delicate Moment for U.S. in Afghanistan // The New York Times. – 2012. – 12 January. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/13/world/asia/video-said-to-show-marines-urinating-on-taliban-corpses.html> (дата обращения: 29.11.2021).
89. Weiner, T. Taliban Proclaim Bin Laden Innocent in Embassy Attacks / T. Weiner // The New York Times. – 1998. – 21 November. – URL: <https://www.nytimes.com/1998/11/21/world/taliban-proclaim-bin-laden-innocent-in-embassy-attacks.html> (дата обращения: 26.02.2021).

90. Yousafzai, S. Brother of Afghan Taliban Leader Killed in Pakistan Mosque Blast / S. Yousafzai, Sh. Qazi // Al Jazeera. – 2019. – 16 August. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/08/brother-afghan-taliban-leader-killed-pakistan-mosque-blast-190816143737376.html> (дата обращения: 26.10.2021).
91. نکنید آوری جمع زکات و عشر تشیع مردم از :طالبان به افغانستان ی شیعہ علمای شورای [Совет шиитских улемов Афганистана талибам: не принимайте ушра и закят с шиитов]. 7.09.2021 – URL: <https://www.etilaatroz.com/131168/taliban-should-not-collect-zakat-from-the-shiite-people/> (дата обращения: 03.04.2023). (на дари).

Справочные и статистические материалы

92. Afghanistan: Economy Shows Modest Growth After Two Years of Severe Contraction, But Recovery Remains Fragile // World Bank Press Release. – 2024. – December 4. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/04/afghanistan-economy-shows-modest-growth-after-two-years-of-severe-contraction-but-recovery-remains-fragile> (дата обращения: 18.02.2025).
93. Pashtun: Definition, People, Culture & Religion // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Pashtun> (дата обращения: 18.12.2021).

Литература

Монографии и научные издания на русском языке

94. Агазаде, М. М., Бейсебаев, Р. С., Белов, В. И. [и др.]. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2024. – 312 с.
95. Баленко, С. В. Спецназ ГРУ в Афганистане / С. В. Баленко. – Москва : Яуза, 2010. – 256 с.

96. Белокреницкий, В. Я. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / В. Я. Белокреницкий, Р. Р. Сикоев. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.
97. Богатуров, А. Д. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы : учеб. пособие / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун [и др.]. – Москва : Аспект Пресс, 2011. – 549 с.
98. Богатуров, А. Д. Прикладной анализ международной политики. Ситуации и конфликты. 1992-2021 годы / А. Д. Богатуров. – Москва : Аспект Пресс, 2022. – 320 с.
99. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 416 с.
100. Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. Мусульманская религиозная философия фальсафа: учебное пособие / Т.К. Ибрагим, Н.В. Ефремова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 236 с.
101. Кныш, А. Д. Шиитский ислам: учебное пособие / А. Д. Кныш, А. И. Маточкина. – Санкт-Петербург : Президентская библиотека, 2016. – 183 с.
102. Князев, А. А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). – Душанбе : Дониш, 2004. – 164 с.
103. Коновский, М. А. Дорога в семь тысяч дней. – М.: Арктика 4Д, 2015. – 460 с.
104. Картунов, С. В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации / С. В. Картунов. – Москва : Наука, 2003. – 630 с.
105. Лебедева, М. М. Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 224 с.
106. Лузянин, С. Г., Сафронова Е. И. Перспективы развития стратегии ШОС. Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. – М.: ИДВ РАН, 2016. – 304 с.

107. Марсден, П. Талибан. Война и религия в Афганистане / П. Марсден. – Москва : Городец, 2022. – 320 с.
108. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция. – Москва : Весь мир, 2023. – 432 с.
109. Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. – Москва : [б. и.], 2007. – 263 с.
110. Мухин, Ю. Афганский фронт СССР. Забытая победа / Ю. Мухин. – Москва : Родина, 2018. – 272 с.
111. Насыров, И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция) / И. Р. Насыров. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 552 с.
112. Наумкин, В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика / В. В. Наумкин. – Москва ; Нижний Новгород : Медина, 2008. – 768 с.
113. Наумов, А. О. "Мягкая сила", "цветные революции" и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 274 с.
114. Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. – Москва : Международные отношения, 2018. – 592 с.
115. Основы исламского вероучения. – Махачкала : Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки, 2009. – 362 с.
116. Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред. сост. Ю.В. Морозов. — М. : ИДВ РАН, 2016. — 304 с.
117. Пластун, В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики / В. Пластун, В. Андрианов. – Москва : [б. и.], 2002. – 240 с.
118. Правда об афганской войне (историко-архивный очерк). – Москва : Институт Ближнего Востока, 2021. – 412 с.
119. Российско-китайское стратегическое взаимодействие в обеспечении безопасности в Афганистане после вывода войск США : доклад № 80/2022. – Москва : НП «Российский совет по международным делам», 2022. – 48 с.
120. Румер, Ю. Политика США в Центральной Азии 3.0 / Ю. Румер, Р. Сокольский, П. Стронски. – Московский центр Карнеги, 2016. – 42 с.

Примеч.: «Фонд Карнеги» признан в РФ нежелательной организацией Министерством юстиции РФ на основании решения Генпрокуратуры от 1.07.2025 г., деятельность запрещена на территории РФ.

121. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва : АСТ, 2006. – 573 с.
122. Цыганков, П. А. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации : учебное пособие / П. А. Цыганков, Г. А. Дробот, М. М. Лебедева. – Москва : Альфа-М, 2013. – 335 с.
123. Христофоров В.С. Военные кампании СССР и США в Афганистане: Сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с.
124. Христофоров В.С. Афганистан. Военно-политическое присутствие СССР. 1979-1989 гг. Христофоров В. ; ИРИ РАН — М., 2016 — 543 с.
125. Шаклеина, Т. А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т. А. Шаклеина, А. А. Байков, Э. Я. Баталов, Н. А. Симония. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 448 с.

Монографии и научные издания на иностранных языках

126. Acharya, A. The End of American World Order / A. Acharya. – Cambridge : Polity, 2018. – 96 p.
127. Akbar S. Ahmed, Millennium and Charisma Among Pathans. – 1976. – 194 p.
128. Armstrong, K. Islam / K. Armstrong. – New York : Modern Library Chronicles, 2000. – 272 p.
129. Barfield, T. J. Afghanistan: a Cultural and Political History / T. J. Barfield. – Princeton University Press, 2010. – 408 p.
130. Barnett, R. The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System / R. Rubin Barnett. — 2nd ed. — New Haven, CT : Yale University, 2002. — 271 p. Примеч.: Йельский университет признан в РФ нежелательной организацией решением Генеральной Прокуратуры

Российской Федерации от 08.07.2025., деятельность запрещена на территории РФ.

131. Bergen, P. L. *Holy War, Inc.: Inside the Secret World of Osama bin Laden* / P. L. Bergen. – New York : Free Press, 2001. – 310 p.
132. Buzan, B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 564 p.
133. Camp, D. *Boots on the Ground: The Fight to Liberate Afghanistan from Al-Qaeda and the Taliban, 2001–2002* / D. Camp. – Minneapolis : Zenith Press, 2011. – 320 p.
134. Chayes, S. *The Punishment of Virtue: Inside Afghanistan after the Taliban* / S. Chayes. – N. Y. : Penguin Books, 2007. – P. 34-35.
135. Coll, S. *Directorate S: The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan* / S. Coll. – N. Y. : Penguin Press, 2018. – 779 p.
136. Coll, S. *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan and bin Ladin, from the Soviet Invasion to September 10, 2011* / S. Coll. – 2004. – 732 p.
137. Coll, S. *The Bin Ladens: An Arabian Family in the American Century* / S. Coll. – N. Y. : Penguin Press, 2008. – 671 p.
138. Cronin, A. K. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns* / A. K. Cronin. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2009. – 336 p.
139. Felbab-Brown, V. *Blood and Faith in Afghanistan* / V. Felbab-Brown. – Washington, DC : Brookings Institution Press, 2016. – URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Felbab-Brown-Paper-BLOOD-AND-FAITH-IN-AFGHANISTAN-May-2016.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).
140. Gant, J. *One Tribe at a Time: The Paper that Changed the War in Afghanistan* / J. Gant. – N. Y. : Black Irish Books, 2014. – 188 p.
141. Giustozzi, A. *Decoding the New Taliban: Insights from the Afghan Field* / A. Giustozzi. – N. Y. : Columbia University Press, 2009. – 420 p.

142. Giustozzi, A. *Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan* / A. Giustozzi. – L. : C Hurst & Co Publishers Ltd, 2007. – 176 p.
143. Gopal, A. *No Good Men among the Living: America, the Taliban, and the War through Afghan Eyes* / A. Gopal. – N.Y. : Metropolitan Books, 2014. – 320 p.
144. Gunaratna, R. *Inside Al Qaeda: Global Network of Terror* / R. Gunaratna. – N. Y. : Columbia University Press, 2002. – 240 p.
145. Hiro, D. *War Without End: The Rise of Islamic Terrorism and Global Response* / D. Hiro. – Routledge, 2002. – 556 p.
146. Indoben, W. C. *Religion and American Foreign Policy, 1945-1960* / W. C. Indoben. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 372 p.
147. Ishaqzai, A. H. *Al-Emara Al-Islami'a wa Nezamaha (The Islamic Emirate and its Order)*. – Afghanistan : Darul Uloom al-Sharia, 2022. – 312 p.
148. Johnson, T. H. *Taliban Narratives: The Use and Power of Stories in the Afghanistan Conflict* / T. H. Johnson. – N. Y. : Oxford University Press, 2017. – 336 p.
149. Kakar, H. K. *Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan*. – 1979. – 328 p.
150. Levitsky, S. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War* / S. Levitsky, L. A. Way. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 517 p.
151. Lindholm, C. *Generosity and Jealousy, The Swat Pukhtun of Northern Pakistan*. – 1982. – 321 p.
152. Linz, J. J. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe* / J. J. Linz, A. Stepan. – Baltimore and London : JHU Press, 1996. – 504 p.
153. Linz, J. J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes* / J. J. Linz. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2000. – 343 p.
154. Mandaville, P. *Global Political Islam* / P. Mandaville. – L. : Routledge, 2007. – 408 p.

155. Margolis, E. S. *War at the Top of the World: The Struggle for Afghanistan and Asia* / E. S. Margolis. – Toronto : Key Porter, 2007. – 336 p.
156. Marsden, P. *The Taliban: War and Religion in Afghanistan* / P. Marsden. – N. Y. : Zed Books, 2002. – 176 p.
157. Matinuddin, K. *The Taliban Phenomenon: Afghanistan 1994–1997* / K. Matinuddin. – N. Y. : Oxford University Press, 1999. – 310 p.
158. McDougall, W. *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World since 1776* / W. McDougall. – New York : Mariner Books, 1998. – 304 p.
159. Metcalf, B. D. *Islamic Revival in British India: Deoband, 1860-1900* / B. D. Metcalf. – Princeton University Press, 2014. – 402 p.
160. Mobasher, M. B. *The Constitution and Laws of the Taliban: 1994-2001. Hints from the Past and Options for the Future* / M. B. Mobasher, M. Q. Shah, Sh. Pasarlay. – International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2022. – 179 p.
161. Moj, M. *The Deoband Madrassah Movement: Countercultural Trends and Tendencies* / M. Moj. – Anthem Press, 2015. – 262 p.
162. Nojumi, N. *The Rise and Fall of the Taliban* / N. Nojumi // *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2008. – 260 p.
163. Nojumi, N. *The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Region* / N. Nojumi. – N. Y. : Palgrave, 2002. – 273 p.
164. Olesen, A. *Islam and Politics in Afghanistan* / A. Olesen. – Curzon Press, 1996. – 366 p.
165. Podhoretz, N. *World War IV: The Long Struggle Against Islamofascism* / N. Podhoretz. – New York : Doubleday, 2007. – 240 p.
166. Porch, D. *Counterinsurgency: Exposing the Myths of the New Way of War* / D. Porch. – N. Y. : Cambridge University Press, 2013. – 450 p.

167. Porter, A. Religion Versus Empire? British Protestant Missionaries and Overseas Expansion, 1700-1914 / A. Porter. – Manchester : Manchester University Press, 2004. – 392 p.
168. Rasanayagam, A. Afghanistan: A Modern History / A. Rasanayagam. – L. : I B Tauris & Co Ltd, 2005. – 336 p.
169. Rashid, A. Descent into Chaos: The United States and the Failure of Nation Building in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia / A. Rashid. – New York : Viking, 2008. – 484 p.
170. Rashid, A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia / A. Rashid. – New Haven : Yale University Press, 2001. – 274 p.
171. Roy, O. Islam and Resistance in Afghanistan / O. Roy. – Cambridge University Press, 1990. – 282 p.
172. Rubin, B. R. Afghanistan in the Post-Cold War Era / B. R. Rubin. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 368 p.
173. Rubin, B. R. The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System / B. R. Rubin. – 2nd ed. – New Haven : Yale University Press, 2002. – 420 p.
174. Salter, M. B. Barbarians and Civilization in International Relations / M. B. Salter. – London ; Sterling, Va. : Pluto Press, 2002. – 240 p.
175. Shultz Jr., R. H. Insurgents, Terrorists, and Militias: The Warriors of Contemporary Combat / R. H. Shultz Jr., A. J. Dew. – N. Y. : Columbia University Press, 2006. – 328 p.
176. Sinno, A. H. Organizations at War in Afghanistan and Beyond / A. H. Sinno. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 2008. – 336 p.
177. Snyder, J. Religion and International Relations / J. Snyder. – New York : Columbia University Press, 2011. – 232 p.
178. Staniland, P. Networks of Rebellion: Explaining Insurgent Cohesion and Collapse / P. Staniland. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 2014. – 312 p.

179. Strick van Linschoten, A. An Enemy We Created: The Myth of the Taliban-Al Qaeda Merger in Afghanistan / A. Strick van Linschoten, F. Kuehn. – N. Y. : Oxford University Press, 2012. – 560 p.
180. Strick van Linschoten, A. Separating the Taliban from al-Qaeda: The Core of Success in Afghanistan / A. Strick van Linschoten, F. Kuehn. – N. Y. : Center on International Cooperation, 2011. – URL: https://cic.es.its.nyu.edu/sites/default/files/gregg_sep_tal_alqaeda.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
181. Thomas, S. The Global Resurgence of Religion and the Transformation of International Relations / S. Thomas. – New York : Palgrave Macmillan, 2005. – 315 p.
182. Toffler, A. The Third Wave / A. Toffler. – New York : Bantam Books, 1980. – 544 p.
183. Williams, B. G. Afghanistan Declassified: A Guide to America's Longest War / B. G. Williams. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012. – 264 p.
184. Woldemariam, M. Insurgent Fragmentation in the Horn of Africa: Rebellion and its Discontents / M. Woldemariam. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 330 p.
185. Žižek, S. Welcome to the Desert of the Real!: Five Essays on September 11 and Related Dates / S. Žižek. – London ; New York : Verso, 2002. – 160 p.

Статьи в периодических и продолжающихся изданиях на русском языке

186. Арунова, М. Р. Афганистан: трудные поиски путей к примирению // Афганистан: проблемы войны и мира. – Москва : [б. и.], 2000. – С. 211-224.
187. Бартош, А. А. НАТО после Афганистана: поиски новой стратегии // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 2 (23). – С. 67-78.
188. Бахадари, А. Ф. Постталибский Афганистан и его отношения с Россией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12. № 3. – С. 128-140.

189. Белокреницкий, В. Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (Пример Пакистана) // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 6 (300). – С. 83-107.
190. Вебер, М. Типы господства. 4. Харизматическое господство // Социологические исследования. – 1988. – № 5. – С. 139-147.
191. Гайсина, Л. Т. «Маджалла» в истории мусульманского права // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 12. – С. 121-126.
192. Гарбузарова, Е. Г. Стратегия России в Афганистане и безопасность Центральной Азии // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол, Чита, 18 сентября 2019 года. Том. Часть 2. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 32–35.
193. Гашимов, Г. Б. Внешняя политика Российской Федерации в отношении Афганистана: проблемы безопасности (конец XX — начало XXI века) // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 85.
194. Давыдов, В. О. Актуальные проблемы противодействия информационному экстремизму в России // Государственная служба. – 2012. – № 6(80). – С. 61-63.
195. Дынкин, А. А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 8-23.
196. Князев, А. А. К вопросу об эволюции движения талибов в Афганистане // Сравнительная политика. – 2023. – Т. 14. № 1-2. – С. 79-96.
197. Князев, А. А. К истории афганского движения «Талибан» (середина – вторая половина 1990-х гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 13-21.

198. Конаровский, М. А. Афганистан после 2014 года // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2017. – № 3. – С. 242-253.
199. Коргун, В. Г. Афганистан на крутых поворотах истории XX века // Мусульманские страны у границ СНГ: (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция - современное состояние, история и перспективы). – Москва : Крафт+, 2001. – С. 23-28.
200. Лалетин, Ю. П. О некоторых предпосылках исламизма талибов // МГИМО. – С. 3-7. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/798/79828a37b14c73571ebbc8d3d984981e.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).
201. Лалетин, Ю.П. Государство и племя в политической системе Афганистана // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / Под. ред. А.Д. Воскресенского. — М.: Аспект Пресс, 2011. — С. 280-315.
202. Лукин, А. В. Центральная Азия и Афганистан в стратегии России // Международная жизнь. – 2011. – № 7. – С. 51-58.
203. Малышева, Д. Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 2. – С. 105-125.
204. Малышева, Д. Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18. № 2. – С. 259-272.
205. Мачитидзе, Г. Г. Афганский излом в зеркале российской политики: Россия и движение «Талибан» // Россия и современный мир. – Москва, 2022. – № 1 (114). – С. 6-21.
206. Мустафабейли, А. М. Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепа // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 2(12). – С. 66-79.

207. Нессар, М. О. Афганистан в преддверии Московского формата. Россия в глобальной политике. – 2018. – 23 августа. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/afganistan-v-preddverii-moskovskogo-formata/> (дата обращения: 24.04.2025).
208. Нессар, М. О. Кабул и Исламабад: мифы и реальность // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. № 5(123). – С. 219-233.
209. Нессар, М. О. Современный Афганистан: факторы нестабильности // Россия и мир: научный диалог. – 2022. – № 2. – С. 38-50.
210. Нессар, О. М. Генезис и эволюция движения «Талибан» // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 2. – С. 20-31.
211. Новиков, Д. П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – № 3. – С. 82-95.
212. Сафранчук, И. А. Россия и война в Афганистане: от поддержки международной коалиции до самостоятельной стратегии // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – № 6. – С. 35-47.
213. Синчук, Ю. В. Российская Федерация в борьбе с международным терроризмом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 4 (845). – С. 103-117.
214. Степанова, Е. А. Мирный процесс по Афганистану и роль России // Пути к миру и безопасности. – 2019. – № 2(57). – С. 21-33.
215. Степанова, Е. А. Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана // Pro et Contra. – 2013. – Т. 17. № 6 (61). – С. 102-119.
216. Тренин, Д. В. Российская внешняя политика в 1992–2009 годах // История новой России. – URL: <https://dcmpx.remotevs.com/ru/ru-90/PL/node/1284?> (дата обращения: 06.04.2025).
217. Филоненко, А. Е. Военное и военно-техническое сотрудничество России со странами Центральной Азии на современном этапе // Казачество. – 2016. – № 3 (16). – С. 7-16.

218. Хитцер, Ф. Короткие замыкания и переменные токи: эссе о терроризме и антитерроризме // Иностранная литература. – 2003. – № 9. – С. 206-233.
219. Чернявский С. И. Центральная Азия в эпоху перемен // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 6. – С. 152-165.
220. Шашок, Л. А. Деятельность террористической группировки «ИГИЛ-Хорасан» в Центральной Азии и за ее пределами // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – № 6. – С. 118-130.
221. Шашок, Л. А. Смена власти в Афганистане как фактор обострения обстановки в сфере региональной безопасности (на примере Таджикистана) // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8. № 2. – С. 127-136.
222. Шашок, Л. А. Этнорелигиозная идентичность в идеологии движения "Талибан" в 1994-1996 гг // Этносоциум и межнациональная культура. – 2020. – № 12 (150). – С. 79-89.

Статьи в периодических и продолжающихся изданиях на иностранных языках

223. Ahmad, Z. S. Political Islam, the Jamaat-e-Islami, and Pakistan's Role in the Afghan-Soviet War, 1979-1988 / Z. S. Ahmad // Religion and the Cold War: A Global Perspective. – Nashville : Vanderbilt University Press, 2012. – P. 275-295.
224. Arkoun, M. The Concept of Authority in Islamic Thought // Islam, State and Society. – Curzon Press, 1988. – P. 53-74.
225. Bakke, K. M. A Plague of Initials: Fragmentation, Cohesion, and Infighting in Civil Wars // Perspectives on Politics. – 2012. – Vol. 10. №2. – P. 1-38.
226. Barfield, T. An Islamic State is a State Run by Good Muslims: Religion as a Way of Life and not an Ideology in Afghanistan // Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization. – Princeton : Princeton University Press, 2008. – P. 213-239.
227. Bearden, M. Afghanistan, Graveyard of Empires / M. Bearden // Foreign Affairs. – 2001. – November/December. –

- URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2001-11-01/afghanistan-graveyard-empires> (дата обращения: 22.03.2021).
228. Byman, D. L. Friends Like These: Counterinsurgency and the War on Terrorism // *International Security*. – 2006. – Vol. 31. №2. – P. 79-115.
229. Farrell, F. Unbeatable: Social Resources, Military Adaptation and the Afghan Taliban // *Texas National Security Review*. – 2018. – Vol. 1. №3, May. – P. 63.
230. Giustozzi, A. *Military Adaptation by the Taliban, 2002-2011* // *Military Adaptation in Afghanistan*. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2013. – P. 259-260.
231. Giustozzi, A. The Taliban's Adaptation 2002-2011: A Case of Evolution? // *Cliodynamics*. – 2012. – Vol. 3. №1. – P. 109.
232. Glatzer, B. Zum Pashtunwali als ethnischem Selbstportrait // *Subjekte und Systeme: Soziologische und anthropologische Annäherungen. Festschrift für Christian Sigrist zum 65. Geburtstag*. – Frankfurt : IKO Verlag, 2000. – P. 89-108.
233. Haynes, J. Religion and International Relations: What Do We Know and How Do We Know It? // *Religions*. – 2021. – Vol. 12. №328. – P. 1-14.
234. Jadoon, A. The Enduring Duel: Islamic State Khorasan's Survival under Afghanistan's New Rulers // *CTC Sentinel*. – 2023. – URL: <https://ctc.westpoint.edu/the-enduring-duel-islamic-state-khorasans-survival-under-afghanistans-new-rulers/> (дата обращения: 16.08.2024).
235. Johnson, T. H. Analysing the New Taliban Code of Conduct (Layeha): An Assessment of Changing Perspectives and Strategies of the Afghan Taliban // *Central Asian Survey*. – 2012. – Vol. 31. №1. – P. 81-84.
236. Johnson, T. H. Taliban Adaptations and Innovations // *Small Wars & Insurgencies*. – 2013. – Vol. 24. №1. – P. 12.
237. Johnson, T. H. The Illusion of Afghanistan's Electoral Representative Democracy: The Cases of Afghan Presidential and National Legislative Election // *Small Wars & Insurgencies*. – 2018. – Vol. 29. №1. – P. 2.

238. Johnson, T. H. The Prospects for Post-Conflict Afghanistan: A Call of the Sirens to the Country's Troubled Past // *Strategic Insights*. – 2006. – Vol. 5. №2. – URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a485125.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).
239. Johnson, T. H. Understanding the Taliban and Insurgency in Afghanistan // *ORBIS*. – 2007. – Vol. 51. №1. – P. 74-80.
240. Keohane, R. The demand for international regimes // *International Organization*. – 1992. – Vol. 36. №2. – P. 325-355.
241. Khan, S. Imperialism, Religion and Class in Swat // *International Socialism*. – 2009. – № 123. – P. 26.
242. Krasner, S. Regimes and the limits of realism: Regimes as autonomous variables // *International Organization*. – 1982. – Vol. 36. №2. – P. 497-510.
243. Lansford, T. Osama bin Laden, Radical Islam and the United States // *America's War on Terror*. – Ashgate, 2003. – P. 14.
244. Lynch, T. J. Kristol Balls: Neoconservative Visions of Islam and the Middle East // *International Politics*. – 2008. – Vol. 45. №2. – P. 182-211.
245. Mili, H. Tribal Dynamics of the Afghanistan and Pakistan Insurgencies // *CTC Sentinel*. – 2009. – Vol. 2. №8. – P. 1-2. – URL: <https://ctc.usma.edu/app/uploads/2010/06/Vol2Iss8-Art3.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).
246. Rahimi, H. International Law and the Taliban's Legal Status: Emerging Recognition Criteria? // *Washington International Law Journal*. – 2023. – Vol. 32. №3. – P. 245.
247. Sandal, N. Religion and Foreign Policy // *Routledge Handbook of Religion and Politics*. – New York : Routledge, 2016. – P. 284-298.
248. Shah, T. The Rise and Fall of Religion in International Relations: History and Theory // *Religion and International Relations Theory*. – New York : Columbia University Press, 2011. – P. 24-59.
249. Sonbol, A. Women in Shari'ah Courts: A Historical and Methodological Discussion // *Fordham International Law Journal*. – 2003. – Vol. 27. №1. –

URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1918&context=ilj> (дата обращения: 30.07.2023).

250. Staniland, P. Between a Rock and a Hard Place: Insurgent Fratricide, Ethnic Defection, and the Rise of Pro-State Paramilitaries // Journal of Conflict Resolution. – 2012. – Vol. 56. №1. – P. 16-40.
251. Watkins, A. An Assessment of Taliban Rule at Three Months // CTC Sentinel. – 2021. – Vol. 14. №9. – URL: <https://ctc.westpoint.edu/an-assessment-of-taliban-rule-at-three-months/> (дата обращения: 17.03.2023).
252. Wiseman, H. V. The New Constitution of Afghanistan – Some Observations // Parliamentary Affairs. – 1964. – Vol. XVIII. №4. – P. 434-441.
253. Zaidi, A. The Ulema, Deoband and the (Many) Talibans – Historical Scholarship Ignores the Discontinuities and Breaks That Have Taken Place in the Traditions of Pakistani Islam // Economic and Political Weekly [Mumbai]. – 2009. – May 9-15.
254. Žižek, S. Are we in a war? Do we have an enemy? // London Review of Books. – 2002. – Vol. 24. №10, 23 May. – URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v24/n10/slavoj-zizek/are-we-in-a-war-do-we-have-an-enemy> (дата обращения: 23.11.2022).

Научно-аналитические доклады и публикации

255. Бордачев, Т. В. Россия, Большая Евразия и современная международная политика // Российский совет по международным делам. – 2024. – 8 февраля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-bolshaya-evraziya-i-sovremennaya-mezhdunarodnaya-politika/> (дата обращения: 30.04.2025).
256. Сафранчук, И. А., Конаровский, М. А., Мачитидзе, Г. Г. [и др.]. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность // Евразийские Стратегии МГИМО Консалтинг. – URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/afganistan-posle-smeny->

rezhima-vnutrennjaja-i-mezhdunarodnaja-neopredelennost (дата обращения: 30.04.2025).

257. Суслов, Д. В. 20 лет назад произошло крупнейшее расширение НАТО на восток. Как политика США привела к военному конфликту на Украине? Российский совет по международным делам. – 29.03.2024. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/20-let-nazad-proizoshlo-krupneyshee-rasshirenie-nato-na-vostok-kak-politika-ssha-privela-k-voennomu/?sphrase_id=151626956 (дата обращения: 20.04.2025).
258. Abu Dhabi's Quiet Engagement in Afghanistan May Ease Taliban Isolation // Middle East Council on Global Affairs. – 2025. – 26 March. – URL: https://mecouncil.org/blog_posts/abu-dhabis-quiet-engagement-in-afghanistan-may-ease-taliban-isolation/ (дата обращения: 19.12.2024).
259. Adili, A. Y. The Stagnation of Afghanistan's State Institutions: Case studies of the Supreme Court, Senate, provincial councils and the constitutional oversight commission // Afghanistan Analysts Network. – 2021. – 31 March. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/political-landscape/the-stagnation-of-afghanistans-state-institutions-case-studies-of-the-supreme-court-senate-provincial-councils-and-the-constitutional-oversight-commission/> (дата обращения: 18.06.2023).
260. Akbari, F. The Risks Facing Hazaras in Taliban-ruled Afghanistan // George Washington University Program on Extremism. – 2022. – 7 March. – URL: <https://extremism.gwu.edu/risks-facing-hazaras-in-taliban-ruled-afghanistan> (дата обращения: 11.04.2024).
261. Amiri, R. Helmand: The Chain of Chiefdoms Unravels // Afghanistan Analysts Network. – 2016. – 11 March. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/helmand-2-the-chain-of-chiefdoms-unravels/> (дата обращения: 23.10.2021).
262. Arjomand, S. A. Can Rational Analysis Break a Taboo? A Middle Eastern Perspective // Items: Insights from the Social Sciences. –

- URL: <https://items.ssrc.org/after-september-11/can-rational-analysis-break-a-taboo-a-middle-eastern-perspective/> (дата обращения: 15.05.2021).
263. Baczko, A. How the Taliban Justice System Contributed to their Victory in Afghanistan // Items: Insights from the Social Science Research Council. – 2021. – URL: <https://items.ssrc.org/insights/how-the-taliban-justice-system-contributed-to-their-victory-in-afghanistan/> (дата обращения: 16.01.2022).
264. Bahiss, I. Who Will Run the Taliban Government? // International Crisis Group. – 2021. – 9 September. – URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/who-will-run-taliban-government> (дата обращения: 25.03.2024).
265. Butt J. A Taleban Theory of State: a Review of the Chief Justice’s Book of Jurisprudence // Afghanistan Analysts Network. – 2023. – August. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2023/09/chief-justice-book-review-FINAL-.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).
266. Clark, K. Taxing the Afghan Nation: What the Taleban’s pursuit of domestic revenues means for citizens, the economy and the state // Afghanistan Analysts Network. – 2022. – September 28. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2022/09/Taleban-Taxation-Final-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
267. Clark, K. The Cost of Support to Afghanistan: Considering inequality, poverty and lack of democracy through the ‘rentier state’ lens // Afghanistan Analysts Network. – 2020. – 29 May. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2020/05/20200528-Rentier-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
268. Clark, K. The Taleban’s rise to power: As the US prepared for peace, the Taleban prepared for war // Afghan Analyst Network. – 2021. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/the-talebans-rise-to-power-as-the-us-prepared-for-peace-the-taleban-prepared-for-war/> (дата обращения: 12.10.2021).

269. Clark, K. What Do the Taliban Spend Afghanistan's Money On? Government expenditure under the Islamic Emirate // Afghanistan Analysts Network. – 2023. – March. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/economy-development-environment/what-do-the-taliban-spend-afghanistans-money-on-government-expenditure-under-the-islamic-emirate-amended/> (дата обращения: 01.09.2024).
270. Franco, C. The Evolving Taliban: Changes in the Insurgency's DNA / // Afghanistan Analysts Network. – 2013. – 19 May. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/the-evolving-taliban-changes-in-the-insurgencys-dna/> (дата обращения: 23.10.2021).
271. Garlasco, M. «Troops in Contact» Airstrikes and Civilian Deaths in Afghanistan – N. Y. : Human Rights Watch, 2008. – URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/afghanistan0908webwcover_0.pdf (дата обращения: 27.11.2021). Примеч.: Организация Human Rights Watch (HRW) признана нежелательной в РФ, решение принято Минюстом РФ по представлению Генпрокуратуры 28.11.2025.
272. Giustozzi, A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure // Landinfo. – 2017. – 23 August. – URL: https://www.landinfo.no/asset/3589/1/3589_1.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
273. In Afghanistan, Was a Loss Better than Peace? // United States Institute of Peace. – 2022. – 3 November. – URL: <https://www.usip.org/publications/2022/11/afghanistan-was-loss-better-peace> (дата обращения: 29.11.2022).
274. Jackson, A. Life Under the Taliban Shadow Government / A. Jackson. – Kabul: Overseas Development Institute, 2018. – P. 6. – URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12269.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

275. Lieven, A. An Afghan tragedy: the Pashtuns, the Taliban and the state / A. Lieven // The International Institute for Strategic Studies. – 2021. – 3 June. – URL: https://www.iiss.org/online-analysis/survival-online/2021/06/afghanistan-taliban/?_id=FF9CEA9BB3364C4EA3F57E2005A6F6D3&_z=z (дата обращения: 16.08.2024).
276. Mandaville, P. Islam as Statecraft: How Governments Use Religion in Foreign Policy / P. Mandaville, S. Hamid // The New Geopolitics: Middle East. – Washington, DC : The Brookings Institution, 2018. – URL: <https://www.brookings.edu/research/islam-as-statecraft-how-governments-use-religion-in-foreign-policy/> (дата обращения: 31.03.2021).
277. Mansfield, D. Uncharted Territory: Does the Taliban's new edict signal a crackdown on the drugs trade is looming? // Alcis. – 2023. – 2 November. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/recommended-reading/uncharted-territory-does-the-talibans-new-edict-signal-a-crackdown-on-the-drugs-trade-is-looming/> (дата обращения: 28.07.2024).
278. Mills, P. Taliban Struggles to Contain Afghan National Resistance Front // Critical Threats. – 2022. – 7 September. – URL: <https://www.criticalthreats.org/analysis/taliban-struggles-to-contain-afghan-national-resistance-front> (дата обращения: 28.10.2023).
279. Nojumi, N. Afghanistan's Systems of Justice: Formal, Traditional and Customary / N. Nojumi [et al.]. – 2004. – P. 36. – URL: <http://www.gmu.edu/departments/crdc/neamatl.pdf> (дата обращения: 23.12.2021).
280. Osman, B. A Negotiated End to the Afghan Conflict: The Taliban's Perspective // Peaceworks. – 2018. – №137. – United States Institute of Peace, June. – URL: <https://www.usip.org/publications/2018/06/negotiated-end-afghan-conflict> (дата обращения: 06.11.2021).
281. Osman, B. Toward Fragmentation? Mapping the Post-Omar Taliban // Afghanistan Analysts Network. – 2015. – 24 November. –

- URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/toward-fragmentation-mapping-the-post-omar-taleban/> (дата обращения: 28.10.2021).
282. Qandil, M. M. The Killing of al-Zawahiri: Repercussions for the Taliban // The Washington Institute for Near East Policy. – 2022. – 16 August. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/killing-al-zawahiri-repercussions-taliban> (дата обращения: 18.11.2023).
283. Rahimi, H. A Constitutional Reckoning with the Taliban's Brand of Islamist Politics: the Hard Path Ahead. – 2021. – URL: https://www.aiss.af/assets/aiss_publication/Reckoning_with_Islamist_Politics.pdf (дата обращения: 23.03.2023).
284. Rahimi, H. Remaking of Afghanistan: How the Taliban are Changing Afghanistan's Laws and Legal Institutions // Institute of South Asian Studies Working Papers. – 2022. – 26 July. – URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/remaking-of-afghanistan-how-the-taliban-are-changing-afghanistans-laws-and-legal-institutions/> (дата обращения: 27.03.2024).
285. Rahimi, H. Taliban Caretaker Government: Good for Internal Cohesion, Bad for Governance // The Diplomat. – 2021. – 9 September. – URL: <https://thediplomat.com/2021/09/taliban-caretaker-government-good-for-internal-cohesion-bad-for-governance/> (дата обращения: 26.03.2023).
286. Rubin, B. Afghanistan Under the Taliban: Findings on the Current Situation // Stimson Center. – 2022. – 20 October. – URL: <https://www.stimson.org/2022/afghanistan-under-the-taliban-findings-on-the-current-situation/> (дата обращения: 11.06.2024).
287. Ruttig, T. How tribal are the Taleban? Afghanistan's largest insurgent movement between its tribal roots and Islamist ideology // Afghanistan Analysts Network. – 2010. – 26 p. – URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/downloads/2012/10/20100624TR-HowTribalAretheTaleban-FINAL.pdf> (дата обращения: 26.08.2020).

288. Salih, C. Group Cohesion and Peace Processes // Peace Brief. – 2017. – №230. – United States Institute of Peace, September. – URL: <https://www.usip.org/publications/2017/09/group-cohesion-and-peace-processes> (дата обращения: 23.10.2021).
289. Semple, M. Rhetoric, Ideology and Organizational Structure of the Taliban Movement // Peaceworks. – 2014. – №102. – United States Institute of Peace, December. – URL: <https://www.usip.org/publications/2015/01/rhetoric-ideology-and-organizational-structure-taliban-movement> (дата обращения: 23.10.2021).
290. Smith, G. Taliban Factionalism Rises After Mullah Omar's Death // International Crisis Group. – 2015. – 13 August. – URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/taliban-factionalism-rises-after-mullah-omar-s-death> (дата обращения: 26.10.2021).
291. Thier, A. The Nature of the Afghan State: Centralization vs. Decentralization // United States Institute of Peace. – 2020. – November. – URL: https://www.usip.org/sites/default/files/Afghanistan-Peace-Process_Nature-of-the-Afghan-State_Centralization-vs-Decentralization.pdf (дата обращения: 11.06.2024).
292. Watkins, A. Taliban Fragmentation. Fact, Fiction and Future // United States Institute of Peace, 2020. – №160, March. – 24 p. – URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/2020-03/pw160-talibanfragmentationfactfictionandfuture-pw.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).
293. Watkins, A. Taliban Fragmentation: a Figment of Your Imagination? // War on the Rocks. – 2019. – 4 September. – URL: <https://www.warontherocks.com/2019/09/taliban-fragmentation-a-figment-of-your-imagination/> (дата обращения: 23.10.2021).
294. Zhou, J. Treading Lightly: China's Footprint in a Taliban-Led Afghanistan // SIPRI Insights on Peace and Security. – 2022. – №2022/8. – Stockholm International Peace Research Institute. – URL:

https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-11/sipriinsights_2208_china_and_afghanistan_2.pdf (дата обращения: 28.01.2023).